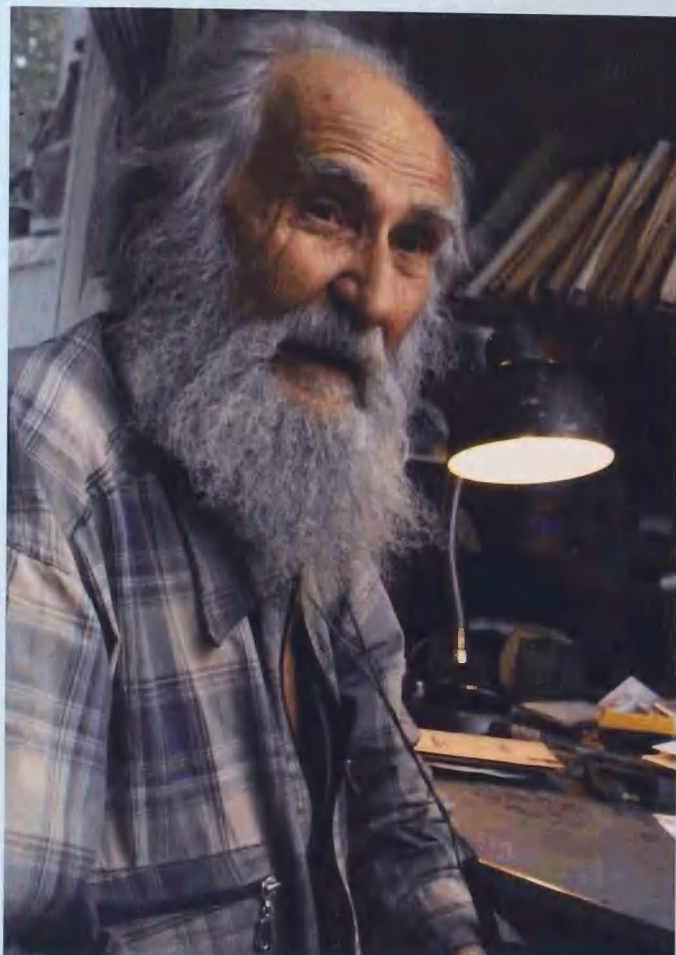
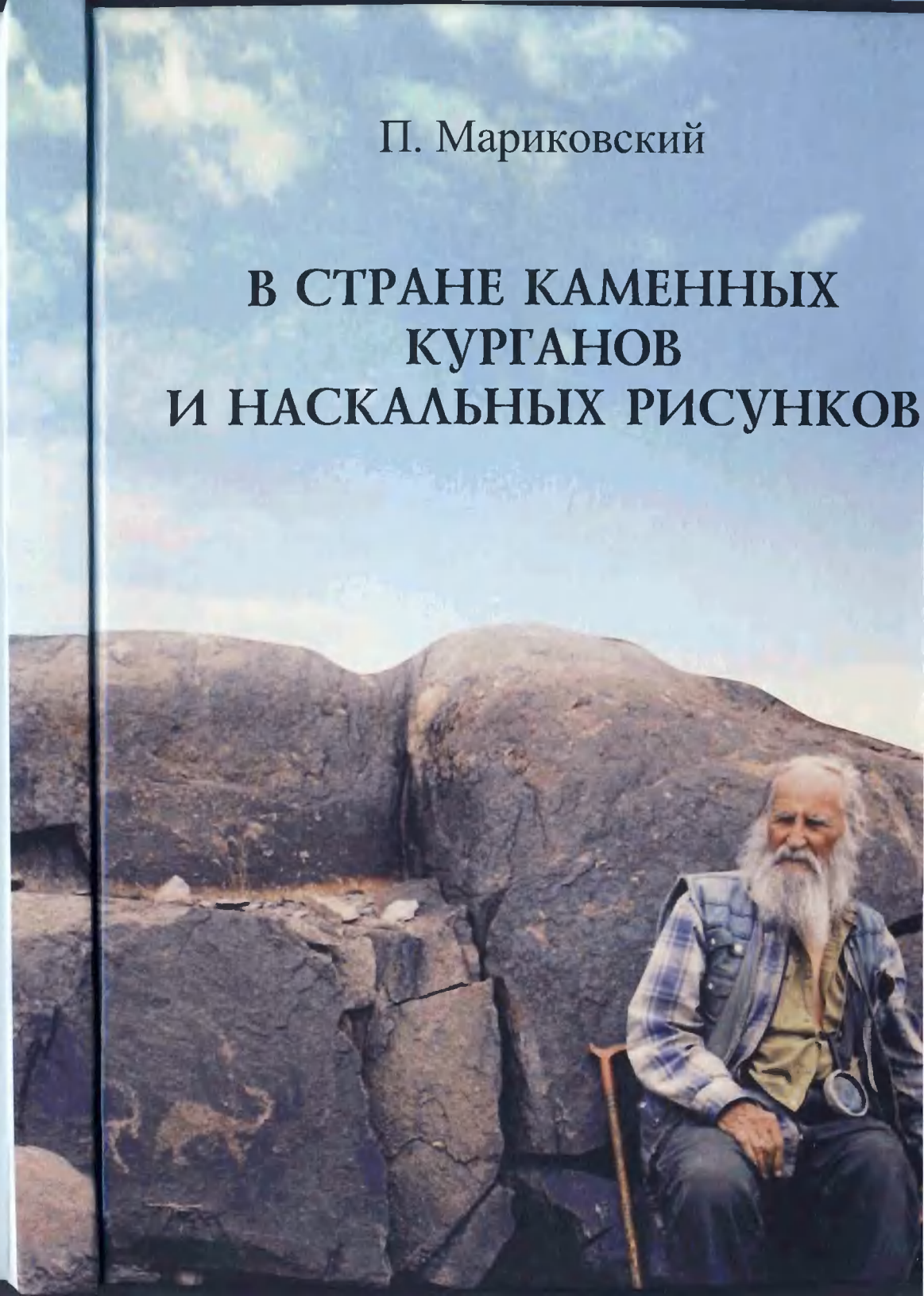

Эта книга написана старейшим исследователем природы Казахстана, доктором биологических наук, профессором зоологии и писателем-очеркистом, опубликовавшим более семидесяти научно-популярных и научно-художественных книг документальной прозы. Она посвящена интересным и ранее неизвестным находкам автора в когда-то процветавшей и ныне безлюдной части подпустыни Сары-Арка и рассчитана на широкий круг читателей, любителей природы и путешествий, а также специалистов-ученых.

П. Мариковский

В СТРАНЕ КАМЕННЫХ КУРГАНОВ И НАСКАЛЬНЫХ РИСУНКОВ

П. Мариковский

**В СТРАНЕ КАМЕННЫХ КУРГАНОВ
И НАСКАЛЬНЫХ РИСУНКОВ**

Алматы 2005

ББК 63.4
М 26

*Публикация этой книги стала возможна при поддержке
официального дилера "Тойота" центра "Жетісу"*

*Фотографии автора, О. Коренчук,
И. Логвина и В. Мосина.*

Мариковский П.И.
М 26 В стране каменных курганов и наскальных рисунков. -
Алматы, 2005. - 272 с.

ISBN 9965-511-31-4

Эта книга написана старейшим исследователем природы Казахстана, доктором биологических наук, профессором зоологии и писателем-очеркистом, опубликовавшим более семидесяти научно-популярных и научно-художественных книг документальной прозы. Она посвящена интересным и ранее неизвестным находкам автора в когда-то процветавшей и ныне безлюдной части полупустыни Сары-Арка и рассчитана на широкий круг читателей, любителей природы и путешествий, а также специалистов-ученых.

ББК 63.4

М 0504000000
00(05)-05

ISBN 9965-511-31-4

© Павел Мариковский, 2005.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ПУСТЫНЮ САРЫ-АРКА

НАШИ АВТОМОБИЛИ	5
КРАСНЫЕ МАКИ И АЛЛА-ГУЛЕК	7
ПОИСКИ КАЛМАКЭМЕЛЯ	13
БАЛХАШ ПОВТОРЯЕТ СУДЬБУ АРАЛА	27
РИСУНКИ КАЛМАКЭМЕЛЯ	42
О ЧЕМ РАССКАЗАЛИ РИСУНКИ	71

В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ

НАЧАЛО ПУТИ	74
АДРАСПАН	79
БЕСПОКОЙНАЯ НОЧЬ	80
ПОСПЕШНОЕ БЕГСТВО	83
МУШИНАЯ ПРИМАНКА	85
ХОЗЯИН ПУСТЫНИ	87
КОРОТКИЕ ЗНАКОМСТВА	87
КРАСНЫЕ КЛЕЩИКИ	89
МУЗЕЙ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ	90
ПОЛУОСТРОВ БАЙГАБЫЛ	95
ЛЮБОПЫТНЫЙ УЖ	97
СТРАННАЯ ОСА	97
МОХНАТЫЕ ПОЛОГА	99
ЗОРКИЕ ЧАЙКИ	100
В ЧЕРНОЙ ОДЕЖДЕ	101
НЕОБЫЧНЫЕ НАКЛОННОСТИ	103
НЕОЖИДАННОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ	106
РОЗОВЫЕ ГРАНИТЫ	109
ПРОЩАНИЕ С БАЛХАШОМ	111
ЖИТЕЛЬ НОРКИ	112
СИМПАТИЧНЫЙ ТОЛСТЯК	113
ТАИНСТВЕННАЯ НЕЗНАКОМКА	115
ПЕРВЫЕ РИСУНКИ	116
ГНЕЗДО СТЕПНОГО ОРА	131
КАЛМАГАБЕЛЬ	132
НЕОБЫЧНОЕ ИЗОБИЛИЕ	134
О ЧЕМ РАССКАЗАЛИ КАМНИ	135
КТО ЖИВЕТ ПОД КАМНЯМИ	152
ТУРКЕСТАНСКАЯ ЗЛАТОГУЗКА	153

В СТРАНЕ КАМЕННЫХ КУРГАНОВ

НЕПОГОДА	155
КОЛЕМБОЛЫ	158
ВТОРАЯ ВЕСНА	160
ЖЕЛТЫЕ ИВЫ	161
РЕКА ТОКРАУ	162
КАМЕННЫЕ КУРГАНЫ	165
СОЛНЦЕСТОЯНИЯ И РАВНОДЕНСТВИЯ	168
КУРГАНЫ С ГРЯДКАМИ И СТОУНХЕНДЖ	169
ГОРА БЕГАЗЫ	178
СУХАЯ ПАЛОЧКА	183
КЗЫЛАРАЙ	184
ПРАВДА О МУМИЕ	188
ОПАСНАЯ ВСТРЕЧА	195
ИСПОРЧЕННЫЙ ЧАЙ	198
КОРОВА С ТРЯСОГУЗКАМИ	201
ЗВУЧАЩИЕ КУРГАНЫ	202
РОЗОВЫЙ СКВОРЕЦ ДОСТОИН ПРИСТАЛЬНОГО ВНИМАНИЯ	205
ДОЛИНА КАМЕННЫХ КУРГАНОВ	207
ГОРА ТОЛАГАЙ	211
НОЧНОЕ НЕБО	216
ПОСЛЕДНИЙ КУРГАН	220
НЕУДАЧНЫЕ ПОИСКИ	221

И СНОВА В ПУТИ

СТРЕМЛЕНИЕ К СТРАНСТВОВАНИЮ	226
ПРИДОРОЖНАЯ АЛЛЕЯ	228
ПОИСКИ КУРГАНА ТРИДЦАТИ СЕМИ ВОИНОВ	231
КРАСНЫЕ КУСТЫ	237
ЛАГЕРЬ АРХЕОЛОГОВ	240
ВОЗРОЖДЕНИЕ САЙГАКОВ	245
БЕКТАУАТА	249
ОБЩЕСТВА РАЧКОВ-ЩИТНЕЙ	252
ОЗЕРКО В ПЕЩЕРЕ	256
ВОКРУГ БЕКТАУАТА	259
ЗАГАДОЧНЫЕ ЧЕРНОТЕЛКИ	261
РАЗДУМЬЯ НАД ПЛАНАМИ КУРГАНОВ	262
РАЗЛИЧНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КУРГАНОВ С ГРЯДКАМИ	264
БУДУЩЕЕ КУРГАНОВ С ГРЯДКАМИ	266
ОТ АВТОРА	269

*****

ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ПУСТЫНЮ САРЫ-АРКА

Познания и странствия неотделимы друг от друга. В этом заключается величайший смысл любого путешествия... Каждое путешествие - это проникновение в область значительного и прекрасного.

К. Паустовский

НАШИ АВТОМОБИЛИ

19 мая в шесть часов утра в моей квартире раздался звонок в наружную дверь. Он меня обрадовал. В точно назначенное время около дома, в котором я живу, стояли две загруженные машины нашей экспедиции.

Одна из машин - светлая, настоящая красавица, вездеход, другая - подобная первой, но черная и заметно выше.

Обе машины принадлежали известной японской фирме "Тойота", популярной в среде автолюбителей всего мира своей надежностью, долговечностью и комфортабельностью. На стекле нашей аристократки-машины красуется эмблема, изображающая множество дорог,

протянувшихся на пути, а на бортах ее написано крупными буквами СПЕЦМАРШРУТ.

Обе машины были даны напрокат бесплатно вместе с бесплатным же бензином и питанием в честь шестидесятилетия Второй Мировой войны мне, ее участнику, в прошлом полковнику медицинской службы, ныне натуралисту, профессору зоологии, ученому и писателю. Прошло шесть лет, как я простился со своей последней машиной, и все мои последующие поездки на природу стали случайными.

Большую черную машину вел Андрей Калистратов, сотрудник фирмы, за рулем машины-красавицы надлежало попеременно сидеть моим дру-

зьям Владимиру Мосину и Александру Волошину, хлопотами которых обусловлен успех всего затеянного путешествия. С нами еще едут Галина и Ольга Коренчук, жена и дочь известного в городе фотографа В. Коренчука. Все участники поездки, кроме водителя черной машины, - добровольцы, пожелавшие путешествовать по Центральному Казахстану.

две столицы Казахстана: южную Алматы и северную Астану. Более десяти лет сильной засухи изнурили пустыню, и она поникла. Исчезло или стало очень редким все животное население обширных просторств, не стало ни ящериц, ни змей, ни столь обыденных жаворонков и множества других птиц.

Даже столь приспособленные к суровым условиям жиз-

Долгие заботы по подготовке машин к поездке, закупке продуктов питания, запасов воды и бензина остались позади, и вот мы за городом. Остановились на шоссе автомобильной дороги, связывающей

ни пустыни грызуны-песчанки, никогда не пьющие воду и черпающие влагу из растений, и те стали очень редкими. Иногда на землю проливалась скудная влага, и тогда местами слегка пробуждалась жизнь. Сей-

час с небольшим запозданием над Семиречьем прошли кое-где дожди, и первое, что мы увидели за городом, - обширными полями расцвели чудесные красные маки.

КРАСНЫЕ МАКИ И АЛЛА-ГУЛЕК

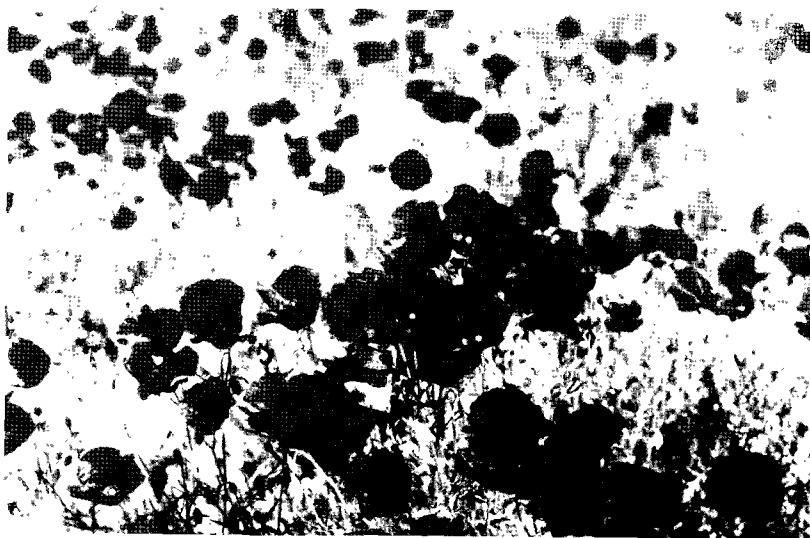
Сплошные поля маков, покрывшие собой землю, невольно вызвали незабываемое ощущение чего-то необычного и особенного, пробудив у нас, пленников города, чувство преклонения перед красотой и буквально буйством цветов. Седьмой спутник нашей экспедиции - спаниель Рудик стал

носиться по красному полю с необыкновенным возбуждением, инстинктивно, больше, чем мы, люди, пораженный красотой природы, выражая свое преклонение перед встречей с ней всем своим существом, безумством прыжков и кувырканий.

К ярко-красному полю маков подходит стадо верблюдов, и многие из них принимают жадно поесть цветы, в то время как другие остаются в стороне и будто равнодушны. Я издавна знаю, что на лепестках красных маков кормятся жуки-нарывники. Их много на маках, и биология их сложна. Они обычно ярко-красного

цвета с различными черными пятнами и перевязями, мало-подвижны и спокойны. Их кровь сильно ядовита, содержит так называемый контаридин, который даже на коже вызывает волдыри. Потревоженный жук выделяет капельки этого яда, по существу свою кровь. Контаридин необыкновенно стоек. Жуки, высушенные и хранящиеся много лет, не теряют ядовитости.

Ранее чабаны, заведя жуков-нарывников, стороной обгоняли свой стада. Заглоченный вместе с растением жук вызывает резкое воспаление желудка у проглотившего его животного, нередко кончающееся гибелью. Алла-гулек - несчастье,

погибель - так называли казахи этого жука. Неужели за долгие годы засухи животные потеряли инстинкт боязни к опасным жукам, пиршествующим на маках?

О ядовитости жуков-нарывников издавна знало человечество. Их применяли в медицине и в частности в Древнем Риме. Об этом можно рассказать многое, но из-за экономии места в повествовании

о путешествии я вынужден это упустить.

Сегодня ясный день. Небо глубоко синее и безоблачное. Только далеко за ровным горизонтом необъятных просторов пустыни, где-то за Балхашом и Джунгарским

Алатау, красуются белоснежные облака.

По шоссе наши машины мчатся легко и быстро, и я сразу не догадываюсь, почему так медленно катятся попутные легковушки, и мы их обгоняем. Оказывается, наши при скорости в сто тридцать километров в час настолько хорошо поддрессированы и быстроходны, что скорость их не ощущается. Подобное новшество для меня необычно и, думается, что наш очень далекий путь в Центральный Казахстан мы способны преодолеть за короткое время. Мелькает мимо знакомая обширная впадина Сорбулака, ныне заполненная сточными водами города. Свернув почти на запад, минуем речку Курты, несемся по прямому пути через обширнейшую и ровную пустыню Джусандаа (Полынная пустыня). Алые пятна зарослей чиков все реже и реже и, наконец, полностью исчезают. Сказывается наше вступление в каменистую пустыню, к тому же менее щедро политую дождями.

- Как вы думаете, для кого цветут маки и почему так красивы цветы? - задаю я обычный вопрос тем, кто впервые попадает на природу. И на этот вопрос очень редко полу-

чают правильные ответы. - Вся красота цветов, все их изящество, - продолжаю я, - а также крохотные кладовые нектара, спрятанные на дне цветоложа, предназначены природой только и исключительно для насекомых. Они - участники брачных дел цветковых растений - переносят на своем теле пыльцу - половые клетки с растения на растение.

Мое объяснение чаще всего вызывает недоумение. У некоторых мое объяснение вызывает даже возмущение: "Как это так, что все цветы предназначены только для насекомых!"

В этом явлении заложена еще одна немаловажная особенность. Красота цветков воспринимается одинаково как человеком, так и насекомыми. Она - красота общая, едина, всеобща и без нее невозможно - скудеет наше существование. "Красота может спасти мир", - говорят многие, так как она пробуждает чувство возвышенности, благородия, чего-то особенного в душе, возвышающего над обыденностью сознания животных. Без красоты существом мира овладевают звериные инстинкты, жестокость, эгоизм, равнодушие к злу и добру.

Дорога через громадную Джусандалу тянется долго, прямая и будто проведенная по линейке. И вокруг ровный горизонт. Лишь справа синее тонкая полоска Чуилийских гор, напоминая названием, что слева на юге течет река Чу, а вдали справа на севере - большая река пустыни - Или. Вскоре и полоска Чуилийских гор уходит назад, и впереди вновь ровный горизонт, оставленный громадным древним водным пространством. Наши машины резво преодолевают его, и, преодолевая скуку, начинаю вспоминать о том, как путешествовал по просторам Семиречья.

Демобилизовавшись на год позже окончания войны (меня задержали) и попав в Казахстан в Институт зоологии Академии наук республики, передо мной, натуралистом, встала проблема передвижения. Чем больше и чаще меняешь обстановку природы, тем богаче наблюдения за жизнью ее обитателей. А на какие способы передвижения можно было рассчитывать в тяжелые послевоенные годы? Конечно, можно было спокойно отсиживаться в лаборатории в ожидании кое-когда перепадавшей поездки на единственной ин-

ститутской автомашине.

За булку хлеба на базаре выменял старый неисправный велосипед. У него даже не крутились колеса. Принес его домой, взвалив на спину. Восстановил. Со своим помощником лаборантом Мишей Оленченко, у него был велосипед, совершали путешествия по пустыням, часто с запасом еды, воды и со спальными мешками. Откуда брались силы и энтузиазм, особенно в жаркое лето? Тогда по грунтовым дорогам и просто по бездорожью, мне могут не поверить, мы добирались до озер Ащаккуль, Сонкуль и Бийлюкуль вблизи города Джамбула. Тогда я взялся за изучение ядовитого паука каракурта и крупного паука страны южнорусского тарантула.

На следующий, 1947 год, купил американский мотоцикл с коляской "Харлей". И почувствовал на нем себя королем путешествий. Через года два-три появились наши первые легковушки "Москвич" и "Победа". И после мотоцикла, набившего на руках мозоли, уселся на легковушку. Она, сейчас трудно поверить, была без отопления, без сигналов поворотов, которые указывались рукой, протянутой в

окно. Мощность ее мотора была всего лишь 24 силы. Иногда очень крутые подъемы приходилось брать, пятась задом наперед. Но зато каким комфортом казалась езда в уютном кресле после тряско-го мотоцикла!

Вскоре "Москвич" перестал удовлетворять потребности путешествий. Он был очень мал для далеких путешествий. Пришла пора пересаживаться на более крупную машину "Победа". Но народ уже понял значение автотранспорта, и, чтобы ее купить, следовало выжидать двухгодичную очередь, спекулянты же за нее требовали двойную цену в сорок тысяч рублей. Долго сомневаясь и переживая, собрал все деньги, купил в то время свободно стоявшую в магазине большую машину ЗИМ. Она во всех отношениях была как будто прекрасной. Но очень велика и длинна. Управлять ею по бездорожью стоило громадного труда, в то время как мои спутники наслаждались ее комфортом и мягкой подвеской. С громадными препятствиями, часто пользуясь лебедкой, на этой машине проехал по Западной Сибири, минуя Новосибирск, Томск, Минусинск и Кызы

(Тувинская ССР), повидав Енисей, полупустыни, степи и леса Западной Сибири.

ЗИМ меня тяготил своим видом богатой машины, роскошеством, плохой проходимостью по бездорожью. И когда появились маленькая машина "Запорожец" (первый их выпуск назывался в народе "горбатым"), пересел на него и, с помощью лебедки легко вытаскивая машину из труднейших мест, в которых застревают грузовики, объехал Балхаш по его северному берегу и был покорен необыкновенными красотами этого озера.

Моей мечтой была легковушка-вездеход сперва ГАЗ 57, потом ГАЗ 69. Но они предназначались только для армии и учреждений и состояли на особом учете.

Послевоенная жизнь улучшалась, развивалась наша автомобильная промышленность, и старые машины-вездеходы стали разрешать частным владельцам. Обменял свой безвыездно стоявший в гараже ЗИМ на старенькую и плохенькую ГАЗ 69 и только тогда вдохнул свободно грудью. На ней, порядком повозившись с восстановлением, где только я не бывал, пользуясь ею более 14 лет.

Последней моей машиной был "Запорожец" более совершенный, с которым после трех лет езды был вынужден проститься, оказавшись в трудном материальном положении, обремененный семьей и скудным пенсионным обеспечением.

И вот сейчас, в финале странствий, в девяностотрехлетнем возрасте развалился на сидении на красавице, обладающей мягкой подвеской, повышенной скоростью, высокой мощностью мотора в тысячи лошадиных сил, тишиной в кузове, позволяющей на ходу вести свободный разговор. Впрочем, сейчас из наших

спутников никто не проявлял особенной склонности к разговорам, мягко покачиваясь, отдаваясь отдыху и покою после шумной жизни города.

Долгий однообразный путь, способствовавший моим воспоминаниям об автолюбительстве, кажется, начинает кончаться, а также и то, что занимает громадные пространства Казахстана, называясь казахским мелкосопочником.

Однообразие пути, особенно в жару, невольно предрасполагает к опасному дремотному состоянию, заканчивающемуся нередко аварией. На большой скорости, свалившись

с дороги, обычно возвышающейся на несколько метров над землей, машина по инерции заканчивает свой путь и, кувыркаясь, калечит или даже убивает пассажиров. Однажды в такой обстановке я на долю секунды потерял контроль и, очнувшись на самом краю дороги, едва успел выровнять руль. Мои двое спутников, ничего не подозревая, мирно сопели в машине, предаваясь чаграм Морфея.

С тех пор я стал всегда требовать бдительности и участия в разговоре во всем с теми, кого садил рядом. И вот теперь стараюсь разговаривать то с Владимиром, то с Александром, периодически меняющимися за рулем.

Лет десять тому назад ко мне приехал из Ташкента на своем ГАЗ 69 зоолог О. Богданов со своим водителем и попросил меня проводить его по северному берегу Балхаша. Я охотно согласился. На прямой дороге по Джусандала водитель стал часто подавать короткие сигналы, казалось, без причины. На мой вопрос он с удивлением сообщил, что в Узбекистане обязательно водитель должен просигнализировать, когда вблизи дороги установлен памятный знак по погибшему за

рулем водителю. Тогда вдоль всего пути их стояло не менее сотни, что дало повод назвать этот отрезок асфальта от Алматы до Астаны "Дорогой смерти". Лежала возле дороги и пара сгоревших автобусов. Все это служит отличным предостережением и своеобразной экзотикой. Когда началось приведение в порядок дороги между двумя столицами, кто-то из начальников приказал немедленно убрать все памятные сооружения. Они исчезли. Но традиция осталась, и сейчас нам попался только один, стоявший далеко из-за опасения привлечь внимание. Еще у самой дороги мы застали сильно искаленную, кажется, Волгу. Аварии на этом участке пути продолжаются, и быть может из-за этого на большом бетонном пьедестале в поселении Сары-Шаган красовалась изрядно искаленная в аварии легковушка, поставленная в наизидание водителям.

ПОИСКИ КАЛМАКЭМЕЛЯ

Цель нашего путешествия - продолжение изучения наскальных рисунков Центрального Казахстана и прежде всего двух мест гор Калмагабель и Калмакэмеля. Первый из них

я посетил впервые лет сорок тому назад. Затем еще пару раз мельком и, торопясь, еще два раза, создав коллекцию из восьмидесяти рисунков. Один раз наша попытка посетить это место сорвалась. Ехали на Ниве и на легковушке с низкой посадкой. Не доехав до Калмагалея где-то 90 километров, у нее стал подтекать бензобак, и поездку пришлось отменить, возвратиться обратно.

Еще была поездка от киностудии. Решили поставить о ней короткий фильм. Поездка была тяжелой. Водитель оказался скандалистом. Он испугался громадного пространства и безлюдья. Оператор и так называемый директор

фильма были не способны справиться с обнаглевшим шофером. К поиску рисунков не было никакого желания.

Промелькнуло синее озеро Балхаш - Божество, которому я поклонялся, синяя жемчужина среди желтой, опаленной зноем пустыни. Посещал я озеро едва ли не каждый год моих пятидесятилетних странствий по Казахстану.

Минуем город Балхаш, некоторое время от него едем по асфальту, протянутому вдоль водопровода и подстанций, перекачивающих воду до Саяка. На пути - заброшенный военный поселок и за ним идет дорога по мелкосопочнику.

Вьется змейкой дорога
по мелкосопочнику

С горки на горку извилистой белой лентой тянется дорога. Помню, прежде от Саяка была гравийная дорога для легковушек. Ими стали обзаводиться жители этого горнорудного поселения. Ее мы не нашли, и иногда, минуя ответвления, в общем, движемся по направлению нашего маршрута. Путь кажется долгим, но не однообразным. Через каждые несколько минут, забираясь на ближайший горизонт, встречаем все ту же извилистую змейку дорог.

Иногда встречаются на пути развалины мелких аулов. И только к вечеру в пустыне остановка на ночь.

Первый бивак, как всегда, самый трудный для еще неприспособившихся путешественников и машин, часто перегруженных лишними вещами. К тому же сегодня наш пробег был более семисот километров.

На следующий день опять над нами сияет синее небо, и впереди продвигается с севера громада белых облаков. Подъезжаем к Балхашу, и только тогда половина неба до самых берегов озера заполняется спокойными и застывшими кучевыми облаками. Будто Балхаш им преграда. Они не идут

за него, далее, возможно, встречаясь с какими-то другими воздушными течениями. Когда мы въезжаем на вершину сопки, они кажутся совсем низкими, не более полукилометра над землей. Облака мне напоминают Сибирь. Впрочем, мне кажется, что, двигаясь с севера, быть может, даже с очень далекого расстояния, достигнув берега озера, они постепенно высыхают.

Солнце нещадно греет землю, и кое-когда, останавливаясь, мы прячемся от него в тени машин. Зато ночи необыкновенно холодны, и к утру я подмерзаю в спальном мешке, даже прикрывшись сверху экспедиционным тулупом. А я еще сомневался, когда собрался в путь, брать ли его с собой.

И следующий день пути опять мы под ратью величавых и спокойных кучевых облаков, под нещадно жарким солнцем. А с запада высоко по небу тянутся перистые облака, а за ними грязно-серые тучи. Они протянулись на юг и, как оказалось впоследствии, достигнув высоких гор Заилийского Алатау, закрывали солнце над городом и кое-когда обрызгивали его дождями. Так и прошло все наше путешествие при ясной погоде, когда

Алматы изнывала от пасмурных дней.

Утром продолжаем путь по мелкосопочнику, днем, наконец, перед нами выскакивает поселок рудокопов Саяк. Александр молодец. Решил бросить курить, а тягу к никотину пытается заглушить постоянной резиновой жвачкой.

В поселке, как полагается, есть центральная улица, несколько крупных домов и по периферии - скопления мелких домишек. В Саяке нет бензозаправочной станции, но отдельные предприимчивые люди привозят бензин, солярку и масла и торгуют ими. Этому бизнесу способствует железная дорога, протянутая от города Балхаша. Раз в неделю она возит пассажиров. Их стало меньше, как только рудокопы обзавелись собственным транспортом.

Теперь надо искать тот путь через развалины старого Саяка. Но наши поиски затруднены. Дорога через рудники закрыта посторонним, хотя разработка руды остановлена. С большим трудом выходим из саякских копей, но совсем в другую сторону и, как потом я понял, сильно отклоняемся к западу.

С возвышенности перед нами открывается далекая и безбрежная пустыня, типичная

Сары-Арка, не имеющая ни конца, ни начала. И горизонт этого сухого моря полукруглый, как и на настоящем море. Тщательно его просматриваем - по его далекой синей северной кромке тянутся ниточки скалистых хребтов, и нет среди них той знакомой горы Калмагабель, и все кажется по-другому. Только потом я догадываюсь, что мы сильно отклонились влево, и тогда возникает сомнение: не та ли гора, что виднеется с самого левого края горизонта, нужна нам. Рискнем и добираться к вечеру до нее. Но это не то, что нам необходимо. Нет заиленного ручья, протянувшегося вдоль горы и ранее ставшего преградой поперек нашего пути. Помню, как долго искали переезд через него, опасаясь застрять. И еще не было такой торной дороги вдоль этой горы, и все остальное было по-другому.

Пустыня молчит, и нет нигде никакого признака жизни человека. Местами, где выпало больше дождя, косятся ковыли, размахивая своими пушинками. С помощью электронного аппарата вычисляем место нашего нахождения. Оно на карте немного в стороне от горы Калмакэмель.

Карта куплена в магазине перед самым отъездом, но по старому правилу сдвинута в сторону и к тому же засекречена, хотя сейчас все это бессмысленно, так как при помощи спутников угадывается местность с точностью почти до пятнадцати метров. Эти карты с грифом секретно сейчас бойко продают туристам наши топографические учреждения.

Едва мы добрались до горы, как у всех зачесались уши. Здесь оказалось много крошечных кровососов мушек-мокрецов. Они питаются кровью мелких грызунов и среди густой шерсти, покрывающей их тело, находят для себя единственное доступное для питания кровью место - уши. Но как они, такие малышки, могут отождествлять уши человека с ушками своих настоящих хозяев-прокормителей? И где же они, эти странные прокормители? Эта загадка меня интересует, но раздумывать над ней нет времени: наступил вечер, и пора становиться на ночлег.

Чтобы избавиться от кровососов, предлагаю забраться на верхушку горы, где еще гуляет ветер. Наших мучителей-малышек ветер легко относит в стороны. Андрей, уловив мое

предложение, бросается вперед и, не посоветовавшись, немедленно выбирает место ночлега и натягивает над ним брезентовый полог. Ему невдомек, что под ногами крупные камни, по которым мне с больными ногами трудно перебираться и нелегко на них стоять. Типичная история водителей, старающихся всеми силами показать свое превосходство и самостоятельность действий. Зато он - первый и тем наслаждается. Стремление его к первенству приносит нам немало лишних хлопот, но все тактично помалкивают. В маленьком коллективе следует избегать даже мелких раздоров в путешествиях, могущих стать несносными. Едва остановились, как выяснилось, что у нашей машины-красавицы не хватает в поддоне мотора масла до уровня. Мне кажется паника напрасной, просто машина стояла не на ровном месте. Андрей рад поводу, спрашивает Алматы по особому мобильному телефону. Оттуда не разрешают двигаться дальше. Надо разыскивать масло, и Андрей, довольный развитием событий, мчит в поселок Саяк за тридцать пять километров и возвращается поздней ночью, нащупывая наш бивак по аппа-

рату. Меняем масло. Его оказывается вместо шести пять литров. Но сливать масло полагается только с горючего двигателя. Отъезжая из города, Владимир не проверил уровень масла, так что паника мне показалась напрасной. Впрочем, отправляясь в дальний путь, масло всегда следует иметь в запасе.

И опять холодная ночь, и сверкающее яркими звездами небо. Каким оно кажется необычным. В городе мы никогда не видим его, оно закрыто от нас автомобильной дымкой, постоянно висящей над Алматы.

За ночь тучи высыхают, на чистом небе выглядывает такое ласковое солнце, и не верится,

что днем оно станет мучительно жарким. Наши женщины страдают от солнца, и, несмотря на защиту бумажными вкладышами, их носы становятся ярко-красными.

С утра, едва закончив завтрак, слава богу, Галина встает раньше всех, чтобы не терять времени и накормить всех. Владимир и Александр, загрузившись прозрачной капроновой пленкой и захватив фломастеры, отправляются на поиски рисунков на скалах. И тогда оказывается необычное.

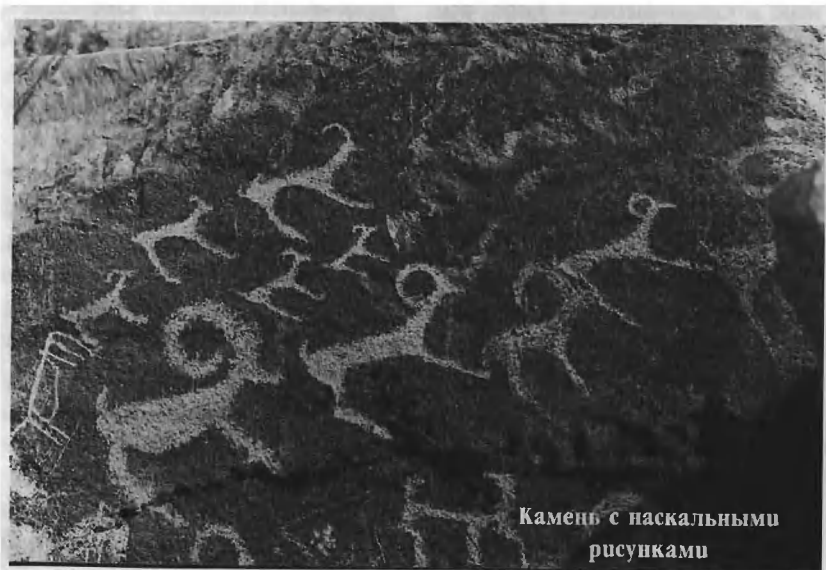
Рисунков масса, и все они не такие, как там, куда мы вначале стремились, в Калмагабеле. Я едва успеваю просматривать богатый улов, при-

носимый моими друзьями, и думаю о том, что здесь придется немало поработать, прежде чем их набрать для публикации.

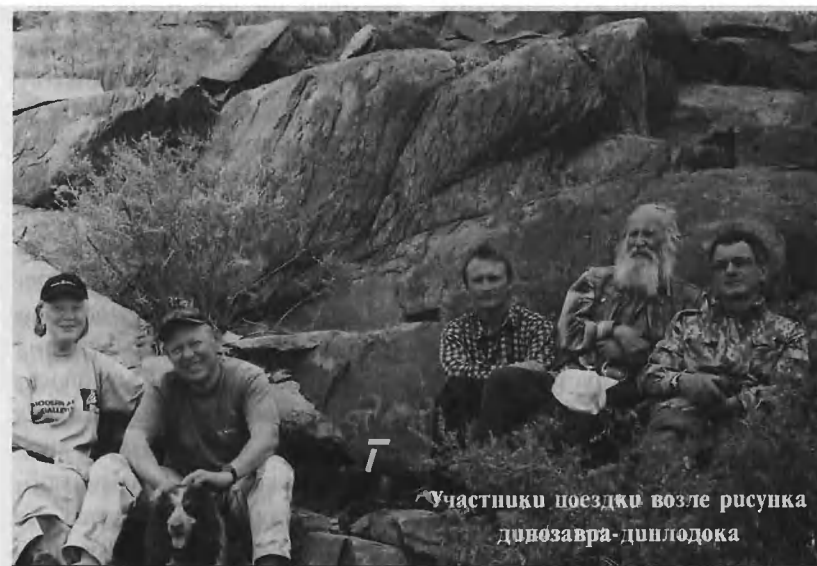
К обеду Александр приносит сенсацию: нашел рисунок динозавра. Точно такой же, как там, в Калмагабеле. Собираемся все возле этого рисунка, определяем его географические координаты. Они таковы: северной широты 47 градусов 23 минуты и 715 секунд; восточной долготы 77 градусов 05 минут и 062 секунды. Затем все усаживаемся возле рисунка и фотографируемся как свидетели, подтверждающие находку. Все это ради скептиков и обезоруживания их цинизма.

Рисунок точно такой же, что и на Калмагабеле, отстоящем отсюда не менее чем в семидесяти километрах. Для меня эта находка не нова. Еще ранее я находил почти точно такие же пары рисунков в одной и той же местности. То есть художник, усвоив свое произведение, повторял его в разных местах, пополняя музей наскальных рисунков. Потом и мои помощники нашли вторую картину из Калмагабеля - тот самый сплошной и необыкновенный орнамент.

Фотография находки была тщательно сделана. На ней видны некоторые отклонения от оригинала, как его можно называть.

Камень с наскальными рисунками

Участники поездки возле рисунка динозавра-диплодока

Наскальный рисунок человека
с подрисованным монгольским луком

Почти вся громадная пустыня Сары-Арка сверкает маленькими холмиками светлой земли, выброшенной на поверхность подземным жителем пустыни - слепушонкой. Такое название он получил за то, что обладает очень маленькими глазами. Под землей они ему не нужны. Сейчас, когда из-за засухи ранневесенняя растительность не успела развиваться, и земля полутолая, особенно отчетливо видно, какую громадную работу производит этот грызун над пустыней.

Под землей в поисках пищи он рыхлит почву своими многочисленными подземными ходами, делает ее пропущаемой для атмосферных

осадков. Выпадающие дожди не скатываются по уклону, и влага задерживается в поверхностных слоях почвы. А выбрасывая на поверхность землю, слепушонка присыпает ею щебень и камни и постепенно погружает их под землю. Если бы не слепушонка, на месте пустыни Сары-Арка царил бы полное запустение жизни.

Под землей слепушонка добывает луковицы трав, преимущественно тюльпанов. Растений пустыни, образующих луковицы, немало. Они спасают растение на время долгих лет засухи, постигающих пустыню. Луковицы - его излюбленная пища. Кроме того, по пути он уничтожает и различ-

ных, обитающих в почве насекомых, в том числе и тех, которые грызут корни растений и этим вредят. Таковых обитателей почвы немало. Это личинки цикад, жуков усачей-доркадов, личинки многих жуков-черотелок. Он нередко пользуется колониями земляных пчел, и я однажды убедился, как он разорил, изрешетив все поселение колонии пчел-андрен. Тут он вреден.

Сейчас, когда пустыня депрессирует от засухи, слепушонки стали усиленно осваивать наиболее трудные для них каменистые пустыни, в которых среди щебня труднее рыть подземные ходы. И здесь Сары-Арка сухая, с многочисленными холмиками выброшенной земли, весной была усеяна тюльпанами.

Неугомонная деятельность слепушонки, его необыкновенная польза для растений пустыни и вместе с тем для процветания пастбищных растений и животноводства настолько сильна и очевидна, что его вполне можно назвать хозяином пустыни. Между тем значение этого небольшого грызуна в жизни пустыни никто не знает. Когда лет тридцать тому назад на заседании ученого совета Института зооло-

гии один из аспирантов докладывал о своей представленной к защите кандидатской диссертации, я задал вопрос о хозяйственном значении этого животного. Ничего вразумительного диссертант сказать не мог. Меня всегда удивляло отсутствие наблюдательности тех, кто посещал пустыню. Холмики светлой земли, выброшенной на поверхность, иногда так много, что они покрывали едва ли не треть всей поверхности площади земли. Так что хозяин пустыни, несмотря на то, что о нем мало кто знает, достоин всяческого внимания и должного уважения.

С этой первой стоянки у нас началась главная и ответственная работа. Владимир и Александр, нагрузившись поликарпновой, усилено и с большим интересом бродят по камням и снимают копии изображений. Работы очень много, урожай моих помощников велик и неожиданен.

И я скорблю, что не принимаю участия в этой важной работе, так как совсем не могу ходить по неровной поверхности, покрытой камнями. Еще скорблю и от того, что многие рисунки очень поверхностны, стары. Их я называю тенями. И для того чтобы раскрыть их

контуры и угадать содержание, подчас требуется детальное их рассматривание и большой опыт. Я хорошо помню по себе, как вначале многое пропускал и как впоследствии, приобретя опыт, угадывал то, что никак не могли увидеть новички.

Работа моих помощников приносит им большое удовлетворение и даже радость. И куски изрисованной капроновой пленки одна за другой укладываются в специально захваченный мною большой портфель.

На следующий день нам приходится сворачивать бивак и путешествовать по многим ущельям гор Калмакэмеля. Рисунков почему-то особенно много по северному склону гор, откуда хорошо видны необъятные просторы пустыни Сары-Арка. На нашем пути все время встречаются небольшие ручейки, обросшие могучими тростниками и кое-где ивами. В двух местах даже сейчас при малых осадках сверкают, отражая голубое небо с облаками, озерки. Эти места служили водопоями. Их немало, и, по видимому, в годы с хорошими осадками здесь содержалось много скота, существовало немало зимовок и, конечно,ывивались наскальные рисунки.

Копии наскальных рисунков, приносимые моими действительными помощниками, поражают своим своеобразием и необыкновением. Подробнее о них я расскажу, когда обработаю их в городе.

Собравшись кучкой, мы еще раз пытаемся найти поблизости от первого изображения динозавра рисунок второй, тот, где зверь, вытянув свою голову на длинной шее, широко раскрывает рот маленькой головки по сравнению с могучим туловищем. Но наши поиски напрасны, мы ничего не находим.

В общем, наш сбор рисунков достаточен, чтобы составить общее впечатление о Калмакэмеле. Но, честно говоря, ради того, чтобы заснять решительно все, сделать то, что никогда археологи не делали, на этой горе следует пожить едва ли не месяц, и то кое-что ускользнет от внимания. Когда-нибудь это будет сделано, и мне верится в осуществление этого пожелания, и вместе с детальным изучением всех наскальных рисунков станет ясна жизнь наших далеких предков.

Нам предстоит посещение открытого мною ранее крупного и, вероятно, единственного кладбища зороастризма, слу-

чайно сохранившегося на поверхности земли и не закрытого ею. Оно расположено на вершине небольшой гряды горы, увенчанной только одним курганом, и состоит из многочисленных кругов, выложенных камнями. Между этими кругами проложены различные, подчас витиеватые полосы-связки также из небольших камней. Заратустровцы по большей части не строили курганы, а закапывали неглубоко от поверхности земли только кости от трупов, помещенные в небольшие глиняные ящички, называемые ассуариями. За тысячелетия эти круги камней закрывались землей и еле выглядывали. Мне удалось их найти только тогда, когда почва случайно оголилась, например, на месте стока воды или от проселочной автомобильной дороги. Таковы были круги близ поселения Кегень. Здесь же на вершине горы, хорошо продуваемой ветрами, круги из камней сохранились на поверхности в своем первоначальном виде. Крайне интересно узнать, почему именно только здесь, в месте, в общем, ничем не примечательном, оказалось это многочисленное захоронение.

Примечательна еще одна находка, найденная на склоне

этой же горы. Ниже кладбища я увидел две четкие, отстоящие друг от друга на расстоянии 30-40 сантиметров, линии - следы недолговременного существования большого водоема. Эти следы отстоят на значительной высоте от поверхности воды, примерно на двести-триста метров. Линии-отводы так отчетливы, что не вызывают никакого сомнения. Не оставлены ли они от когда-то бывшего всемирного потока, о котором говорилось у многих народов по меньшей мере восточного полушария и в частности упоминаются в Библии? Сейчас следовало тщательно нанести на план кладбище заратустровцев, а также следы береговых линий большой воды и сфотографировать их вместе с членами нашей поездки.

Для этого нам следовало проехать почти до самых гор устья реки Аягузки, после которого пересечь ее на месте давно существовавшего переезда, где когда-то был хорошо мне известный и теперь отсутствующий деревянный мост.

И вот мы вновь едем вдоль Балхаша, минуя стороной основания больших полуостровов. В одном месте я вижу вблизи от берега полосу длинного, узкого и низенького ост-

ровка. Место это мне, как и многое другое, хорошо известно. На этом острове всегда любили отдыхать лебеди, утки-атайки и бакланы. Напротив этого островка на берегу располагался удивительный мавзолей, сложенный из плиточного камня песчаника. По форме он походил на юрту с небольшим ходом, который направлен на восток. Его высота около четырех метров, ширина метров семь. Обычно казахи делали обыденные мавзолеи из глины без фундамента. Эти народные мавзолеи отличались друг от друга архитектурой, подчас были небольшими и нередко затейливо устроенными. Они отражали собою своеобразное народное творчество. Сейчас оно потеряло свой самобытный оттенок, и мавзолеи строятся из жженого кирпича с использованием всех современных строительных материалов. Мавзолеи, не защищенные от ветра и дождя, из сырцового кирпича или просто из глины, замешанной с галькой и соломой, недолговременны и постепенно разрушаются. В народе существовало поверие, что, как полагается, память об усопшем постепенно исчезала вместе с разрушающимся мавзолеем.

Одно время я увлекался этими народными сооружениями, украшавшими пустыни, фотографировал их и некоторые нарисовал масляными красками. Шесть таких моих картин приобрел главный музей Казахстана, где они и хранятся. Некоторые картины находятся до сих пор дома, и многие из мавзолеев, увиденные тридцать-сорок лет назад, ныне прекратили свое существование, превратившись в груды камней и глины.

Мавзолей на берегу Балхаша в совершенно безлюдной его части с горько-соленой водой я посещал не раз, путешествуя по берегу и на лодке по этому озеру. На этот раз он исчез. Полностью. От него осталось только несколько крупных камней, ранее лежавших в основании фундамента. Какой-то невежда и негодай, по-видимому, из состоятельных, не поленился перевезти его камни на нескольких машинах-грузовиках для постройки своего дома или дачи. Разорение мавзолея меня настолько ранило, что мне не захотелось останавливать машину, чтобы усилить горечь от уничтоженной памяти о прошлом. Какой же негодай осмелился посягнуть на это со-

оружие, рассчитанное на существование в течение многих тысячелетий!

Ранее я пытался узнать, в честь кого был сооружен этот памятник. Никто не мог мне ответить толком. Только один человек с Лепсинска сказал, что он сооружен в честь какого-то легендарного героя народного сказания, аналогичного Кыз-Жибек, о котором так много сказано в литературе.

У меня сохранилась фотография этого мавзолея, сделанная лет сорок тому назад. На тему этого же сказания я нашел наскальный рисунок в урочище Каскабулак в Таласском Алатау. Он опубликован в одной из моих книг...

Вскоре мы подъезжаем к хорошо известной громадной скале из чисто белого кварца. Пора бы искать место для бивака, солнце уже склонилось к горизонту. Впереди, я хорошо помню, предстоит участок тяжелой дороги, после которой будет сопка с могилами заратустровцев и следы потопа.

В это время, вырвавшись как всегда вперед, Андрей, не спросив совета, круто заворачивает назад и, подняв за собой облако пыли, уносится прямо от Балхаша на север. Ему все время не нравилась

извилистая дорога, и он постоянно уверял Владимира о наличии какой-то обнаруженной на карте его навигатора прямой дороге вдоль озера. Нам следовало бы категорически протестовать против этой самовольщины, но, не желая, также как и я, конфликтовать, мы последовали за ним. И тогда началась глупейшая гонка. Дорога пошла прямо и настойчиво на запад, мы как бы стали возвращаться назад от своего пути, и не было нигде с нее поворота. Нелепый наш рейд при садящемся за горизонт солнце продолжался долго - не менее двух-трех десятков километров.

Наступила темнота. Вокруг - дикая местность с горизонтальной поверхностью чистого гранита. Он гол, и ничего на нем не растет. Лишь в небольших понижениях чернеют скопления черного мха. Мне было крайне интересно узнать, кто обитает в этих крохотных участках жизни. Но не до этого. Мы явно устали, заблудились. На небе уже горят звезды. Наконец, дорогу пересекает дорога вниз, на юг, по направлению к озеру. И еще час пути, пока, наконец, вдали не сверкнула полоска воды, отраженная луной.

Андрей несется далеко впереди. Тогда мне приходится резко выразить протест против этой нелепой ночной гонки и потребовать заняться ночлегом. Не в меру уставшие, мы ужинаем при свете полной луны, выглядывающей из-под черного облака. Очень плохо, когда в маленьком коллективе из-за сумасбродства страдает поездка в природу...

Никто из нас не мог предположить, что следующий день окажется заключительным в нашей торопливой и перегруженной делами поездке. Утром мы едем вдоль Балхаша, минуем интересный и хорошо мне известный полуостров, возле которого я как-то посетил один на лодке громадную колонию чаек черноголовых хохотунов. Не для себя, а ради моих спутников хотелось показать полуостров, побывать на нем. Но все мы устали. Кроме того, опять нависает над нами угроза нехватки бензина. Трех запасных канистры для машины-аристократки оказалось мало. Вспоминаю, что на своем стареньком газике я всегда в дальних поездках возил четыре канистры бензина.

Впереди совсем недалеко устье Аягуза, старая переправа через эту реку и горка с

кладбищем и следами потопа. Но наш путь перегораживает хорошо мне знакомый участок трудной песчаной дороги и немного солончака. Он несколько раз записан в моих книгах маршрутов. Но дорога, спустившись к нему, делает резкий поворот, и Андрей, пропущенный против моего желания вперед, резко заворачивает и несется в обратную сторону. Владимир следует за ним, не посмотрев на путь и не узнав, в чем дело.

Быть может, местность стала непроходимой, но может быть, изменилась, и подсохли солончаки. Пока мы рассуждаем, Андрей несется в далекий объезд. Вскоре на нашем пути появляются четыре столба дыма. Вдали теперь уже видны трубы, судя по всему, какого-то заводика, оказавшегося в этой глухой пустыне.

Столбы дыма, оказываются, - пожары от выжигания старых зарослей тростника. Ими занимается группа людей. Они поясняют, что вблизи находится переправа через реку Аягуз, а старая как будто заброшена и, возможно, глубока. Вскоре подъезжаем к этой новой переправе. Река здесь разлилась шириною в сотню метров, неглубока, не выше коле-

на, и для наших машин вполне проходима, тем более дно твердое, каменистое.

Далее путь идет по левому берегу Аягузки прямо на разъезд Каратас, от которого до станции Лепсы рукой подать. Путь к горе с кладбищем заратуштровцев и линиями потопа прегражден. Нам следовало бы миновать стороной переезд, подобраться по суше к далекой горе, а оттуда добраться до станции Актогай или даже дальше до городка Аягуз. Но бензина у нас не хватает, пытаюсь его раздобыть в каком-то закрытом рудничном поселке, находящемся вдали, не хочется. Все устали, всех манит конец пути и домаш-

ний городской очаг. Заправившись в Лепсы горючим, спускаемся к Балхашу на отдых и для обязательного омовения. Здесь мысленно я прощаюсь с Балхашом. Не знаю, увижу ли я его еще раз. Это хорошо мне знакомое и полюбившееся на всю жизнь место природы. И пока мои спутники плещутся в озере, я вспоминаю все, что случилось с Балхашом.

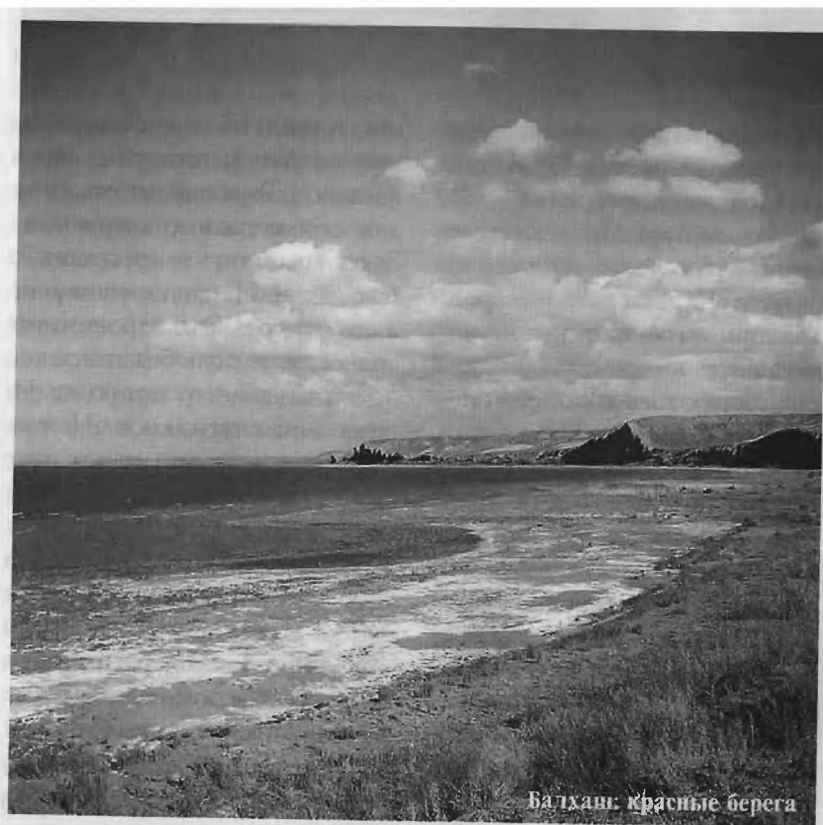
БАЛХАШ ПОВТОРЯЕТ СУДЬБУ АРАЛА

Озеро Балхаш расположено на севере юго-востока Казахстана на границе Средней и Центральной Азии. Оно - реликт, остаток когда-то суще-

ствовавшего внутриматерикового моря. Озеро занимает значительную площадь около 17,5 тысяч квадратных километров. Наибольшая глубина - 26 метров, длина 605 километров, ширина до 74 километров. Оно вытянулось узкой полосой с востока на запад. Восточная его половина, где приток речных вод очень незначителен, - с соленой водой, непригодной для питья; западная - с пре-

сной, приносимой большой рекой пустыни Или.

Озеро расположено в зоне пустынь различных типов. Климат здесь суровый, континентальный. Лето жаркое. Зимой морозы, иногда как в Сибири. Часты сильные штормовые ветры. Берега озера, особенно северо-восточные, не населены и глухи. Лишь на севере были расположены кое-где рыболовецкие колхозы и рыбные за-

Балхаш: красные берега

воды да небольшой горнопромышленный город одноименного с озером названия.

Я много раз путешествовал вокруг этого озера и несколько десятилетий тому назад застал его в полном расцвете животного и растительного мира. Балхаш изобилует рыбой, когда прибрежные тростники колыхались от их великого множества. По его берегам гнезилось множество водоплавающих птиц, в том числе и таких редких, как лебеди, журавли, белые цапли, колпицы, пеликаны. Сколько тогда к нему подходило утолить свою жажду животных - обитателей пустыни, как изобилует Балхаш рыбой! Но в последние годы природа озера стала резко угасать. На его судьбе сказались изменения, произошедшие в природе не только на юго-востоке Казахстана, но и, пожалуй, всего земного шара.

После окончания Второй мировой войны более пятидесяти лет природа Казахстана изобилует живыми существами в такой степени, которая сейчас может казаться почти фантастической. Здесь водилась замечательная птица - стрепет. Сейчас ее совсем нет. В пустынях летали тысячные стаи

чернобрюхого рябка. Ныне об этих стаях могут рассказать только пожилые люди: чернобрюхий рябок, так же, как и стрепет, занесены в Красную книгу Казахстана. На перевале Курдай хребта Заилийского Алатау зимовали стаи крупной птицы - дрофы-дудака. Сейчас бесполезно искать встречу с этой птицей - ее не стало. Изумительное, грациозное животное, оживлявшее ландшафт пустыни, - джейран, плодовитый, питающийся растениями, которыми пренебрегает даже овца, когда-то был очень многочислен. Пятьдесят лет назад только в одной Сюгатинской равнине длиной около восьмидесяти и шириной двадцать километров специально проведенным учетом было зарегистрировано около двадцати тысяч джейранов. Сейчас на всей этой обширной равнине нет ни одного джейрана. Повторяю - ни одного! Он исчез отсюда за каких-нибудь десять лет. Его истребили браконьеры, разезжавшие ночами на автомобилях со спящими фарами. И с территории Казахстана за несколько десятилетий полностью исчезли такие крупные животные, как кулан, тигр, тургайский олень, пустынная рысь-каракал, гепард.

Балхаш стал угасать. Уровень его упал на два с половиной метра. Полностью высохло большое озеро Алакуль, примыкавшее к западной окраине Балхаша. Вода отошла от берегов озера на значительное расстояние, высохли заливы, служившие местом выплода рыбы. Пресная вода западной половины фактически стала непригодной для питья, но ею кое-где вынуждены пользоваться, а в город Балхаш пришлось

провести за сотни километров далеко некачественную воду из реки Токрау. Маленькие береговые рощицы деревьев и кустарников, служившие убежищем для ветвистоусых комариков - пищи рыб, высыхают, и нет уже под их голыми остовами живительной тени.

Сильно упал рыбный промысел, и от бывшего изобилия ничего не осталось. К тому же территория озера и примыкающие к ней окрестности были

разделены на многие участки, отданные под распорядительство совершенно разным учреждениям и административным районам, каждый из которых заботился только о том, чтобы поменьше дать, побольше взять. Балхаш лишился одного хозяина, впрочем, он, кажется, и ранее его не имел.

На пресную часть озера и окружающие его земли пустыни мощный медеплавильный завод выбрасывает громадное количество меди и дыма с различными, несвойственными природе, химическими веществами. Только в воды залива Бертыс, примыкающего к городу Балхаш, сточными водами "Балхашмедь" и ТЭЦ выбрасывается каждый год около 75 тонн этой злой химии, составляя экономический ущерб по приблизительному подсчету в год около 40 миллионов тенге.

Кроме того, пылевидными частицами ежегодно выбрасывается на акваторию озера около девяти тысяч тонн химических веществ! Страшные цифры!

Усыхание озера сильно прогрессирует, чему способствует вступление южного Казахстана в длительный период засухи. Балхаш стал повторять

трагическую судьбу озера Арал. Какова же причина столь безотрадного состояния?

Беды озера вызваны Капчагайским водохранилищем. История его создания чрезвычайно поучительна, и служит образцом безрассудного, безответственного, если не сказать преступного, необратимого преобразования природы и глумления над нею.

Постановление о строительстве Капчагайского водохранилища на реке Или было принято в 1966 году. Широкого обсуждения этого мероприятия, затрагивающего природу обширного района, не было. Возражения ученых, специалистов, общественности, были оставлены без внимания. Должную творческую и свободную дискуссию подменило чисто административное командование. Оно подавило многочисленные возражения, в которых высказывались не без опасения тревоги о тяжелых последствиях этого шага. Разумные научные, экономические и экологические расчеты не нашли места. Расчеты некомпетентных разработчиков и чиновников были признаны не подлежащими сомнению и были достаточными для немедленного претворения в прак-

Вечер. Балхаш после напастья

тику. Было объявлено, что водохранилище даст электрический ток, позволит ввести в сельхоз-оборот четыреста тысяч гектаров пахотных земель, будет способствовать изобилию продуктов питания. Кроме того, водохранилище послужит регулятором уровня вод Балхаша. Это были главные и непререкаемые аргументы. О них вещали по радио, говорили плакаты, установленные на создававшейся плотине, по которой прошла автомобильная дорога, писалось в листовках, сбрасываемых с самолета. Капчагайское водохранилище изображалось как величайшее достижение разума на благо человека. Плотина водохранилища была построена перед входом реки в узкое крутосклонное каменистое ущелье длиной около 30 километров, а не на его выходе. Это была первая крупная ошибка проектантов. Те, кто создавали проект водохранилища, не удосужились познакомиться, хотя бы бегло, с мировым опытом подобного преобразования природы. Разыгравшаяся фантазия гидрогеологов предложила создать водохранилище объемом в два годовых стока реки Или (годовой сток реки Или в то время равнялся 12 кубокilометров в год).

И, самое главное, не удосужившись убедиться в нелепости расчетов, была построена ГРЭС мощностью на полное заполнение водохранилища. Но как только построили плотину и стали заполнять водохранилище, сразу же произошло отрезвление: стало ясно, что озеро Балхаш не способно выдержать потерю двух годовых стоков реки Или, основной и главной артерии, питающей озеро. Оно погибнет даже скорее, чем многострадальный Арал.

А электростанция? Она, несмотря на то, что была отлично выполнена ее конструктором, оказалась наглядным экспонатом единственной в мире калеки: из четырех турбин в ней из-за недостатка воды стали работать только две. Так и стоит она поныне, как памятник дремучего невежества. Это была вторая крупная и непростительная ошибка создания Капчагайского водохранилища, неизбежно последовавшая из первой.

А за ней последовали и другие. Прошло много лет. На протяжении полутора-двух километров в обширной подгорной равнине между западными отрогами Джунгарского Алатау и Заилийского Алатау теперь на

месте реки Или плещется большое водохранилище с неустойчивой береговой полосой, вечно названное Капчагайским морем или запросто Капчагаем. В газетах по этому поводу было вначале опубликовано немало победных репортажей, хотя его рождение - теперь позорное прошлое. Но это прошлое настойчиво просится в настоящее, бросает на него глубокую тень и взывает к совести. Время - лучший ценитель поступков.

После десятилетий уместно оглянуться и спросить, что же хорошего дало водохранилище, какую оно принесло пользу и какие породило вредные последствия?

Река Или небольшим горным ручьем Текес длиной около шестидесяти километров берет начало в горах Тянь-Шаня на территории бывшего СССР, затем вступает на территорию Китая и получает основную массу воды от притоков, снежников и ледников этой страны. Затем река, пересекая равнину Кульджинского оазиса с развитым и жаждущим орошения сельским хозяйством, вступает на территорию Казахстана. Небольшие реки, впадающие в нее в среднем течении на территории Казахстана, по-

чти зарегулированы. Таким образом, река Или в основном несет воды из-за рубежа. Расчет на чужую воду представляет собой известный риск, последствия которого сейчас уже осуществились: на реке Каш, притоке Или, в КНР построена плотина, а затем для орошения обширных земель, граничащих с Казахстаном, вступил в строй большой канал, черпающий воду из реки Или.

Правый берег Капчагайского водохранилища высокий, омывает бесплодную каменистую пустыню, левый - низкий, засоленный, заболоченный. Предполагалось, что на нем будут образованы новые массивы сельхозземель. Воды Капчагай, подпитав низкое левобережье, стали как бы подпоркой для подземных вод, текущих с Заилийского Алатау. Здесь из-за подъема грунтовых вод, заболачивания и еще большего засоления, а также прямого затопления потеряно около ста шестидесяти тысяч гектаров сельхозугодий. Потеря земель для сельского хозяйства левобережья продолжается. В селениях, тянущихся вдоль Заилийского Алатау, в подпольях теперь стоит вода. Произошло то, о чем робко предупреждали ученые и специалисты.

Прекрасные, тенистые, протянувшиеся по берегам реки Или на полторы сотни километров приречные леса - тугаи, по обеим сторонам реки, а также на ее островах, к тому же богатые превосходными луговыми пастбищами, ушли под воду. В безлесном Казахстане бездумно распростились с тугаями.

Бесплодная каменистая пустыня правобережья с давних времен тысячелетиями служила своеобразным некрополем древних обитателей юго-востока Казахстана. На ней всюду высились курганы, немало было, судя по всему, и так называемых бескурганых захоронений. Перед затоплением этой местности никто не позаботился обследовать древнейшие захоронения. Сколько их погибло под водой - неизвестно. Одни предполагают двести, другие - две тысячи. Воды Капчагая в первое время в штормовую погоду выбрасывали на берег вместе с щебнем предметы древности. По существующему законодательству перед затоплением объекты, имеющие историческую ценность, должны быть обследованы или даже перенесены, а средства на эту работу строительные организации обязаны

выделить, включив в смету. Археологи не воспользовались этой возможностью.

Предполагалось, что гидроэлектростанция будет особенно необходима зимой, когда потребность в электричестве сильно возрастает. Но никто не подумал о том, что же сотворит вода, пущенная поверх замерзшей реки Или, и какие она вызовет катастрофические последствия.

Когда же зимой по настоянию энергетиков стали делать попуски воды на полную мощность электростанции, нереальное для природы зимнее половодье стало топить поселения ниже районного центра Баканас и окружающие реку земли. Такие зимние сбросы воды до озера не доходили, вода пропадала зря между барханами.

Потери хозяйств, вызываемые этими попусками, списывались под предлогом стихийных бедствий. Какая ирония: стихийные бедствия, вызываемые человеком!

Строительство водохранилища велось усиленными темпами. В соответствии с этим были спешно возведены портовые сооружения, уничтожен маленький курорт с радоновыми целебными термальными источниками Аяк-Калкан. Во-

дохранилище до него не дошло, так же, как и не дошло до портовых сооружений города.

Что же стало с главным козырем - обещанными четырьмя тысячами гектаров орошаемой земли? Чтобы компенсировать потери сельхозземель левобережья водохранилища, на его правом берегу построили насосные станции и бетонированные каналы, ввели в землепользование только восемнадцать тысяч гектаров земель. Из них часть уже потеряна, засолена. Каждая из насосных станций стоила в то время три с половиной миллиона рублей. Нетрудно догадаться, во что обошелся урожай с этих земель. Что же стало сейчас с этими землями в связи с возросшей стоимостью горючего?

Остальные земли, их только двадцать две тысячи гектаров, и то семь тысяч из них, по существу, залежи, используются под рисосеяние и орошаются водотоком, фактически ни в коей мере не связаны с Капчагайским водохранилищем, так как находятся ниже его. На них тоже идет засоление. Где же обещанные ранее четыреста тысяч гектаров? Их нет и в помине, они - мираж, обман, фикция, рассчитанная

на легковерие и короткую память населения.

Не обошлось и без других потерь. Под воду ушли замечательные Соленые озера - место массового отдыха жителей Алматы. Исчез большой поселок Илийск вместе с железнодорожной станцией, железнодорожный и шоссейные мосты через реку Или. Их построили в другом месте.

В водах реки Или находится громадное количество ила. Прежде перед употреблением воды для приготовления пищи приходилось ее отстаивать. Когда-то обширный древнейший очаг земледелия в низовьях реки Или в пустыне Сарыесик-Атырау процветал благодаря этому плодородному илу. Этот очаг прекратил свое существование во время нашествия монголов в начале XIII века. Сейчас плодородный ил оседает в начале Капчагайского водохранилища.

И, наконец, о том, что ранее никто не предполагал. В верхней части водохранилища за счет особенно сильного заливания усилено растет новая дельта реки Или. Она, как губка, впитывает в себя и задерживает все больше и больше воды. Постепенно она продвигается вниз и вверх. Многочис-

ленные мелкие протоки ее прекратили речное судоходство, поэтому один из протоков, расположенный у коренного берега, попытались углублять. Мощная драга не справилась с углублением дна реки, борьбу с заиливанием новой дельты оставили, пароходство полностью прекратили, доставка грузов идет до города Джаркента дорогостоящим автотранспортом. Во сколько раз он дороже пароходства - никто не знает.

Новая дельта стала своеобразным подпором реки Или, она повысила свой уровень и начала подтапливать левое низкое побережье, отнимая никем не предусмотренную потерю воды. Сколько воды уйдет на пропитывание земель выше новой дельты, сколько времени будет продолжаться формирование новой дельты и какие громадные потери воды грозят Балхашу? Инициаторы строительства о будущем не думали, но рассчитали верно: на их век хватит, а потом... с кого спросить?

Теперь вода ниже водохранилища кристально чистая, прозрачная. И развиваемое ниже плотины рисосеяние, питаясь этой водой, вынужде-

но компенсировать недостаток плодородного ила избытком химических удобрений. Кроме того, ил, оседавший на рисовых полях, служил своеобразным препятствием для просачивания воды в грунт и его засоления. Урожаи риса низкие, качество его неважное, потребление воды в три раза больше: на дренажный сток используется сорок три процента воды, тогда как полагается всего лишь тринадцать процентов. При этом, как утверждают специалисты, официальные потери воды явно и умышленно занижены, и в действительности потерь больше. Вся ирригационная сеть негодна, необходима ее реконструкция, для чего потребуется лет десять. Ее стоимость обойдется очень дорого, а сэкономит только половину кубического километра воды. Не столь богат водой южный Казахстан, и не следует ли подумать о том, чтобы заменить рис менее водоемкой культурой, хотя бы пшеницей?

Водохранилище изувечило естественную дельту реки Или при впадении ее в Балхаш. Это сложнейшее природное образование, созданное тысячелетиями, было богато тугайными и тростниковыми зарослями, обширными пастбищами, мно-

жеством озер. Здесь было царство водоплавающей птицы, избыток фазанов, различных зверей, процветало ондатровое хозяйство, дававшее около двух миллионов рублей золотом ежегодной прибыли.

Сейчас дельта реки деградировала, тугайные заросли высыхают, многие звери и птицы исчезли, выпасы скота резко сократились. Пытаясь хотя бы частично сохранить пастбища, стали самовольно перегораживать протоки дельты для орошения, построено двадцать самодеятельных плотин и пять водodelителей большой стоимостью. Эти стихийные регулировки еще больше отнимают воды у Балхаша. Решив обуздать этот хаос, перегородили проток Джидели специальной плотиной, затратив на ее строительство небольшие деньги. При первом же половодье плотину подняло и искорежило. Вода не пожелала пойти по пути, намеченному проектировщиками этого бесполезного сооружения. Как водится, никто не понес никакой ответственности за затраченные попусту миллионы народных денег.

Все эти манипуляции убедили в неуправляемости дельты, и тогда пришли к выводу

ее больше не трогать, предоставив природе самой налаживать расстроенное здоровье. Урон от деградации дельты реки Или, целого природного комплекса, исчисляется многими сотнями миллионов денег. Урон материальный. А моральный, нравственный?

Воды реки Или после создания водохранилища стали более засоленными, нежели прежде. Сказывается пропитывание и промывание низких засоленных берегов левой стороны водохранилища, а также испарение с его обширной поверхности. В них появилась примесь удобрений, гербицидов, пестицидов, сбрасываемых в водохранилище. Мало того, обнаружены такие опасные яды, как ДДТ, ГХЦГ, от использования которых более десяти лет назад отказались многие страны, в том числе и наша. Количество этих ядов в воде повышается весной и осенью. Откуда они берутся - загадка.

Дельта реки с ее могучими тростниковыми зарослями выполняла роль своеобразного естественного фильтра и очистителя загрязненной воды, чистота пресной части Балхаша в известной мере была обязана этому природному барьеру загрязнения. Существовал

проект забирать воду из дельты реки в цементированные каналы для снабжения пресной водой, минуя дельту. Обсуждался проект спрямления и углубления протока дельты. Он вызовет еще большее загрязнение Балхаша и гибель дельты.

Много говорилось о гибели Аральского моря, было показано немало пылких предложений в его защиту. Но проблема Арала в какой-то мере оказалась неизбежной: водами Сырдарьи и Амударьи орошен громадный массив земли для сельского хозяйства ради потребностей резко возросшего населения Средней Азии. Правда, воды этих двух крупных рек пустыни используются нерационально, слишком велики ее потери впустую. Но это уже другой разговор. Достоин ли подобной участи Балхаш? Развеиваемые ветрами, высохли тростниковые заросли - места нереста и кормежки промысловых рыб, убежище водоплавающей птицы, и берега озера - голый песок да камни.

Из-за возросшей солености вода в западной части Балхаша скоро станет непригодной для металлургических заводов побережья, практически она непригодна для питья.

Озеро умирает, его убивает Капчагай, он отнял у него воду и жизнь. Резко упал рыбный промысел. Объем Капчагайского водохранилища - шестнадцать кубических километров, тогда как годовой сток реки всего лишь тринадцать кубических километров. Только по этому соотношению водохранилище стало не имеющим себе равных чудовищем. Кроме того, оно теряет ежегодно только на испарение более одного кубического километра воды, не учитывая потребление воды новой дельтой.

Сейчас по существу Балхаш становится новым водоемом, создаваемым человеком. Новым, опустошенным, обезображенным и повторяющим судьбу Арала.

Что же хорошего принесло Капчагайское водохранилище? На левом, западном берегу Капчагай возник песчаный пляж. Сюда за многие километры приезжают горожане. К тому же значительная часть пляжа закреплена между различными учреждениями и недоступна остальным. Только несколько небольших голых пляжей под жарким солнцем пустыни. Да еще небольшой поселок - зоны отдыха. И только! Все остальное оказалось миражом!

Что же делать? Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо решать судьбу Балхаша: оставить ли жить или прекратить его существование. Половинчатым решением не обойтись. Судьба его стала давно тревожной. В 1982 году по проблеме озера была создана специальная комиссия. Ее деятельность не получила огласки, ее рекомендации были забракованы. К изучению проблемы Балхаша привлекалось около двух десятков учреждений, и на исследовательскую работу попусту затрачено немало средств.

Весной 1988 года в Академии наук КазССР два дня заседала специальная комиссия из двухсот человек. В горячих спорах выяснились разногласия и несовпадения мнений из-за недостаточной малодейственной изученности проблемы и сложностей в прогнозе произошедших и происходящих в природе явлений.

Воистину, как говорится в одной восточной пословице, "достаточно одному глупцу бросить камешек в огород, как его не смогут найти семь мудрецов". В качестве одной из мер спасения предлагалось построить дамбу-перемычку между соленой и пресной час-

тями озера. Предлагалось всемерно использовать подземные воды, увеличив приток пресной воды в озеро. Проектировалось строительство второй плотины для предупреждения разрушительного действия зимних паводков. Подчеркнута необходимость усовершенствования оросительной системы, реконструкция водозабора Капчагай и т.п. и т.д. От числа требуемых на все эти работы затрат рябит в глазах. Они - колоссальны. Но никто не решается предложить спустить воды водохранилища и тем самым возвратить Балхаш в его прежнее состояние, разрешив энергетический голод республики другими путями и в частности неизбежным строительством АЭС. Но тогда во что превратится ложе теперешнего Капчагай и сколько потребуются лет, чтобы оно обрело свой первоначальный облик.

Мне кажется, еще немало бед натворили рыбоводы, переусердствовав с заселением Балхаша некоторыми рыбами. Вселили рыб из реки Амур. Многие из них - активные поедатели растительного перегноя, которым питались многочисленнейшие личинки ветвистоусых комариков, ручейников, поденок. Их необычно-

венно многочисленные густые рои ранее и висели над озером, служили пищей рыб. Теперь их не стало. Сколько лет нужно для их возобновления - никто не скажет. Да и будет ли оно. Погибла знаменитая вкусовыми качествами илийская рыба маринка. Вселили, никого не спросив, сома, и он оказался страшным врагом водоплавающих птиц, уничтожая не только плавающую молодежь, но и взрослых птиц. До каких пор будут продолжаться эти самовольные переселения чуждых организмов. В цивилизованных странах акклиматизация животных происходит только после усиленного обсуждения и разрешения специальных правительственных комиссий. У нас завезли из Сибири белку, и она стала поедать семена тяньшанской ели - дерева, ныне депрессирующего из-за природных катаклизмов. Переселили индийского скворца майну, и он, названный народом моджахедом, почти полностью выселил черного скворца, защитника урожая от вредных насекомых.

Три года назад произошло необычное выпадение осадков на Джунгарский Алатау. Они немного повысили уровень озера. Затем озеро стал усиленно

возвращать свои воды. Даже несмотря на то, что река Или резко снизила сток из-за орошения Китаем земель. Что же произошло? Последняя поездка на Балхаш убедила меня в необыкновенном положении озера. Оно стало пополнять далее свой уровень. За счет чего? Об этом никто ничего не говорит, и общественность ничего не знает.

Судя по всему, природа по меньшей мере юго-востока Казахстана давно вступила в период длительного засушливого климата, и что станет, если он будет еще продолжаться далее. Откуда же берется вода, несмотря на то, что река Или стала значительно менее полноводной. Усилившийся сток рек Аягузки и Лепсы происходит из-за падения сельского хозяйства отчасти от засухи, отчасти из-за экономических передряг в районах орошаемого земледелия. Неиспользуемые воды стекают в реки Аягуз и Лепсы. Мало того, они стали иными, их воды потеряли прозрачность. Они усиленно наполняются быстро тающими ледниками, что вызвано всеобщим потеплением климата. О том, что ледники Заилийского и Джунгарского Алтау усиленно тают, уже давно стали го-

ворить гляциологи. Что будет дальше, кто знает?

Природа часто меняется из-за нерасчетливого и небрежного к ней отношения. Она ранима и заживает раны, нанесенные ей человеком с такой беспечностью, с величайшим трудом. А иногда умирает и более не возрождается. В свое время не нашли сил остановить неразумное заполнение Капчагай. Да, пожалуй, во времена застоя где было взять эти силы? Наука осталась в стороне, ее будто и не существовало, да и ученые привыкли к безразличию, ропот их редко нарушал тишину кабинетов начальства и не выходил за их пределы.

Бездумное отношение к природе портит человека, и мы, сетуя на экономические потери, забываем о нравственной стороне. Положение, в котором оказался Балхаш, прежде всего наносит моральный ущерб, а он не оценим в денежном выражении.

История с Капчагайским морем крайне поучительна. Она - классический пример тирании над природой большого района, ее безобразного преобразования по абсурдной логике бюрократизма и ведомственной ограниченности, порожденной отсутствием трез-

вого хозяйственного расчета, гласности и демократии.

Переделка природы, подобная Капчагаю, не должна более повторяться, иначе мы ускорим приближение экологической катастрофы, нависающей над миром.

Я, как и прежде, посещаю Балхаш и каждый раз убеждаюсь в его прогрессирующем угасании. Поразило почти полное отсутствие чаек и других водоплавающих птиц как показателя состояния озера. Из них осталась лишь кое-где сербристая чайка. Она поживает на скудных свалках вокруг поселений человека, да ловит разную мелочь в пустыне. Сейчас как будто Балхаш заполняется водою. Оживляются многочисленные высохшие его заливы. Но для того чтобы Балхаш стал прежним, необходимо, по меньшей мере, двадцать лет. Но какое его предстоящее будущее - никто не знает. И если прекратится таяние ледников, восстановится сельское хозяйство, орошаемое реками Аягуз и Лепсы, тогда вновь нависнет угроза над жизнью озера и вновь встанет вопрос об уничтожении Капчагайского водохранилища ради сохранения седьмого по размерам в мире озера и со-

хранения этого уникального уголка природы республики.

Балхаш требует помощи, и половинчатым решением для его спасения не обойтись. Уникальное озеро пустыни должно жить! Человечество не простит, если Балхаш повторит судьбу Арала. Оба эти континентальные озера так похожи друг на друга и разнятся только размерами.

РИСУНКИ КАЛМАКЭМЕЛЯ

Все копии наскальных рисунков, собранные моими помощниками, я уменьшил, чтобы поместить в свой каталог, собиравшийся в течение пятидесяти лет, затем они были перерисованы для этой книги. Рисунки помещены под порядковыми номерами, но в каталоге каждый значится под своим номером. Эти номера от 1931 до 2032.

Как уже было сказано, подавляющее большинство рисунков - горные козлы и горные бараны. Это главным образом тотемы, поминальные или памятные знаки по ушедшим из жизни. Подробное доказательство этим терминам, примененным мною к наскальным рисункам, описано в моей недавно вышедшей книге "Ри-

сунки на скалах южных и центральных районов Казахстана (Алматы: Родной край, 2004). Рисунки размещены на 29 страницах. Каждая из них обозначена словом "Фигура" и порядковым номером.

Фигура 1 и Фигура 2 (рисунки с 1 по 14). Здесь избранные рисунки горных козлов и баранов. Оба этих вида легко различаются по рогам. У барана они совершают заворот почти в полный круг или иногда при утрировке - более. Рисунки поражают своим специфическим для этого места стилем, будто исполнены одним художником. Здесь у животных удлиненные морды. На рис. 13 изображен единственный рисунок сайги. Видимо, это животное никогда не было тотемом.

Фигура 3 (рисунки с 15 по 19). Рисунки необычные. Рис. 15 принят у зороастрийцев как приверженец титанического правления.

Загадочны рис. 16, 20, 19, 17. Здесь же примыкающее к изображению козлов единственное изображение собаки с удлиненной, как и у козлов, мордой. Почему только один раз упомянуто это животное - непонятно. В моем каталоге более 300 изображений этого

первого друга человека из животных. По-видимому, запечатление на скалах домашних животных здесь не полагалось.

Фигура 4 (рисунки с 21 по 23). Рис. 21 - необычные изображения козлов с множеством рог и с двумя головами, с ногами, связанными перемычкой - "путами". Все это известно и в других местностях и не загадано. Очень интересен рис. 22. В большого многорогого барана стреляет из лука маленький человечек. Это какой-то ритуальный расстрел, рисунок человека, чем-то вредного. Он подтверждает, что подобные многорогие бараны - тоже памятные знаки в честь какой-то особенной личности. (Подобные догадки более понятны при прочтении уже упомянутой книги).

Фигура 5 (рисунки с 24 по 28). Непонятные рисунки козлов и баранов. Рис. 25 - козел со сросшимися концами рогов (см. рис. 15), двухголовые козлы, животные, подгоняемые всадником. Рис. 27 и там же верховой как будто на лошади.

Фигура 6 (рисунки с 29 по 33). Рис. 29, 31 - козлы, преследуемые волком, рис. 30 - волк, и два рисунка верблюдов - единственные среди рисун-

ков. Возможно, это животное здесь на северных границах ареала было очень редким или не служило тотемом.

Фигура 7 (рисунки с 34 по 37). Рис. 34 35 - единственные рисунки, названные мною находкой в Калмагабеле Крупноголовой. Вероятно, эта лошадь не служила тотемом.

Рис. 36 и 37 - первый необычно стилизованный, второй - лев или тигр. Оба рисунка принадлежат пришельцу, судя по всему, из дальневосточных стран. Нижний аналогичен найденному в Калмагабеле.

Фигура 8 (рисунки с 38 по 40). Рис. 38-40 - единственные рисунки стилизованных оленей тотема скифов.

Фигура 9 (рисунки с 41 по 47). Рис. 41 - животные непонятные. Рис. 42, 44 - как будто лошади, но без хвоста. Вообще нет настоящих рисунков лошадей. Возможно, не полагалось изображать тотемами домашних животных. Рис. 46, 47 - совсем непонятные животные, лежащие на земле.

Фигура 10 (рисунки с 48 по 49). Человек и две коровы совершенно необычного облика и неизвестные палеонтологам. Впрочем, это животное не изучено ими. На человеке на поясице по бокам - два бу-

горка. Это, без сомнения, священный пояс из верблюжьей шерсти, носимый зороастрийцами. Подобная деталь, впервые подмеченная на этом рисунке, встречена еще несколько раз только здесь.

Фигура 11 (рисунки с 50 по 53). Рис. 50, 53 - типичные и ранее встречавшиеся мне фантастические мифические существа, шайтаны, один из которых будто даже сидит на лошади. Рис. 52 - то ли ящерица, то ли утрировка культа фаллуса. Аналогичное изображение встречалось ранее.

Фигура 12 (рисунки с 54 по 55). Рис. 54 - козла преследует волк. Рядом спереди него как будто не относящаяся к рисунку неясная фигура человека. К ней подрисован пунктиром сложный, гуннский или монгольский лук, очень тщательно вырезанный острым предметом другим человеком. На стреле - шар. Подобными стрелами обычно останавливали, попав в голову убежавшего пленного. У лучника - бугорки от пояса заратуштровцев и точками подрисована правая рука в типичном положении стрелка из лука. Все это похоже на открытую мною подрисовку символического уничтожения памятного знака, присущего иноземцам.

Рис. 55 - типичный рисунок стрельбы из лука. Серия таких рисунков мною расшифровывается, как ранение дикого животного для перенесения его живым в поселение ради ритуального принесения в жертву.

Фигура 13 (рисунки с 56 по 59). Рис. 56 - рисунок будто изображающий спортивную пирамиду; на человеке, сидящем на лошади, по-видимому, жеребенок, на нем - тоже человек, держащий на себе какое-то животное. Рис. 58 - человек рядом с луком, поясные бугорки - ритуальный пояс заратуштровцев. Рис. 59 - к лежащему мертвому человеку подлетела хищная птица: типичный ритуал заратуштровцев принесения трупа умершего на растерзание хищных птиц и зверей. Это третий подобный рисунок, зарегистрированный мною.

Фигура 14 (рисунки с 60 по 61). Типичная для этой территории ритуальная поза над фигурой лошади. Ниже - рис. 61 - человек в несколько необычной ритуальной позе. Изображение его головы отвалилось.

Фигура 15 (рисунок 62). Редчайший рисунок, изображающий дерущихся мужчину и женщину.

Фигура 16 (рисунок 63). Рис. 63 - сложно-сюжетный. Справа от мужчины с бугорками на талии (ритуальный пояс) мужчина с недорисованной головой. Слева - женщина, рожаящая ребенка. Внизу неясная фигура.

Фигура 17 (рисунки с 64 по 66). Рис. 64 - мужчина, держащий что-то в руках. Рис. 65 - непонятная фигура человека. Рис. 66 - двое мужчин в непонятном сочетании.

Фигура 18 (рисунки с 67 по 68). Рис. 67 - двое мужчин в ритуальных позах. У обоих - длинные носы арийцев и сзади волосы, закрученные в клубок подобно тому, как делали скифы перед сражением с неприятелем.

Фигура 19 (рисунки с 69 по 71). Рис. 69 - человек в ритуальной позе, держащий что-то в руках. Рис. 71 - будто женщина, стоящая на лошади в ритуальной позе.

Фигура 20 (рисунки с 72 по 75).

Рис. 72, 73 - необычные ритуальные позы.

Фигура 21 (рисунки с 76 по 78). Рис. 76, 77 - ритуальные позы. Рис. 78 - человек с каким-то кругом в руках. В центре круга - девять точек - ритуальное число в изображе-

ниях солнцеголовых жрецов, означающее время развития ребенка в утробе матери.

Фигура 22 (рисунки с 79 по 83). Рис. 79 - человек как будто держит за морду животное, ноги которого находятся в кругах. Это второй подобный же рисунок, что-то обозначающий. Рис. 80 - своеобразная пирамида, встречена второй раз, что-то обозначающая. Рис. 81 - женщина как будто держащая что-то, похожее на лежащего человека за голову. Рис. 82 - мужчина и возле него две фигурки женщин. Рис. 83 - бегущий человек и странное животное.

Фигура 23 (рисунки с 84 по 86). Рис. 84, 86 - две крупные фигуры мужчин в ритуальных позах. Рис. 85 - мужчина, держащий на поводу лошадь.

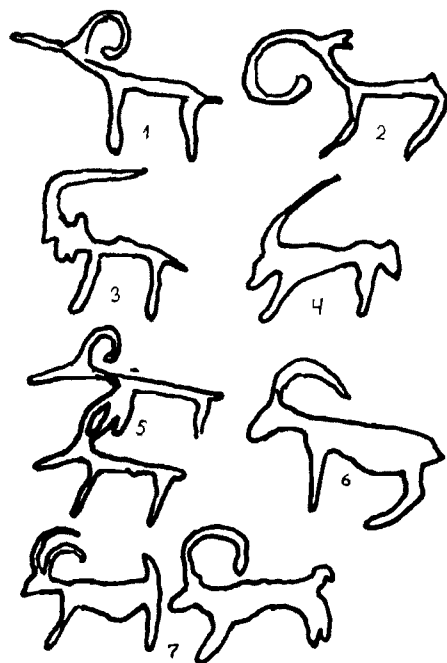
Фигура 24 (рисунки с 87 по 89). Рис. 87 - женщина, рожаящая ребенка. Рис. 88 - мужчина с неестественно длинным фаллусом. Рис. 89 - двое мужчин в ритуальных позах.

Фигура 25 (рисунки с 90 по 92). Рис. 90 - будто фигуры женщин в ритуальных позах. Рис. 91 - возле пары держащихся за руки женщин - козел. Рис. 92 - рисунок на по-

любовавшимся камне - будто бегущей женщины.

Фигура 26 (рисунки с 93 по 94). Рис. 93 - рисунок лабиринтов, аналогично изображенных на фото в упомянутой книге. Рис. 94 - как будто рисунок трех людей, зашифрованных способом, подробно описанным в упомянутой моей книге.

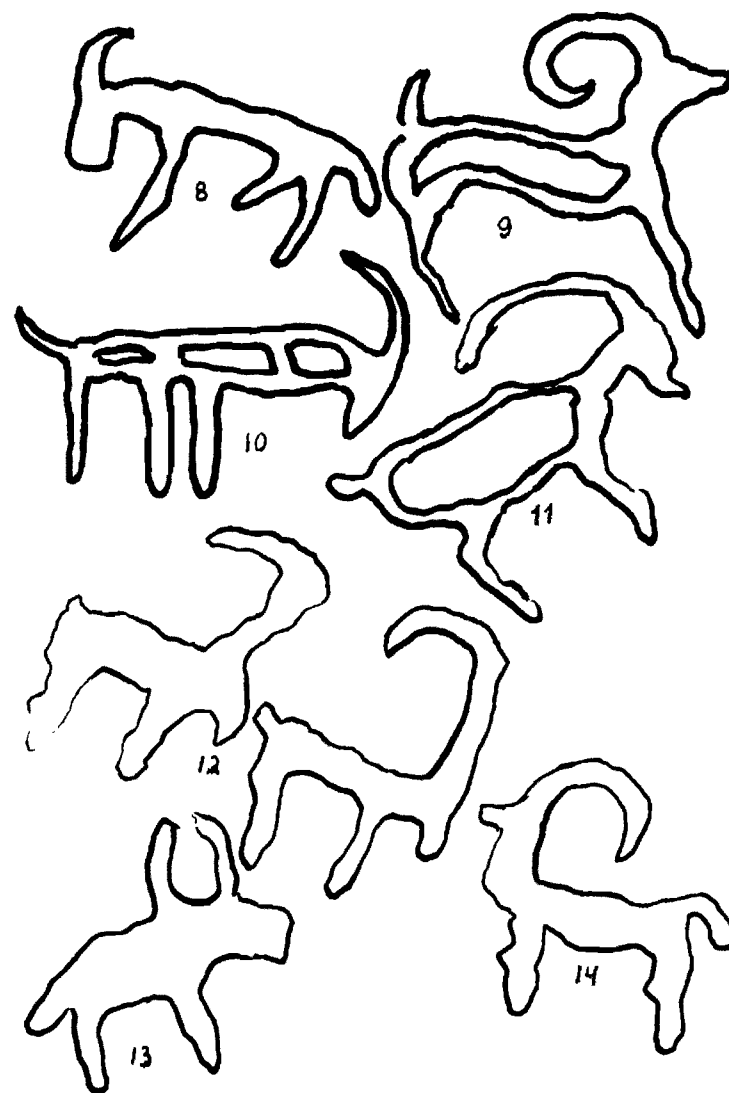
Фигура 27 (рисунок 95). Рис. 95 - рисунок будто тоже зашифрованный из тех же соображений, что и в предыдущем изображении.

Фигура 1

Фигура 28 (рисунок 96). Поразительный сюжет по художественному мастерству, изображающий танец двух женщин. Для его изображения на камне требовалось настоящее мастерство. По-видимому, тогда уже попутно с наскальными рисунками развивалось и прикладное искусство на предмет "ат бытау".

Фигура 29 (рисунки с 97 по 101). Рис. 97-101 - рисунки неясного содержания, нередко встречающиеся на скалах.

Фигура 2

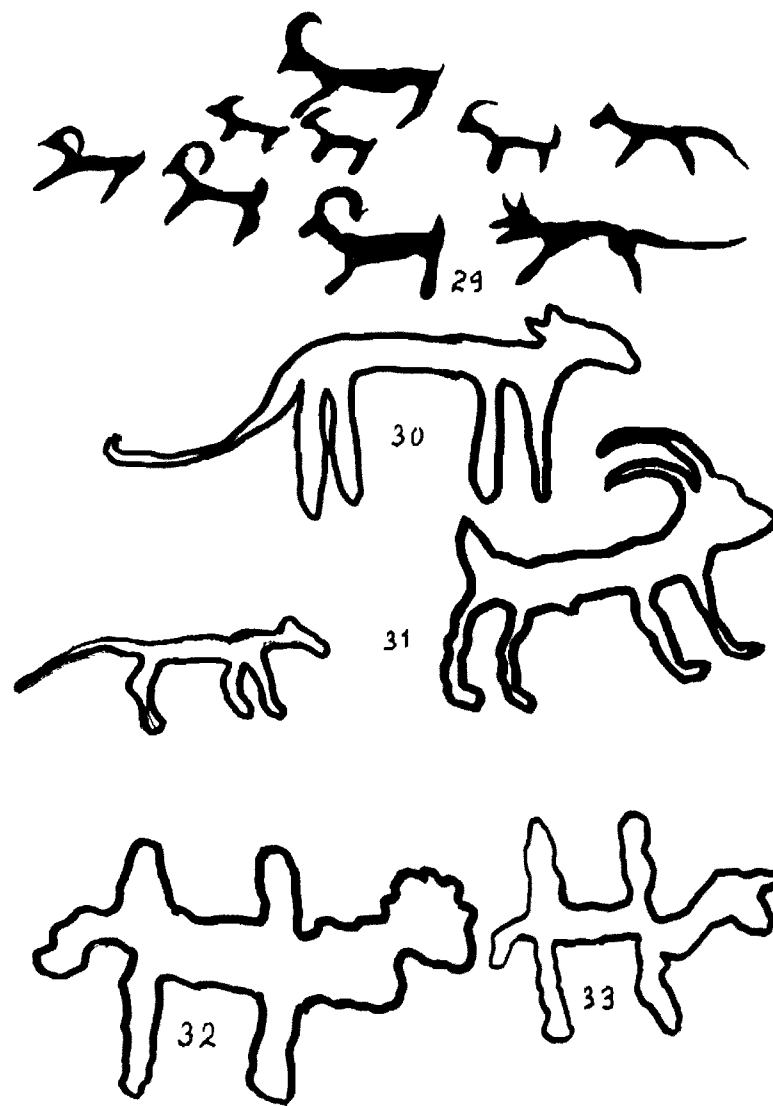
Фигура 3

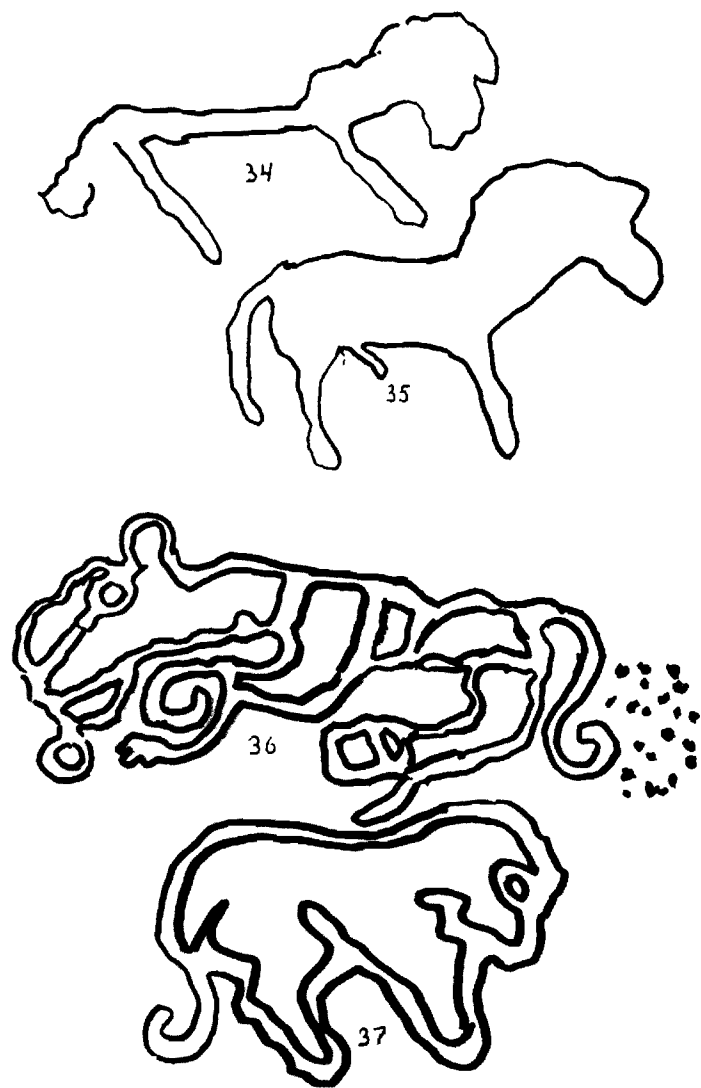
Фигура 4

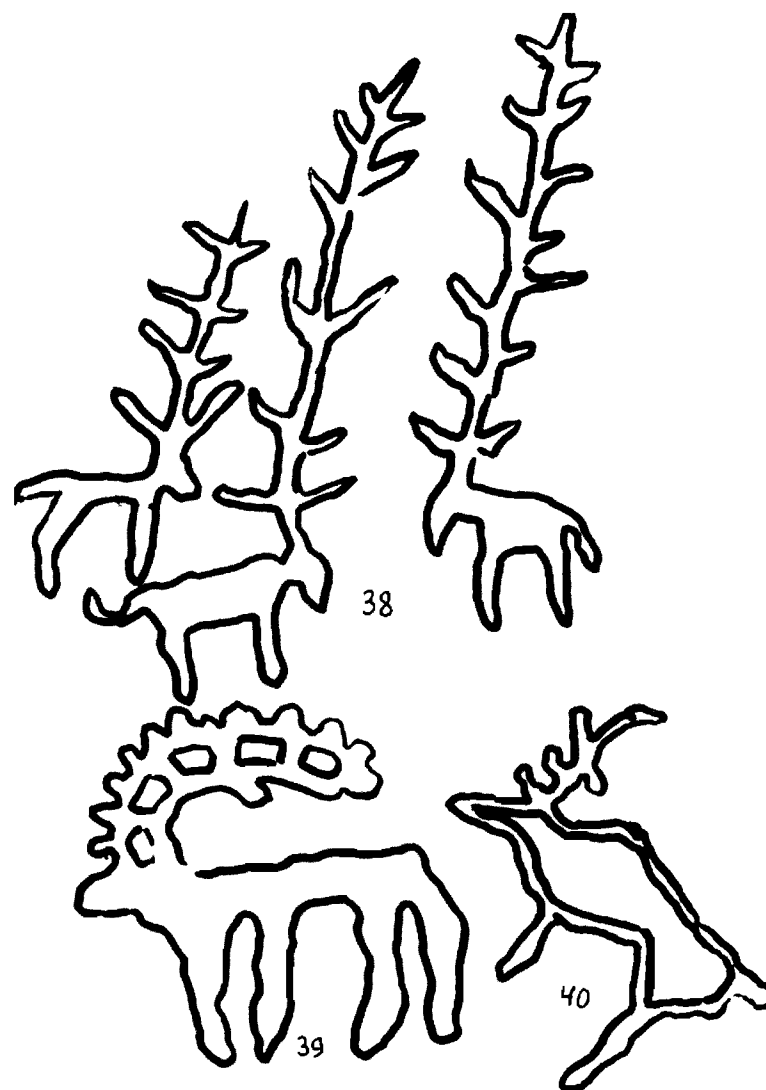
Фигура 5

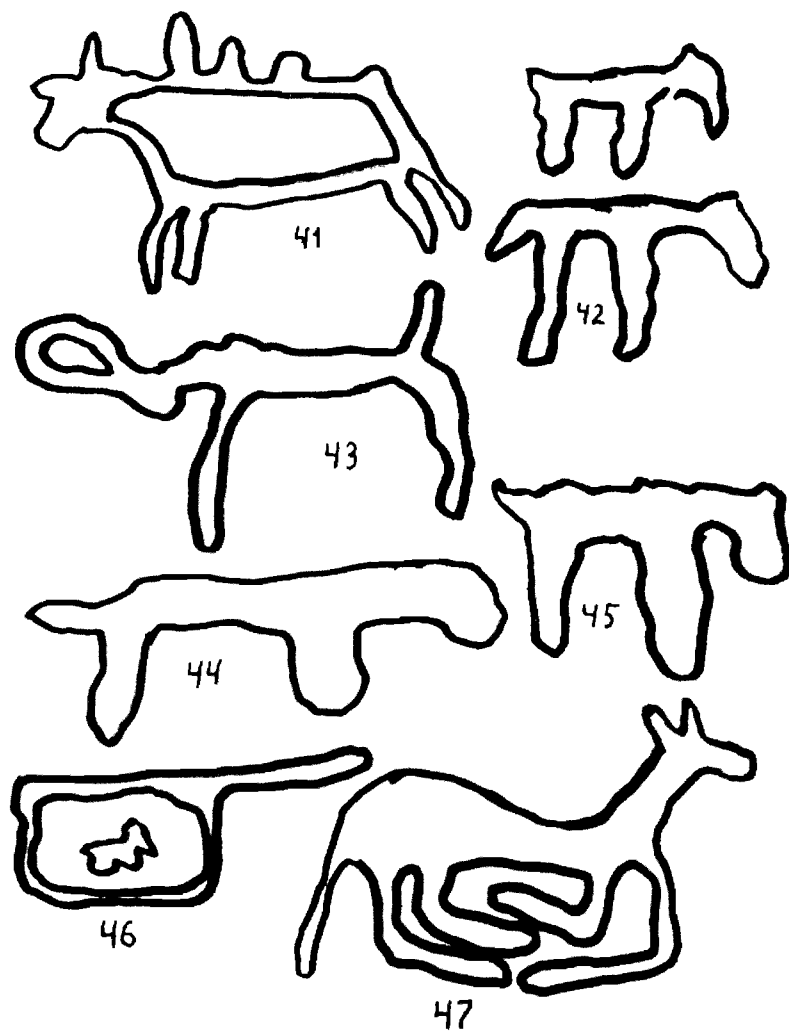
Фигура 6

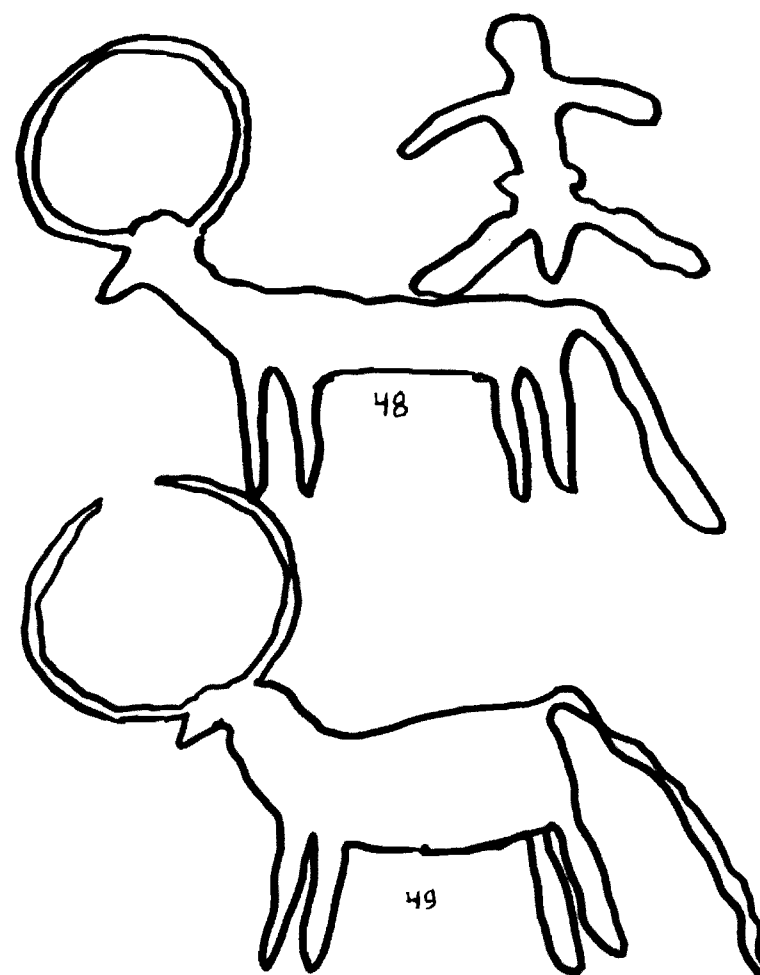
Фигура 7

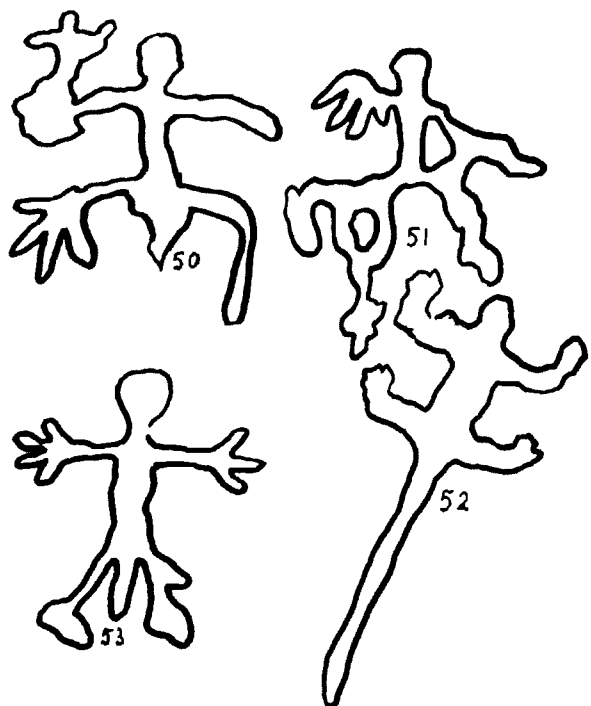
Фигура 8

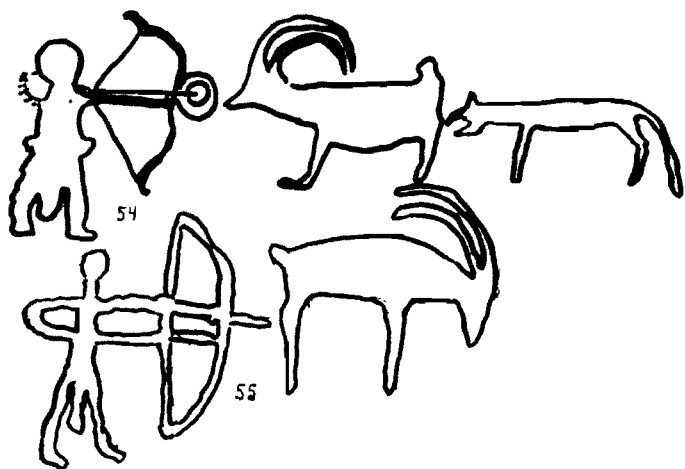
Фигура 9

Фигура 10

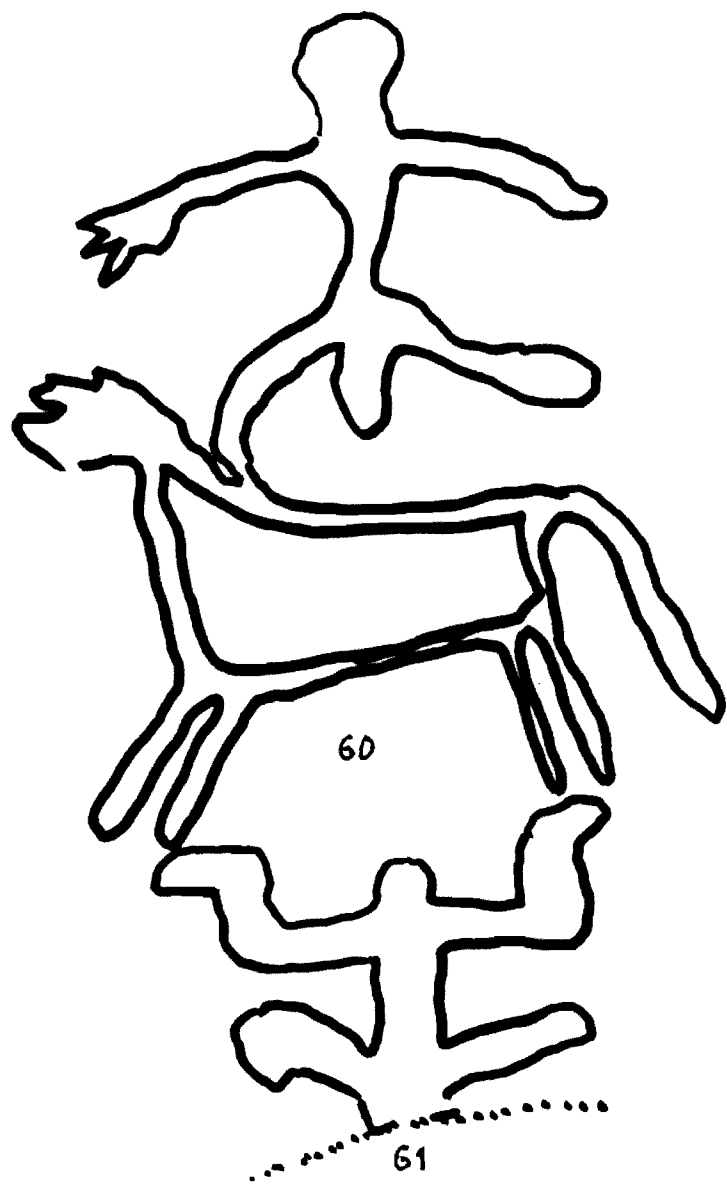
Фигура 11

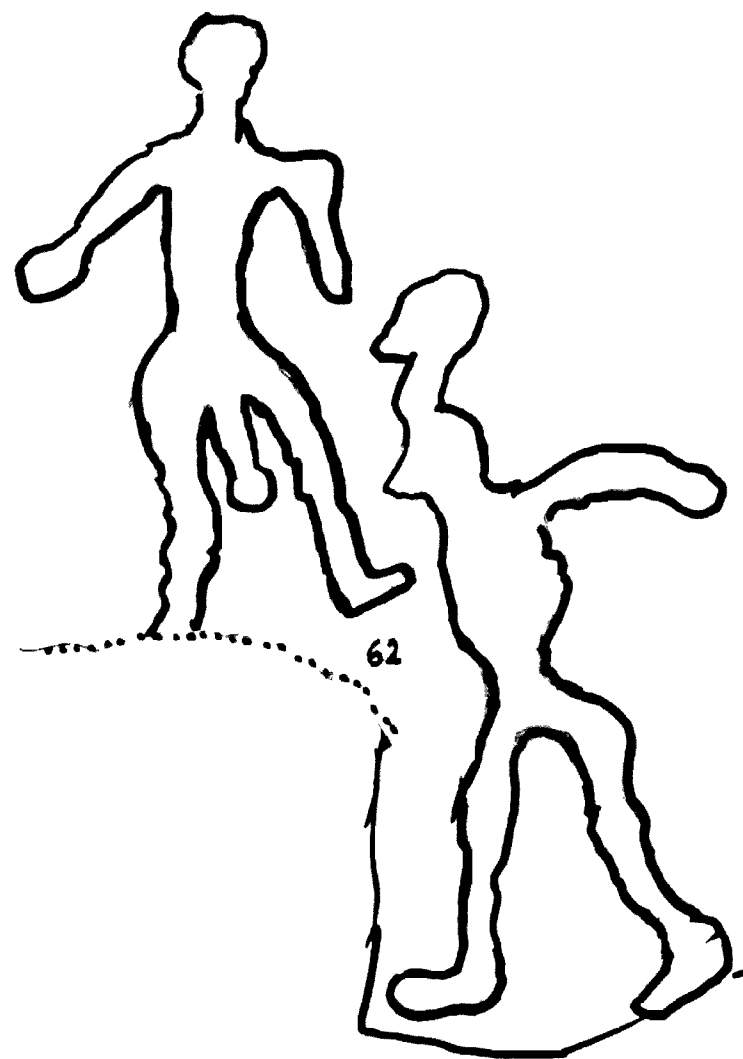
Фигура 12

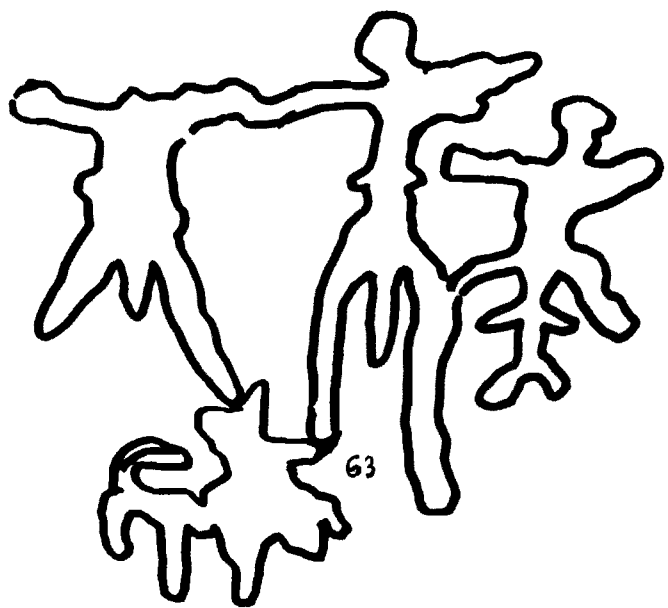
Фигура 13

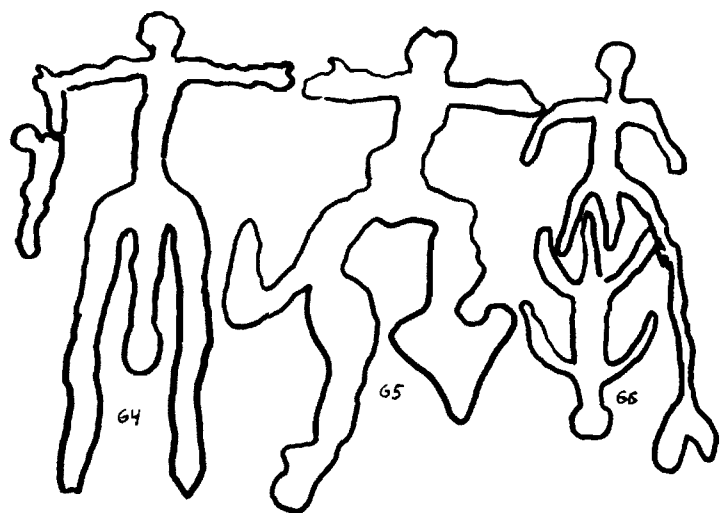
Φύγυρα 14

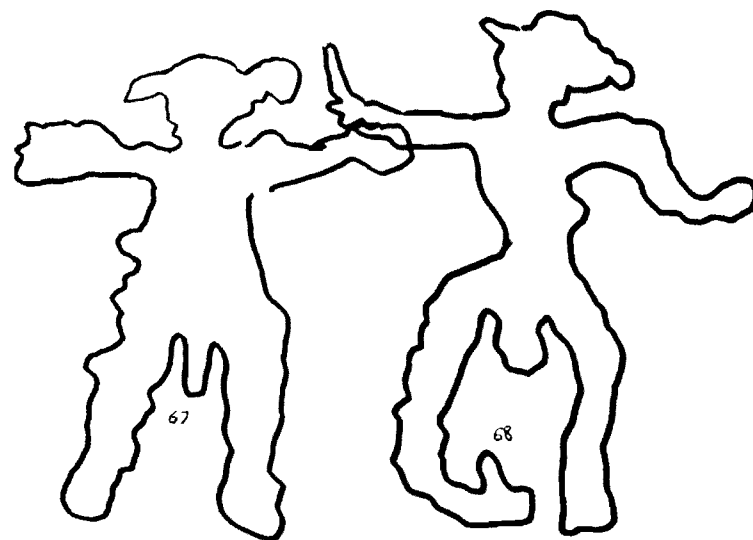
Φύγυρα 15

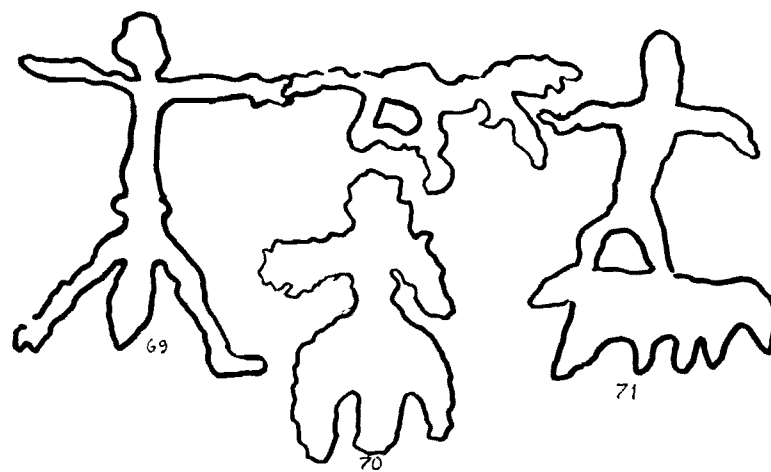
Фигура 16

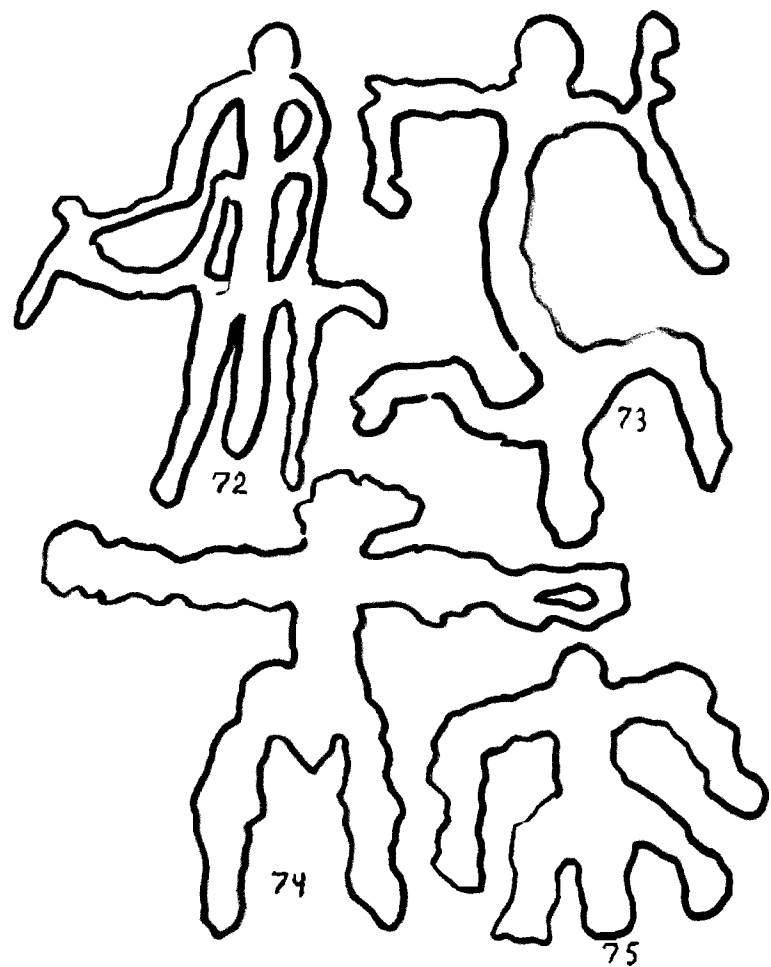
Фигура 17

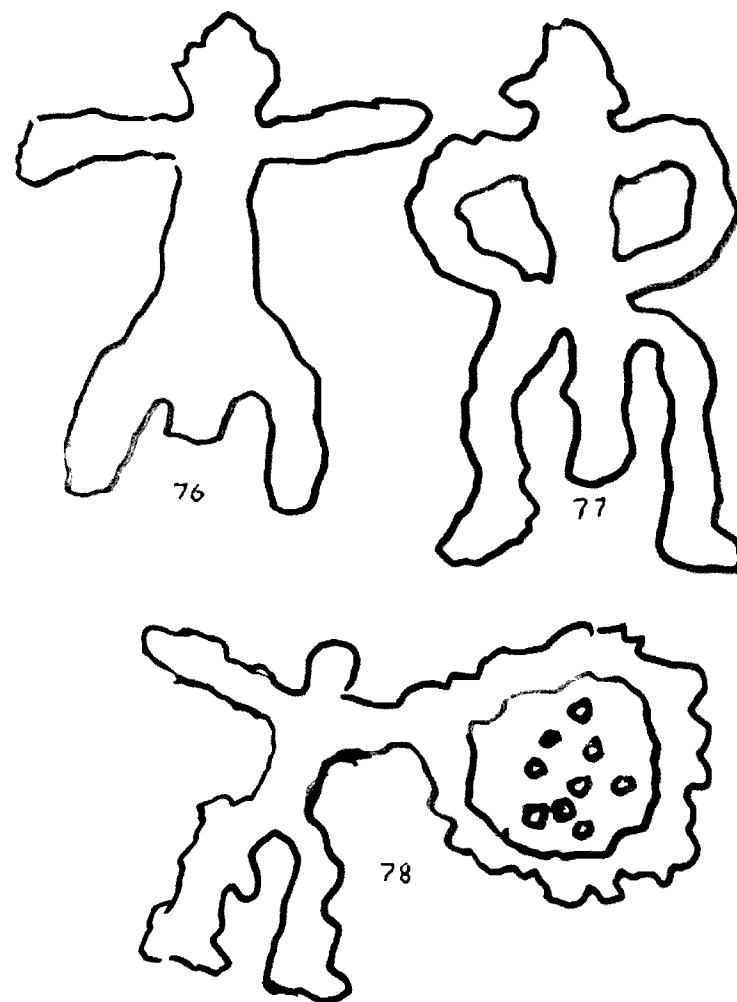
Фигура 18

Фигура 19

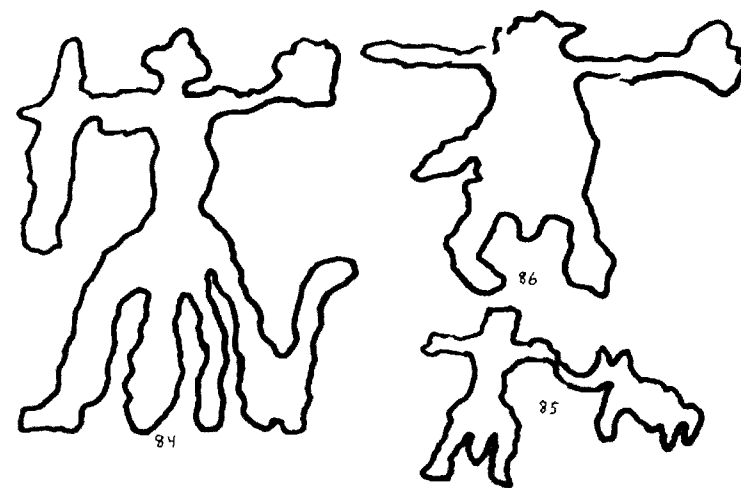
Фигура 20

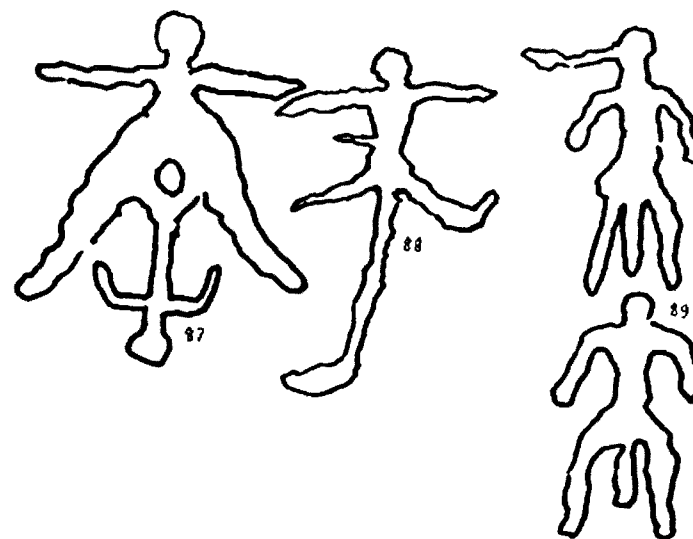
Фигура 21

Фигура 22

Фигура 23

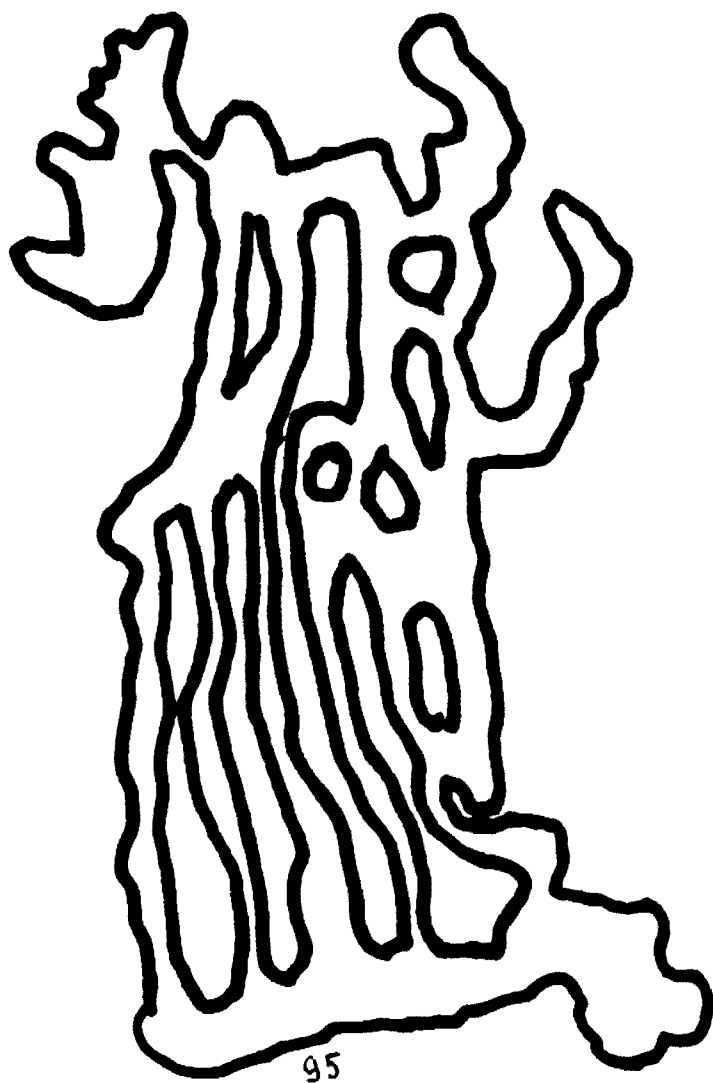
Фигура 24

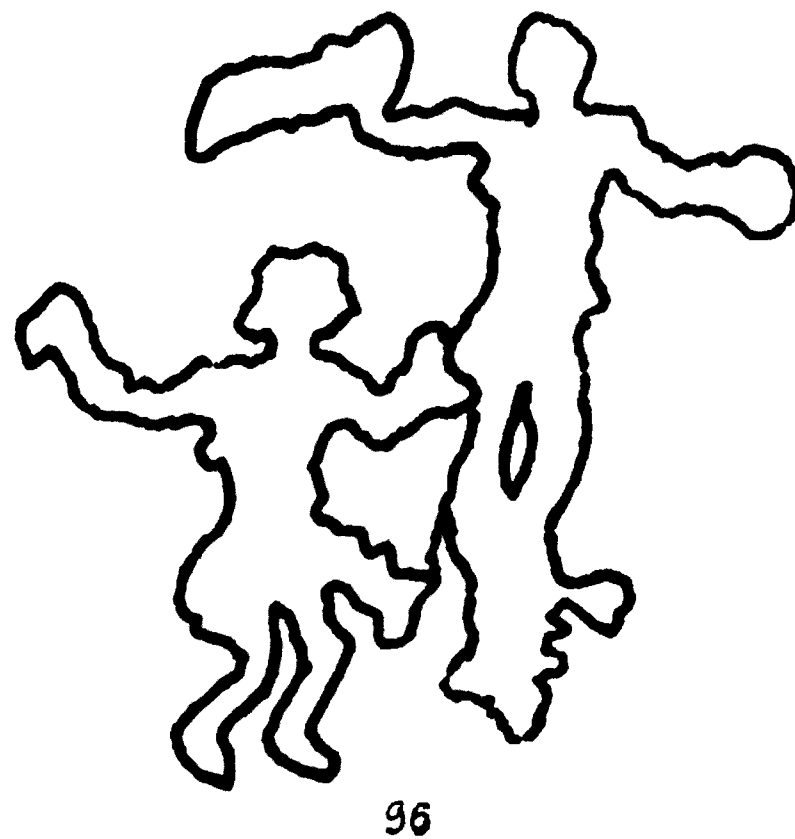
Фигура 25

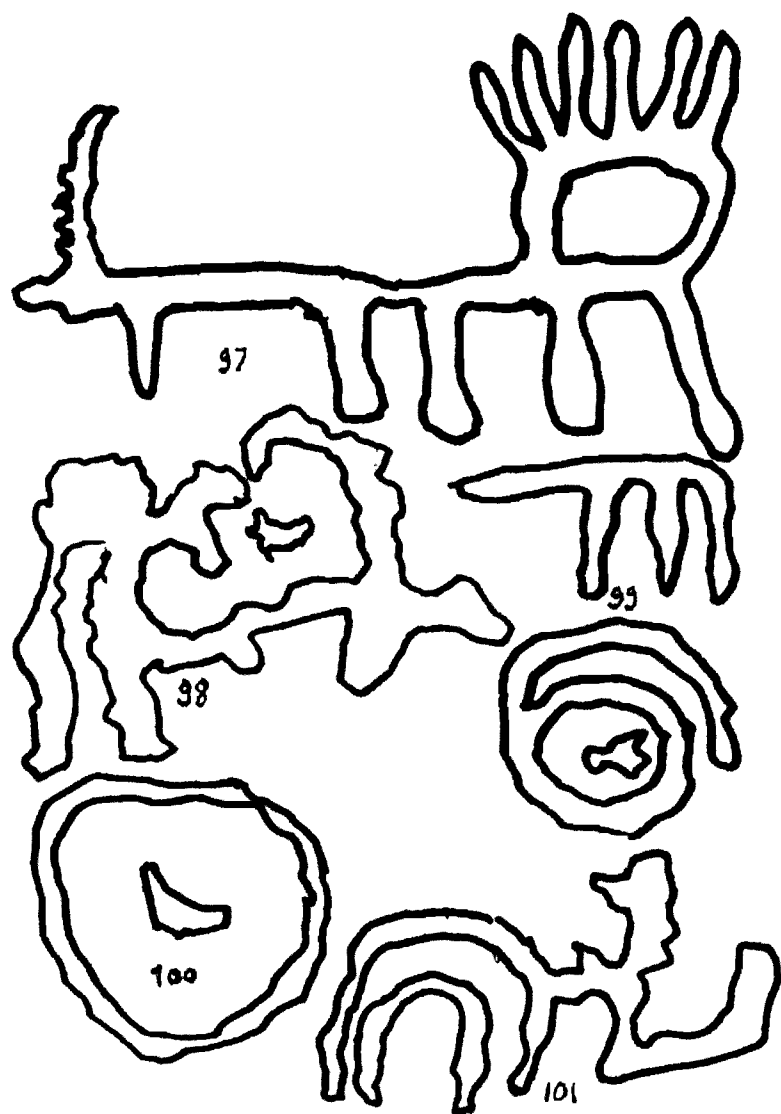
Фигура 26

Фигура 27

Фигура 28

Фигура 29

О ЧЕМ РАССКАЗАЛИ РИСУНКИ

Скопления рисунков на Калмакэмеле объясняется преимущественно тем, что в пределах этой горы много ущелий, сохранявших воду, что давало возможность содержать скотоводство. Источники воды здесь сохранились благодаря тому, что вся территория горы представляла собою как бы мало возвысившийся над поверхностью местности лакколит из мелкозернистого гранита, на котором сохранялась вода. Кроме того, мелкозернистый гранит был удобен для нанесения рисунков.

Как будто теперь археологам стало понятно снятие копий как можно большего числа рисунков на скалах, так как общие рассуждения, сопровождаемые редкими копиями, давали недостаточное представление для расшифровки петроглифов. Как и следовало ожидать, о подавляющем большинстве рисунков трудно судить по единичным находкам. Расшифровке способствуют только многочисленные регистрации их на одну и ту же тему. При обследовании Калмакэмеля было предпринято возможно большее число пе-

рерисовок на кальку. За сравнительно короткое время было скопировано около ста рисунков. Их анализ показал, что обитатели этой территории создавали рисунки, заметно отличающиеся от творчества соседей. Громадные безводные пространства, окружающие эту территорию, способствовали изоляции от более густых поселений Семиречья. В Калмакэмеле почти совсем нет рисунков иноземцев-завоевателей, нет и следов унижения, искажения и ритуального уничтожения ранее нанесенных рисунков. Они остались почти в полной чистоте благодаря неприступности, о чем напоминает небольшое скопление рисунков в одном из участков громадной пустыни Бетпак-Дала, обследованном мною. Жестокий завоеватель железный хромец Тимур прекратил туда свой поход, оказавшись перед Бетпак-Далой. Сары-Арка безводными размерами и однообразием ландшафта во многом похожа на Бетпак-Далу. Тем не менее, Калмакэмель и Калмагабель посетил какой-то странник, оставивший изображение динозавра да витиеватый лабиринт. Да еще оставлено два изображения крупного хищ-

ника, по стилю принадлежащие, по-видимому, Дальнему Востоку.

К особенностям искусства на камне в Калмакэмеде отнесется также удивительно редкое изображение верховых и лошадей. Только два рисунка принадлежат дикой и по-видимому неподдающейся дрессировке лошади Калмагабеля, названной мною Крупноголовой. Нет также и изображений домашних животных и в частности нет рисунков собак, тогда как на территории Семиречья их зарегистрировано в моем каталоге несколько сотен. Быть может здесь существовало более строгое отношение к летописи на камне, избегавшей изображения домашних животных.

Интересно и то, что здесь обитавшие люди также придерживались древнейшей религии Заратуштры, судя по следам священного пояса из верблюжьей шерсти. Но вместе с тем здесь отсутствуют типичные фигуры заратуштровских ритуальных рук, упиравшихся в поясицу, столь обыкновенных в Семиречье, а также в Калмагабеле. Видимо, каждое племя строго соблюдало установившиеся оттенки ритуалов своего замкнутого пле-

мени. Возможно, этому способствовала также существовавшая враждебность к соседним племенам. Поражает также отсутствие изображений стрелков из лука, охоты на диких животных. Возможно, относя этих животных к темам, на них не охотились, тогда как в Семиречье на территории, по которой проходили полчища китайцев, тюрков, монголов, к этим животным отношение было другим.

Наибольшую загадку представляет отсутствие изображений жрецов. В Семиречье они были у самых цивилизованных заратуштровцев солнцеликими, в других местах, в том числе и в Бетпак-Дала, их изображали в виде пары мужчин, стоявших друг против друга и потрясавших на небо кулаками. Здесь нет ни тех, ни других. Зато очень много больших и выразительных фигур с сильно выраженными фаллюсами. По всей вероятности это и были жрецы. Их существовало много. Четкого разграничения и специализации здесь между ними еще не произошло. Жрецы с сильно утрированными, возможно искусственно удлиненными и увеличенными, фаллюсами и были теми жрецами,

религия которых несла облик сексуальности из-за сильных ощущений полового инстинкта, а божество, кроме заратуштровцев, представлялось кроме того еще в первобытном мышлении аморфным, чем-то большим, могучим, управляющим таинственными силами природы. Все народы перенесли это смешение религиозности с половыми инстинктами, создавая храмы Вакха и им подобные организации, сохранив оттенки его даже среди так называемых баптистов. К такому выводу я пришел, работая над книгой "Во власти инстинкта" (Алматы: Родной край, 2003).

Высказанные предположения я не смею считать абсолютными. Слишком сложны отношения развивавшегося у человека разума с его природными инстинктами, полученными от очень дальнего предка.

Громадный интерес представляет рисунок динозавра

Диплодока. О нем подробно рассказано в главе о рисунках Калмагабеля. Он точно такой же, как и там. Еще интересен рисунок сложного узора. Он также очень похож на Калмагабельский, хотя и отличается мелкими деталями. Оба этих рисунка изображены на фотографиях. Сделаны рисунки одним и тем же лицом. Ранее я встречал, когда кто-либо, очевидно усвоив свой рисунок, повторял его в разных местах. Оба эти рисунка свидетельствуют о связях отстоящих далеко друг от друга племен, хотя, возможно, нанесены странниками.

Таковы вкратце основные итоги последнего путешествия в далекий от цивилизации и ныне погруженный в неизвестность Центральный Казахстан и его Сары-Арку. Они, надеюсь, послужат причиной последующих путешествий в эту территорию, не изученную рхеологами.

*****

В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ

НАЧАЛО ПУТИ

Нам не посчастливилось: едем в дальний путь из Алматы в Центральный Казахстан по жаре. Вокруг ровная, как стол, однообразная пустыня Джусандала. Ровная, будто проведенная по линейке, асфальтированная дорога, идущая на запад, полыхает от зноя, и всюду ее горизонт колеблется и тонет в озерах-миражах. Они маячат перед нами, но недостижимы. Только на юге радостной голубой полоской, повисшей над землей, виднеются горы Анрахай. Но вскоре и они исчезают.

В приоткрытое лобовое стекло машины врывается горячий воздух. Но останавливаться нельзя, жара станет еще сильнее. Думается о том, как относительно ощущение времени. Оно будто остановилось, а на спидометр машины лучше не смотреть: цифры пройденных километров очень медленно сменяют друг друга. Также мучительно медленно проплывают мимо и километры

вые столбы. Равномерное гудение мотора убаюкивает, оба моих спутника давно завалились, спят. Тянет и меня ко сну. Боюсь этого состояния, опасного за рулем, стараюсь всеми силами отвлекаться от дремотного гипноза, размышляю, вспоминаю городские дела, предстоящее путешествие в Центральный Казахстан. На карте такими заманчивыми казались отдельные горы, подобные Бектауате, высящейся среди однообразного мелкосопочника.

Несколько часов назад мы останавливались у прозрачной, текущей из водохранилища речки Курты в обрамлении небольшого тугайчика. Здесь, на самом берегу, вокруг нас стали виться столь хорошо мне знакомые мучители-мошки. Многие из них усаживались на одежду. В воде, на камешках, всюду прикрепились многочисленные личинки и куколки этих несносных кровососущих насекомых. В нашей стране известно много видов мошек, все они плодятся в проточной

воде и особенно многочисленны в тайге, где ведут себя, как отъявленные кровососы, нападая на человека и домашних животных. Достается от них и диким животным. Укус мошек болезненней комариного. Но здесь, возле речки Курты, ни одна не вознамерилась полакомиться нашей кровью, все мошки к нам совершенно равнодушны. Странные мошки, замечательные мошки! Возможно, они представляют исключение из всего семейства Симулиид, как по латыни называют этих насекомых. Нельзя ли расселить их по тем районам, где живут другие мошки-кровососы, чтобы, конкурируя с их личинками-собратями и отъявленными кровососами, повлияли на их благополучие?

Впрочем, быть может я ошибся, и это не кровососущие мошки, а мушки-слезоедки. Их личинки развиваются в прибрежном иле, а мушки вылетают, чтобы справить брачный ритуал, после чего немедленно спешат отложить в прибрежный ил яички. Во время брачного полета они крутятся возле глаз крупных животных и садятся на веки, чтобы урвать капельку питательной для них слезной жидкости.

На речке нашему визиту обрадовались и муравьи. Еще бы!

Вокруг выгоревшая от летнего зноя пустыня, и нет в ней нигде поживы.

Муравьи-жнецы потащили оброненные на землю крошки хлеба, муравьи-бегунки разыскивали опорожненную банку из-под мясных консервов и пируют в ней, очищая ее стенки от остатков содержимого. Потом увидел узкую колонну маленьких черных муравьев. Они бежали цепочкой строго друг за другом, не сворачивая со своей, наверное, помеченной следовыми запахами дорожки. Те из них, кто направлялся к своему жилищу, несли какие-то крохотные светлые комочки. Склонившись над муравьиной тропинкой, поймал одного из участников успешной заготовки провианта, разглядываю его и не верю своим глазам. Передо мною хорошо мне знакомый муравей Тапинома ерратикум, житель степей, предгорий и вовсе не жаркой пустыни. В растерянности муравей выронил свою ношу, и я не без труда узнаю в ней кристаллик сахара.

- Опять вы просыпали сахар! - упрекнул своих спутников. По нашим экспедицион-

ным, издавна и твердо установленным правилам все закупленные продукты должны быть освобождены от бумажной упаковки и помещены в специальные матерчатые мешочки. Наверное, от тряски в машине пакет с сахаром порвался.

- Откуда вы узнали, что сахар просыпался? - удивилась Зоя. - Всего лишь маленькую горсточку выбросила под кустик.

- Зачем муравьи всякую дрянь к себе тащат? - спросил Алексей. - Наелся бы каждый сам для себя!

Алексей - горожанин, хотя детство провел в деревне. Он студент политехнического института, природу не понимает и поехал с нами ради любопытства. Объяснил ему:

- Ты, когда купишь продукты питания в магазине, не надеешься тут же за прилавком или, выйдя на улицу, несешь домой купленное. Муравьи живут большими семьями, и еда у них общая. Мало того, они настолько часто обмениваются друг с другом пищевыми отрыжками, что у них получается что-то вроде общественного желудка.

Недолго мы были на реке...

Мои спутники продолжают спать. По черному асфаль-

ту шоссе, пересекающему ровную пустыню, беспрестанно бегут шумные грузовики, шурша шинами, проносятся легковушки. Под грузовиками содрогается земля, колышется воздух, и травы, растущие на обочинах, наклоняются, будто от ветра. Рядом с асфальтом, вытянувшись столбиком, застыл суслик. В его больших глазах отражается весь мир пустыни. Суслик безразличен к этим пахнущим смрадом чудовищам. Он привык к ним, как к чему-то неизбежному и для него безразличному. Грохот и дым легко переносятся устойчивой нервной системой грызуна.

Однообразие пути продолжает грозить опасной дремой, и я останавливаю машину. Заскрипели тормоза, проснулись мои спутники. Суслик забеспокоился, свистнул и исчез: чудовище не должно быть неподвижным, в таком состоянии оно подозрительно и опасно. Нора суслика оказалась тут же, на краю дороги.

Дорога пересекает по бетонному мосту небольшой лог. Под ним тень и сумрак. Мост, такой крепкий, вздрагивает от проходящих по нему машин и отвечает гулким эхом, будто жалуясь на то, что ему нет покоя. На потолке бетонного со-

оружения ласточки-касатки вылепили два гнезда. Птицы беспрестанно залетают в длинные глиняные трубки, ведущие в жилище, носят корм птенчикам. Ласточкам нипочем шум от машин, они тоже к нему привыкли.

Тут же рядом с гнездами ласточек вылепила из глины, величиной с кулак, гнездо осасцелифрон. Почему рядом? Быть может, доверилась тому, что птицы не ошиблись в выборе места для своего строения, и, значит, оно хорошее, прочное.

Параллельно асфальтовой дороге, далеко до самого горизонта, выстроились телеграфные столбы. На одном из них вороны построили гнездо из веток. Осторожная и недоверчивая птица решилась здесь обосноваться. Что поделаешь! Корма тут отличные, воспитывать детей легко, а вот с местом для гнезда туговато. Приходится пользоваться столбами. Воронам не повезло. После первого же дождика телеграфисты обнаружат замыкание проводов, поедут обследовать линию и, найдя гнездо птиц, его уничтожат. На другом телеграфном столбе уселся орлан-белохвост. Он застыл, неподвижен и его пронзитель-

ный взгляд, будто не замечает мимо бегущих машин: здесь удобное место отдыха и обзора местности. Но едва я затормозил машину, собираясь сфотографировать птицу, как она мгновенно насторожилась, пригнулась и взлетела, тяжело размахивая крыльями.

Орлов ныне постигло бедствие, если не сказать трагедия.

Верхушки столбов, по которым протянуты высоковольтные провода, - отличное место для посадки. На них они отдыхают, с них же и высматривают добычу, преимущественно грызунов. Но, взлетая, птицы задевают крыльями провода высокого напряжения и, замыкая их, пораженные током, замертво падают на землю. Эти коварные линии электропередачи, как их называют, ЛЭПЫ протянуты во всех направлениях, в том числе и в глухих пустынях и степях.

Путешествуя по Казахстану, я не раз находил под столбами убитых током орлов. ЛЭПЫ сыграли коварную роль, истребив этих птиц. Теперь на просторах Казахстана не увидеть орла-беркута, степного орла, орла-курганника, а также других птиц вроде скопы, орла-белохвоста. На фоне этой трагедии с иронией смотрятся

аляповатые и безвкусные громадные бетонные скульптуры орлов, установленные дорожными строителями. Они не столько украшают, сколько скорбно напоминают о загубленных птицах.

Как ни избежать трафаретной ссылки на зарубежные страны, где трассы электропередач упрятаны под землю, а там, где они идут по протянутым между столбами проводам, на их верхушках установлены железные стойки с перекладиной наверху и кольцевым, на одном болту, креплением.

Сейчас кое-где очень редко стали появляться такие приспособления, но что они значат среди великого частокола других столбов. Как-то, оказавшись в поезде вместе с инженером, работавшим по эксплуатации электропередач, я обратил его внимание на эти посадочные перекладины. Он очень удивился, так как ничего не знал об их существовании.

Не будет преувеличением сказать, что ныне более девяноста процентов орлов погибли от проводов высокого напряжения. А как прежде Казахстан славился своими дрессированными орлами-беркутами, охотниками на волков и лисиц! Печально, что страна, на гербе которой изоб-

ражен летящий орел, стала местом массовой гибели этих гордых птиц...

Едем дальше. На черный асфальт выползла ящерица-агама, прижалась к горячей дороге, наслаждается жаром. Не беда, что мимо несутся страшные чудовища. Ей не впервые здесь принимать солнечные ванны, привыкла, равнодушна к машинам и будто их не замечает. Случайно заполз на дорогу степной удавчик, расслабился от высокой температуры, улегся отдыхать. Будет ли безопасным его отдых, задавят эту миролюбивую и совершенно не ядовитую змею шофера - неумные истребители змей! Придется остановиться, отбросить в сторону беспечного удавчика.

Ровная пустыня постепенно сменялась холмистыми предгорьями. Дорога сворачивает к северу, то взметнется вверх, то опустится вниз. Иногда она прорезает холмы глубокой выемкой. Отвесные стенки выемки изрешечены норками многочисленных обитателей юга. Кого тут только нет!

Шумные пустынные воробы ни на минуту не покидают свои норки, и если один из пары полетел за добычей, другой сидит во входе, стережет свое жилище. Иначе нельзя:

проделать в земле норку нелегко и любителей на чужое жилище много. Из других норок выскальзывают и стремительно носятся в воздухе золотистые щурки и нарядные изумрудно-зеленые сизоворонки. У входа в просторную норку застыла маленькая совка-сычик, уставилась на дорогу большими круглыми глазами. Ей хорошо. Ее никто не тронет, побояться. И еще разные обитатели норок, скворцы, гапки... Все они равнодушны к потоку автомобилей как к чему-то неизбежному.

АДРАСПАН

Мы устали от однообразия пути по пустыне Джусандала. Такое название она получила за то, что ранее почти полностью была покрыта зарослями пахучей светло-зеленой полыни джусан. Запах ее приятен и после разлуки с пустыней всегда хочется подышать над пучком сорванной и слетка потертой светлой полыньки. Но ныне, с наступлением засушливого климата и перевыпаса, в пустыне стала процветать негодная для выпаса черная полынь, да по обочинам дороги всюду выстроилось низенькими ярко-зелеными кустика-

ми стойкое к засухе растение адраспан.

К наступлению лета адраспан начинает красоваться белыми, хорошо различимыми в темноте цветами. По-видимому, его главные опылители - ночные насекомые, пережидая жаркий день в тенистых укрытиях. Адраспану не грозит перевыпас. Он нестоек, ядовит, и я не встречал на нем никаких насекомых, кроме опылителей. Хорошо было бы его использовать для борьбы с насекомыми-вредителями садов и огородов.

Это растение прежде было хорошо известно местному населению. Казахи-животноводы настоем адраспана лечили чесотку овец. Говорят, горячий настой этой травы при наружном использовании помогает против болезней суставов. В Узбекистане раньше дым от адраспана считали средством, спасающим от всех болезней, да и здорового человека якобы он оберегает от всяких недугов. В людных местах, бывало, носили ведра с дымящимся адраспаном, окуривали им желающих, за что полагалось бросать деньги в ведро, которое нес другой человек. К сожалению, адраспан потерял свою былую славу, его почти забыли

и о нем можно прочесть только в описаниях путешественников позапрошлого века. Когда-нибудь ученые изучат это растение и будут использовать его полезные свойства.

Наконец, кончилась пустыня Джусандала. Постепенно ее сменили пологие холмы каменистой пустыни, поросшие маленькими приземистыми кустиками боялыша, изнуренными зноем и засухой. Солнце склонилось к закату. Уже семь часов вечера. Пора становиться на бивак.

БЕСПОКОЙНАЯ НОЧЬ

Очень не хотелось ехать сегодня допоздна, да мои нетерпеливые спутники, будто условившись, уговорили липший час прогнать машину по асфальту, поближе к цели путешествия, казавшегося необыкновенным и заманчивым.

Теперь изволь, нарушив золотое правило поездок, устраивать бивак в сумерках, возиться с ужином, установкой пологов и постелями. Темнота же совсем стусилась, в небе зажглись звезды, исчезли очертания ближайших холмов, окружающих нашу стоянку, лишь одинокий курган еще маячил на ближайшей горке на

фоне потухавшей зорьки. Наконец, закончив долгий день пробега по асфальту, растянуты над брезентом марлевые пологи, и, поужинав, можно растянуться на постели, предвкушая сладкий отдых. Но что-то больно укололо в тыльную поверхность стопы правой ноги, потом еще раз рядом с тем же местом. Подумалось: откуда могла в постели оказаться колючка? Пошупал рукою, ничего не нашел. Снял носок, тщательно промял его, провел рукою по постели - нигде ничего не обнаружил. Боль усилилась. Какая чепуха! Ведь не мог же меня кто-нибудь ужалить. Наверное, все-таки показалось.

- Что случилось? - сонным голосом спросил Алексей.

- Ничего особенного. Спите спокойно!

Улегся, стараясь отвлечься от боли. Но ногу пекло, будто обожженную. Ощупал рукой: опухоли не было. Из саквояжа, его по обыкновению кладу рядом с собой, вынул бутылочку со спиртом. Сейчас протру, поможет, перестанет болеть. Просто самовнушение. Надо заснуть, отвлечься, но спирт не помог, и заснуть не удалось. Колючка была явно ни при чем. Меня пожаловал сво-

им вниманием кто-то явно неприятный. Но кто? Змея? Ее, такую большую легко было бы найти в постели под пологом с аккуратно подвернутыми под матрас краями. Каракурт? Отравление от укуса этого ядовитого и опасного паука было мне отлично знакомо. Вначале боль ничтожна, как от легкого укола иглою. Но вскоре боль растет, распространяется по телу, начинаются симптомы общего отравления, страх смерти, удушье, боль в животе, сильное слюнотечение. Скорпион? Очень похоже! Когда я изучал каракурта, мне так говорили местные жители: "Каракурт кусает совсем не больно, но болезнь очень тяжелая. Скорпион кусает очень больно, но болезнь легкая". Откуда ему взяться здесь, в этой угрюмой каменистой пустыне с редкими кустиками боялыша! Конечно, следовало бы засветить от аккумулятора машины лампу-переноску, тщательно пересмотреть постель. Но не хотелось будить своих спутников, по-прежнему думалось, будто все это так, какая-то случайная боль, может быть, от каких-то процессов, протекающих в мозгу, утомленном долгим путешествием. Но боль не исчезала.

Важно не заострять внимания, постараться забыться.

А время шло. На небе вокруг полярной звезды медленно поворачивалась Большая медведица, по легенде степных жителей "семь волков крутились вокруг привязанной к колу кобылицы". Пролетело несколько спутников. Упал метеорит. Над пологом медленно и бесшумно пролетел козодой... Наверное, все же меня укусил какой-нибудь особенный и небольшой паучок. Теперь он придавлен мною, не опасен. Но какой? Все же странная боль! Будто кто-то все время прижигает горячим железом да еще им слегка потряхивает. Почему она только в одном месте на тыльной поверхности стопы? Если виною произошедшего яд, то он, видимо, особенный, не рассасывается. Надо его разогнать по телу, тогда он, разойдясь, перестанет терзать погу. И я принялся изо всех сил тереть очаг боли. Как будто сразу полегчало. Боль стала стихать, начало клонить ко сну. Как много времени отняла у меня эта непонятная история? "Семь волков" Большой медведицы повернулись вокруг "кобылы" и стали почти с другой стороны.

Утром я проснулся позже всех. Предложил спутникам посмотреть всем вместе мою постель. Края полога, как предполагается, были хорошо подвернуты под надувной матрас, и никто не мог уйти из-под него. Поиски продолжались недолго. Под подушкой, положив сбоку свой длинный хвост, мирно спал большой коричневый скорпион...

- Вот это здорово! - вскрикнул Алексей с восхищением. И занес над виновником происшествия палку, собираясь казнить виновника ночью-го беспокойства.

- Какой ужас! - воскликнула Зоя.

- Попался, субчик! - спасая скорпиона от Алексея, обрадовался я тому, что все встало на свои места. Нога еще слегка болела, чувство жжения совсем не прошло. На коже виднелись едва заметные две красноватые точки - места укула жалом.

- И чего вы радуетесь? - удивилась Зоя.

- Ну как же не радоваться! Во-первых, боль почти прошла, и все же я под конец хорошо выпался. Да и боль, в общем, не была сильной, и "черт оказался не таким страшным, как его малюют".

Впрочем, в моей жизни это второе ужаление скорпионом. Во-вторых, как не радоваться: придумал способ лечения. Яд скорпиона не оставляет иммунитета. Действие его местное и довольно слабое, вызывает боль, и чтобы она была чувствительной, подольше держалась и запоминалась пострадавшему, яд не рассасывается. Ведь скорпиону приходится в пустыне бороться за жилище, за укрытие, за место зимовки и самое лучшее - залезть в норку грызуна, представителя млекопитающих, к которым относимся и мы с вами. Если хозяин норы не гостеприимен, полагается проучить его болезненным укусом. Да таким, к которому не привыкают при повторном наказании. Главное, оказывается, можно простым приемом уменьшить боль. Для этого надо разогнать по телу яд, растереть больное место. Наверное, помогла бы еще и грелка.

Мое объяснение было выслушано моими помощниками с большим вниманием.

- Да, действительно! - задумалась Зоя. - Я об этом сразу не догадалась. Жаль, что не разбудили меня. Я бы и грелку приготовила.

- А я бы с удовольствием расправился с этим гадом! - добавил Алексей.

- Кто бы мог подумать, что меня тяпнул милый скорпион! - продолжаю я обсуждение ночного происшествия. - Во всем же виновны вы, мои дорогие друзья. Уговорили ехать до темноты, поздно устраивать бивак. Когда мы растелили постели, скорпионы уже вышли на ночную прогулку. Вот один случайно и забрался незаметно ко мне в гости. Надо было бы, чтобы он проучил вас, а не меня за нарушение экспедиционных правил. Впрочем, и я виновен. Не следовало с вами соглашаться. Обычно впервые участвующие в экспедиции трудно приучаются к исполнению непереносимых правил и легче воспринимают свой собственный опыт.

История со скорпионом была усвоена на этот раз моими помощниками очень твердо, и мне более не приходилось беспокоиться о заблаговременном устройстве бивака.

ПОСПЕШНОЕ БЕГСТВО

И вновь бег на машине по асфальтовому шоссе.

В стороне от дороги показалась джурга - миловидная

дрофа-красотка. Увидав машину, она стремительно помчалась в сторону и вскоре скрылась за холмами. Пролетели чернобрюхие рябки-бульдурки.

Вдруг вдали - темная зеленая полоска саксаула, тамариска, потом небольшие холмы. Лессовая пустыня исчезла, и теперь на земле вокруг лежит мелкий красноватый щебень и кустики бояльша. Мы вступили в типичную каменистую пустыню, окраину великой голодной пустыни Бетпак-Дала.

Один за другим тянутся одинаковые холмы. И горизонт уже не тот, как прежде, синий и слегка волнистый, будто волны океана. Иногда па пути распадок, скалы, густая поросль тамариска, чингиля, саксаула. Холмы все круче и больше. Вот за ним сверкнули ослепительно голубые воды Балхаша. Они так неожиданны и завораживающи после сухой полуголой и жаркой пустыни! Теперь наш путь вблизи него. Он долог и утомителен. Озеро то скроется ненадолго за каменистыми холмами, то выйдет из-за них манящей к себе голубизной.

За поселком Сары-Шаган мы решили остановиться на берегу озера. Вдали виднелся длинный узкий и каменистый

полуостров, окаймленный с берегов полоской зеленых растений. Там, думалось, мы пообедаем, а ветерок и вода облегчат жару. Подъехали к самому мыску и пошли искать удобное место у самого берега.

Едва я, выйдя из машины, ступил на землю, как кто-то больно укусил за шею, потом за плечо. Виновниками укусов оказались два небольших жука - божьи коровки. Такая вольность этих, в общем, очень милостивых созданий бывает, когда они голодны. Коровки - неумные пожиратели растительных вшей-тлей. Но здесь они оказались слишком бесцеремонными, укусы последовали один за другим, и мои спутники дружно и громко завопили. Да, действительно, странное поведение. Если так будет продолжаться дальше, то какой окажется наша стоянка на этом голом гранитном полуострове? Когда же мы возвратились к машине, я поразился. За короткое время весь тент украсился величайшим множеством красных коровок. Многие из них уже забрались в машину, очевидно, приняв ее за большой и скважистый камень, такое отличное укрытие. Больше всех оказалось однанадцатиточечной коровки, не-

много меньше коровки изменчивой. Изредка встречались коровки крупные - семиточечные. Жуки были повсюду: ползали по камням, реяли в воздухе, немало их устроилось и под камнями. Благополучие коровок всецело зависит от тлей, которыми они питаются. Появится много тлей - моментально размножатся коровки. Тли исчезнут - и коровкам приходится нелегко, они голодают, гибнут, многие улетают высоко в горы и там, спрятавшись в укромные местечки, обычно собравшись большой компанией, засыпают на остаток лета, осень и зиму. По-видимому, такое же скопление коровок возникло и здесь, среди голых камней. Но откуда жучки могли сюда прилететь? В пустыне в этом году не было дождей, не было и тлей. Впрочем, кое-где местами пролились дожди, и там, где вода смочила землю, пышно зазеленела трава. Быть может, с таких мест коровки и взяли курс на север, к спасительной прохладе.

Но что делать? Никогда и никто из нас не испытывал такого количества болезненных укусов. Наспех стряхнув с машины несносных насекомых и отказавшись от обеда, помчались с возможной скоростью

подальше от каменистого полуострова, послужившего прибежищем для этих созданий, неожиданно проявивших извращенный вкус. Потом весь остаток дня выгоняли на ходу из машины жучков, хватаясь за тех, кто по своему неразумению, вонзал свои челюсти в наши истерзанные тела. К счастью, боль от укусов коровки быстро проходила, не оставляя следа.

МУШИНАЯ ПРИМАНКА

Позавчера, когда мы оставались на обед в сухом русле небольшого потока и пока готовили пищу, к машине прилетели докучливые мухи и, конечно, как всегда, с величайшей назойливостью уселись на все съестное. На этот случай мы возим большой кусок марли, прикрываем ею снесь. Но изголодавшиеся мухи находят лазейки, забираются в посуду с едой, садятся на лицо, руки. Когда же собрались в путь, все мухи забрались в машину. Надо было, как полагается, на ходу всех выгнать, да забыли это неприменное экспедиционное правило и привезли непрошенных пасажиров на вечерний бивак.

Утром к мухам-путешественникам тотчас же присое-

динились местные мухи, и возле нас собралась порядочная их компания. Картина обыденная для пустыни.

В картонной коробке из-под сахара еще с прошлой поездки прочно прилепилось несколько кусочков халвы. Она очень понравилась мухам. Наши мучительницы собрались густой кучкой, облепили лакомство, ссорятся из-за тесноты, суетятся. Хорошим угощением оказалась халва: и сладкая, и жирная, и пахучая! Большую часть мух отвлекли остатки халвы, и нам сразу стало легче. Будь ее больше, всех бы мух к ней собрали. Сейчас же желающим насытиться не хватает места возле нее.

Несколько десятков лет странствуя по пустыне, я всегда маюсь от этих назойливых спутников человека, нередко вожу с собою и халву, но только сейчас случайно обнаружил притягательную силу этого продукта. Теперь буду отвлекать от себя ею мушиные атаки. Но коробку из-под сахара, когда она опустела, по рассеянности не оценив ее замечательных качеств, мы сожгли на костре, и сегодня днем на Балхаше во время обеда на нас набросилась свора, кроме обычных и так называемых синан-

тропных мух, больших и вместе с ними еще зеленых, как их называют, "падальных" и поэтому особенно неприятных.

Предубеждение человека имеет громадное значение. Падальные мухи, вообще говоря, очень красивы. Ярко-зеленые, с металлическим отблеском и зеркально-блестящей поверхностью, они все же не вызывали восхищения. Одно слово "падальные" рисовало в воображении неприглядную картину пристрастия этих красавиц к тому, что тронуло дыхание смерти и тление. Бахаш богат зелеными мухами, видимо, неслучайно, чему способствуют отбросы при обработке рыбы, да и сами дохлые рыбы, выбрасываемые волнами на берег. Когда же отбросов нет, достается от мух человеку. Между прочим, мухи не пренебрегают и божественной добычей пчелок и бабочек и охотно, когда нет ничего другого, питаются нектаром цветов.

Сегодня вечером мы решили пренебречь озером и остановились в холмах каменистой пустыни, покрытой редкими кустиками боялыша. Солнце клонилось к западу, дул свежий и прохладный ветер. Думалось: уж здесь-то мы отдохнем от мух! Но наша ра-

дость была преждевременной. Вскоре к нам пожаловала большая стая мелких сереньких мушек. Откуда они взялись в этой безлюдной пустыне, сухой и молчаливой, густо покрытой мелким щебнем! Серые мушки оказались необыкновенными. Им было совершенно неведомо чувство страха и инстинкт простейшей осторожности. Они бесцеремонно забирались во все съестное и, видимо, страдая от жажды, полчищами лезли в чашки с чаем, тотчас же погибая в горячей воде. Панику на нас навела мушиная рать необыкновенную. Сколько же их набьется завтра утром в машину?

Утром, собрав вещи в машину и отмахиваясь от мух, Алексей принес мне полураздавленную фалангу.

- Что это такое? - Спросил он меня.

- Ну и что? Самая обыкновенная фаланга. Только почему раздавленная?

- Как почему? - удивился он. - Увидал, убил, чтобы посмотреть.

Когда мы снялись с бивака, ни одна серенькая мушка не стала нас сопровождать, все остались в своей родной и голодной пустыне. И за это мы были им благодарны.

ХОЗЯИН ПУСТЫНИ

На биваке, где на нас напали серенькие мушки, горы, покрытые темным щебнем, пестрели от множества светлых кучек земли, выброшенной наверх замечательным жителем пустыни и гор - слепушонкой. Как она, такая небольшая и тщедушная, находит в себе столько сил и энергии проделывать длинные и бесконечные лабиринты в почве, сплошь напичканной камнями. Кое-где в этих кучках земли видна желтая шелуха от оболочек луковичек тюльпанов. Но сейчас, как обычно, их засохших желтых столбиков с коробочками семян здесь уже нет. Видимо, всех уничтожила слепушонка и теперь перекочевала в другие места. Этот грызун с едва заметными точечными глазками - энергичный рыхлитель плотной почвы пустыни. Обработанная неутомимым землекопом, она легче впитывает влагу тающего снега и весенних дождей, и на ней лучше растут травы, в том числе и тюльпаны. Так, одновременно и друг, и враг цветов, слепушонка создает свои плантации, "в поте лица добывая свой хлеб".

Несмотря на то, что слепушонка - обыденнейший и рас-

пространенный обитатель пустыни, изучена она плохо и образ ее жизни известен в самых общих чертах. Где она сейчас обитает летом, почему не видно нигде ее свежих кучек земли, выброшенных наверх? И тогда приходит в голову неожиданная мысль о том, что зверек этот выбрасывает свои кучки главным образом весной, в пору размножения. Выбрасывает не зря, а ради того, чтобы построить под землей сложнейшие лабиринты ходов, запутанные коммуникации, предназначенные для встречи и общения с себе подобными. Все остальное время - зачем ему катакомбы! Передвигаясь под землей, он не особенно утруждает себя выброном терриконов породы, а попросту пробирается в крошечной темноте в поисках пищи, забывая за собою путь вырытым грунтом. Конечно, это только догадки. Весною легче рыть, почва влажная. Весна - время наибольшей активности жизни. Ну а дальше? Не может же он все остальное время предаваться спячке.

КОРОТКИЕ ЗНАКОМСТВА

Пустыня совсем сухая. Прыгают из-под ног во все стороны кобылки, перешагивает от кустика к кустику серый, как

палочка, богомол. Недалеко от него раскачивается из стороны в сторону другой, такой же, по светло-желтый. Оба принадлежат к одному и тому же виду, но здесь окрашены в разные цвета, каждый по-своему.

Сзади кто-то громко зажуужжал. Оглянувшись на кустике полыни уселась большая хищная муха - ктырь Сатанс гиганс; она зажала в своих волосатых ногах прелестную красноглазую и пушистую муху жуужжало и пронзила ее острым хоботком-кинжалом. Попытался сфотографировать удачливого охотника за его занятием, но он, осторожный, улетел. С трудом, много раз спутивая, все же удалось подобраться к хищной мухе поближе.

Лежа на земле с фотоаппаратом в руках, случайно замечаю почти рядом с собою, под кустиком полыни, степную гадюку. Она давно меня заметила, не спускает с меня взгляда желтых злых с кошачьими зрачками глаз. Не попробовать ли ее сфотографировать. Палочкой выгоняю гадюку из-под куста, но она, сверкнув чешуею, стремглав скрывается в небольшую, оказавшуюся поблизости, норку. Оттуда напуганное неожиданном посетителем выскакивает серое, как

земля, насекомое и, повернувшись, опускает голову в свое бывшее укрытие, как бы желая получше разглядеть виновника беспокойства. Это хищный клоп редувий. Его я не узнал сразу, он не такой, как его собратья; другие виды редувий обычно ярко окрашены, а этот серый и сверху будто измазан землей. Таких пасаживающих на свой костюм землю ради маскировки в пустыне немало среди жуков. Но клопов, да еще хищников, к тому же жителей нор, вижу впервые.

Потом заметил скопление муравьев. Они пируют над большой дохлой фалангой. На ее теле не видно никаких повреждений. Просто закончила все жизненные дела и погибла от старости. Для муравьев фаланга - отличная находка. Ничто в пустыне не должно пропадать попусту.

Возвращаюсь к машине, меня уже ждут. Но что это за звуки: резкое в течение двух секунд жуужжание, потом примерно то же через две секунды перерыва и опять та же песня. И так все время. Тот, кто жуужжит, мне не знаком. Надо узнать, кто он. Ищу, приглядываюсь к земле, а незаметно, оказывается, в воздухе

- большая белолобая муха летает по горизонтали вперед и назад на одном месте. В одну сторону без звука, в другую - с громким жуужжанием. Все становится понятным. Муха - самец, токует, приглашает на свидание подругу.

Почти каждый вид мухи во время брачного полета издает призывные звуки по-своему. Но эта - какая-то особенная.

КРАСНЫЕ КЛЕЩИКИ

В ложбинке между холмами увидел маленькую солянку Петросимонию сибирскую. Хорошо знаю ее по пустыням Семиречья. Обычно она растет густо, занимая небольшие полянки на открытых солнечных местах в низинах, в понижениях между холмами. У нее странные цветки. Как почти все солянки, заметными цветками она не обладает, просто на конце побега торчат на тоненьких ножках ярко красные продолговатые пыльники. Несмотря на свои крохотные размеры, они видны невооруженным глазом. Но сейчас по ней ползают такого же яркого цвета, как и пыльники, красные клещики Тромбидиды или по-русски - краснотелки.

Клещиков много, они собираются плотными кучками на верхушках растений. Иногда их так много, что кажется, будто вся полянка, поросшая солянкой, разукрашена красными цветами. Клещики вяло копошатся, но достаточно к ним притронуться и потревожить, как все многочисленное общество этих странных созданий, непонятно почему облаченных в такую яркую одежду, приходит в величайшее беспокойство. Часть их падает на землю, другие разбегаются по растению. Случилось так, когда я впервые встретился с клещиками (это было очень давно), то решил, что они собираются брачными скоплениями. Теперь же убедился в другом: клещики просто-напросто лакомились пыльниками. Они раскрывали их по продольной бороздке и, добравшись до пыльцы, принимались дружно и сообща их поедать. Пыльца, падая, задерживалась на их шикарном костюме, будто сшитом из красного бархата. Оказывается, клещики тесно связали свою жизнь с этой маленькой солянкой и, потребляя ее пыльцу, одновременно переносили ее на другое растение, то есть служили верой и правдой как опылители.

Растения опыляют разнообразнейшие насекомые, и между ними миллионами лет выработались сложные, взаимно полезные отношения. Опыляют растения и некоторые, обладающие крупными цветами, крохотные птички колибри, лакомящиеся нектаром. Но чтобы этим делом занимались клещики - никто не знал!

Собираясь покинуть полянку, поросшую маленькой солянкой и разукрашенную красными скоплениями клещиков, случайно взглянул на землю. Она вся усеяна пыльниками, слегка побуревшими и подвяленными. Среди них всюду тоже копошились красные клещики, и бегали их шустрые детки. Пыльники, лежащие на земле, тоже их привлекали. Клещики-детки питались остатками трапезы взрослых, которые не случайно сбрасывали их на землю. Тогда подумалось, что вся эта масса красных клещиков, возможно, представляет собою одно сплошное общество, хотя и примитивное, но связанное с маленькой солянкой. К тому же обитатели этой солянки не живут одиночками, а только большими скоплениями.

В пустынях часты и многочисленны заросли солянки

петросимонии, но не везде на них обитают эти загадочные красные малютки.

МУЗЕЙ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ

На нашем пути - город Балхаш. Здесь, пополнив запасы горючего и продуктов, прощаемся с асфальтом. Теперь перед нами проселочные дороги, часто ухабистые и пыльные. Дорога идет вдоль озера: то приближается к нему, то отдалается. Восточная часть озера почти сразу за городом уже соленая, и поэтому особенно великолепен и бесподобен цвет его воды. Изумрудно-голубые просторы манят к себе, но мы торопимся: впереди далекий и неведомый путь по Центральному Казахстану.

Пора искать место ночлега, и мы видим то, что нам нужно: маленький тугайчик на самом берегу Балхаша. Он оказался чудесным. Здесь привлекало прежде всего большое разнообразие растений, не то что в других местах. Вокруг тенистой рощицы из туранги, лоха и тамариска росли чий, терескен, кохия, эфедра, разные полыни, кендырь, ломонос и множество других обитателей приречных зарослей пус-

тыни. С севера к этому зеленому оазису подходила каменистая пустыня с редкими кустиками боялыша, а с юга красовался бирюзово-синий Балхаш.

Среди великолепия разных растений высился одинокий, очень высокий многостовольный тополь, обильно покрытый пышной листвой. Он красовался далеко во все стороны, и мы его заметили за десяток километров: дерево маячило большим пятном, казавшимся очень темным среди сверкающей синевы неба и озера и светлой, выгоревшей под солнцем пустыни.

Могучее по здешним масштабам дерево давало приют птицам. На нем находились три гнезда пустельги - явление очень редкое столь близкого соседства хищных птиц. К нему постоянно навевались мелкие птички. Из кустов то и дело выскакивали зайцы и, остановившись, сверкая просвечивающими на солнце розовыми ушками, поглядывали на нас, редких посетителей этого места.

Едва мы стали биваком и постелили на землю тент, как к нам пожаловала египетская горлянка, обыденный завсегда-тай сел и городов Средней

Азии. Обычно эта тихая мило-видная птичка не живет вне человеческих поселений и здесь оказалась случайно, какая-то самостоятельная путешественница. Она долго и настойчиво крутилась возле бивака. Соскучилась по человеку, бедняжка, отбилась от своих, предприняв необычное кочевничество. Но в меру была недоверчива и вскоре исчезла.

Под ногами всюду окатанные камешки. Какие они все разные по форме, эти камешки. И у каждого своя судьба, обусловившая облик каждого. Есть среди них красивые и многозначные. Но они редки, так же, как и редки гениальные люди в человеческом обществе.

Кое-где среди зелени виднелись пятна цветущего вьюнка, и на нем вертелось оживленное общество разнообразных насекомых. Я принялся охотиться за ними с фотоаппаратом, опустился на колени и отвлекся на минутку, чтобы убрать из-под ноги попавший камешек, и вдруг... (Как не сказать это слово, когда попадает неожиданная находка!)

Вижу на небольшой светло-желтой, основательно обкатанной гальке, чудесный отпечаток, очень напоминающий

самый настоящий железный болт. Цилиндрическое тело избороздило когда-то ныне окаменевшую глину глубоко-врезанными бороздками, а на торчке в середине видна шишечка, и от нее в стороны в строгом порядке расходятся около пятидесяти лучей-полосок. Заинтригованный находкой, оставляю охоту за насекомыми и начинаю присматриваться к камням. Находка следует за находкой, вскоре карманы и полевая сумка набиты желтой галькой с отпечатками морских животных. Невольно вспомнились лекции по зоологии беспозвоночных, которые я читал в Томском университете на биологическом факультете.

Среди отпечатков больше всего морских лилий, состоящих из многочисленных члеников, будто стопочки тарелок, положенных друг на друга. Они самого различного размера, но у всех радиально расходящиеся полоски. Морские лилии когда-то процветали в Палеозойской эре, и некоторые из них достигали размеров двух метров. Особенно ими был богат Мезозой (Фигура 30, рис. 1-6). Большинство видов лилий вымерло, но некоторые, сильно изменившись, дожили до наших дней.

Морские лилии относятся к типу иглокожих, вместе с морскими ежами и морскими звездами называли их так за внешнее сходство с лилией, чему способствовал неподвижный образ жизни.

За ними по частоте находок встречаю самые разные раковины пластинчатожаберных моллюсков. Вот крошечная раковина, испещренная мелкими ребрышками. На ее поверхности видны три радиальных полоски - три годичных кольца. Животное прожило три года и пролежало в земле около трехсот миллионов лет, сохранив отпечаток своего тела. Другая раковинка - с очень редкими, но глубокими и крупными бороздками. На третьей раковине полоски расположены концентрическими кругами. Все отпечатки непохожи друг на друга и относятся к разным видам. Каково же было разнообразие моллюсков, если беглый осмотр камней дал такой материал! (Фигура 30, рис. 7-13).

На крупной продолговатой гальке отпечаталась нежная сеточка тела другого обитателя морей - мшанки. По внешнему виду это животное похоже на мох, за что и получило такое название. Мшанки, или,

как их называют по латыни, Бриоза, настолько своеобразны, что составляют особый тип животного царства. Еще вижу на небольшом камешке четкие и глубокие черточки, образующие два ряда. Они оставлены ногами трилобитов - животных, очень распространенных в морях глубокой древности (Фигура 30, рис. 14).

Трилобитов (они тоже когда-то очень процветали) насчитывают более двух тысяч видов. Это примитивное животное состояло из однообразных члеников. Они имели какого-то общего предка, от которого развился современный тип членистоногих, включающий ныне процветающих насекомых и ракообразных. Но жизнь не вечна. Все несколько тысяч видов трилобитов полностью вымерли, очевидно, оказались неприспособленными к изменившейся обстановке жизни, хотя море не испытывало ни резких колебаний климата, ни каких-либо сокрушительных катастроф. Вымерли, быть может, еще пока по каким-то нам неизвестным законам развития жизни, дойдя до конца своей эволюции, так же, как когда-то вымерли и гигантские ящеры. Не правда ли, страшная мысль о том, что

каждый вид, исчерпав нам известные жизненные возможности, рано или поздно, одряхлев, должен исчезнуть с лица Земли?

Загадочен и очень интересен один отпечаток. Судя по всему, это крылья насекомого. Жилкование их очень простое. Сейчас таких крыльев у современных насекомых, даже самых простых, уже нет. Владелец их был четырехкрылым. Какое же это было насекомое? Как оно жило, чем питалось, умело ли хорошо летать? Конечно, ему было далеко, допустим, до современных мух, полет которых настолько совершенен, что сконструировать подобную летательную машину человек пока что не в силах (Фигура 30, рис. 15).

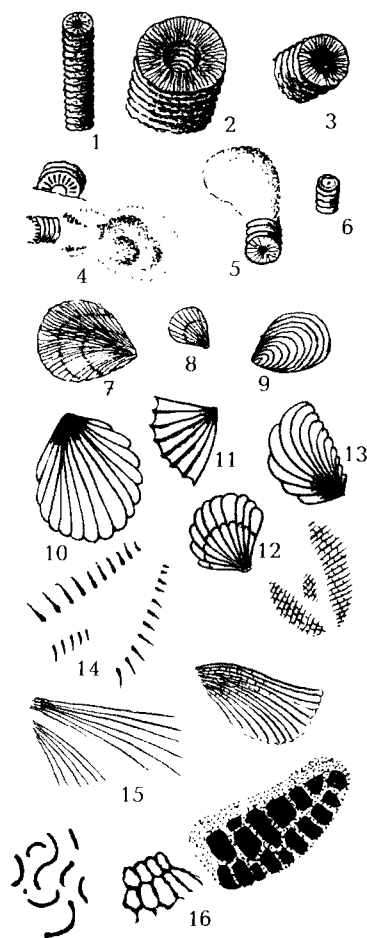
Не всегда легко открываются перед глазами рисунки отпечатков животного. Взглянешь на камешек - он будто пустой, гладкий. Собираешься его выкинуть и вдруг при случайном благоприятном освещении на его поверхности выступает рельефное изображение.

Отведешь от него взгляд на секунду, камешек повернулся в руке - и не стало рисунка, исчез, будто заколдованный. И тогда снова начинаешь вертеть его в руках во все стороны.

Особенно капризным оказался камешек с отпечатком крыльев насекомого. Он несколько раз почти безнадежно терялся в гуде отобранных мною экспонатов. Наверное, немало вот таких камешков проскользнуло мимо, не открыв своего секрета. Очень четкие отпечатки оставили после себя кораллы (Фигура 30, рис. 16), а также какие-то обитавшие в воде черви.

Зачарованный, рассматриваю свои находки, любуюсь ими. Представляю, сколько здесь таких камней, свидетельствующих о когда-то бурлившей жизни в морской воде, — настоящий палеонтологический музей под открытым небом. Привезу в город, расскажу палеонтологам, отдам им камешки, быть может, вскоре за ними пожелают сюда их экспедиции. Судя по всему, животные, оставившие отпечатки в глинистом и впоследствии окаменевшем иле, жили в каменноугольном периоде, около трехсот миллионов лет назад. Стара жизнь, долог и сложен ее путь от примитивных форм далекого прошлого до современного совершенства, над которым нависла угроза атомной катастрофы...

Ночью тихо плещутся волны о галечниковый берег музея под открытым небом с отпе-

Фигура 30.

Отпечатки на камнях когда-то живших в морях животных

чатками морских организмов, звенят ветвистосусые комарики, а по небу медленно плывет луна, отражаясь в воде огненной полоской. Ночь тянется долго. Потом светлеет небо, и над водным горизонтом загорается красная зорька.

ПОЛУОСТРОВ БАЙГАБЫЛ

Жаль прощаться с чудесным тугайчиком. К тому же так интересны и заманчивы поиски отпечатков вымерших животных. Но предстоящие хлопоты тревожат и изгоняют прочь благодушие. Счастлив тот, кто способен соблюдать спокойствие и беспечен до тех пор, пока не пришла пора активных и решительных действий. Впрочем, беспечность — враг предусмотрительности. Тревожиться же было о чем: выдержит ли далекий путь моя старенькая машина ГАЗ 69, не сломаются ли по плохим дорогам рессоры, хватит ли бензина на путь по безлюдным местам вдали от поселений.

Я хорошо помню долгую очень пыльную дорогу вдоль Балхаша и проезжал ранее по ней много раз. Но сегодня ветер встречный, немного похолодало, мотору легче трудиться, и мне за рулем веселей, путь

кажется короче. И все же почти весь день уходит на путь к дикому и безлюдному полуострову Байгабыл. Его основание подрезано длинным и узким концом залива Балыктыколь. В этом месте мы отойдем от Балхаша к северу по намеченному маршруту к большой горе с наскальными рисунками, но полуостров надо посетить. Здесь в одном уютном уголке, у крутых обрывистых скал, каждый вечер поют и толкутся брачные рои комариков-звонцов и обитают разные другие маленькие жители, прямо или косвенно связанные с ними. Личинки комариков развиваются в воде, а сами комарики, вылетая из них, устраивают брачные рои, после чего погибают. Они ничем не питаются и, конечно, несмотря на сходство с комарами-кровопийцами, не имеют к ним никакого отношения.

Вот и хорошо знакомые скалистые берега. Никто в этом месте с самой весны не бывал, кроме нас, нет здесь ни консервных банок, ни битых бутылок, ни окурков, оскорбляющих красоту и чистоту природы. Впрочем, теперь Алексей, курящий член нашего маленького коллектива, непременно набросает всюду

окурки. Мои увещевания складывать их в одно место или бросать в костер ему непонятны и кажутся причудой пожилого человека. "Сытый голодного не поймет", курящий не понимает некурящего.

Когда уровень Балхаша был значительно выше в сравнении с теперешним, волны выбросили на галечниковый берег окатыши из тростниковых корней. Длиною около метра, темно-коричневые, они рельефно выделяются на фоне светлого берега. Под ними прячутся на день от жарких лучей солнца различные маленькие жители пустыни. Но больше всех их почитают скорпионы. Я предлагаю осмотреть окатыши вблизи бивака, чтобы обезопасить себя ночью от нежелательных визитеров. К тому же необходимы скорпионы для опытов в городе. Алексей уже нашел под одним окатышем двух скорпионов и маленькую ящеричку и, когда я его спросил, где же они, он с удивлением ответил: "Как где? Конечно, раздавил!"

Мой улов обилен. Под двумя сотнями окатышей я собрал более полутора сотен скорпионов и двух каракуртов. Ядовитые пауки уже распространились со своим цветастым нарядом юности, приобрели глубоко черный

цвет и успели изготовить каждый по несколько светло-желтых коконов. На тенетах одного каракурта я насчитал панцири шести убитых и высосанных пауком скорпионов и остатки только одной кобылки. Здесь, хотя и безлюдное место, но кое-где по давно не езженным дорогам и возле следов покинутых биваков, отмеченных, как всегда, остатками костров, пустыми банками из-под консервов, видны стреляные гильзы охотничьих ружей. Куда только не проникает охотник-любитель! Вот почему, завидев нас, далеко взлетели журавли, с воды поспешно снялись утки. Животный мир страдает не только от усиливающегося в последние годы оскудения природы, сколько от тех, кто гордо именует себя охотниками.

Наступает вечер. Над биваком появляются крупные стрекозы. Они ловки, быстры и неутомимы. До глубоких сумерек они, хотя их причисляют к типично дневным насекомым, охотятся за комариками. Изредка ночью раздаются птичьи крики: тоскливо ноет пустынный кулик-пигалица, переговариваются чомги, раза два курлыкнули журавли. После жаркого дня наступила душная и безветренная ночь.

Начало путешествия

В пути

Верблюды пасутся на маках

Вьется змейкой дорога по мелкосопочнику

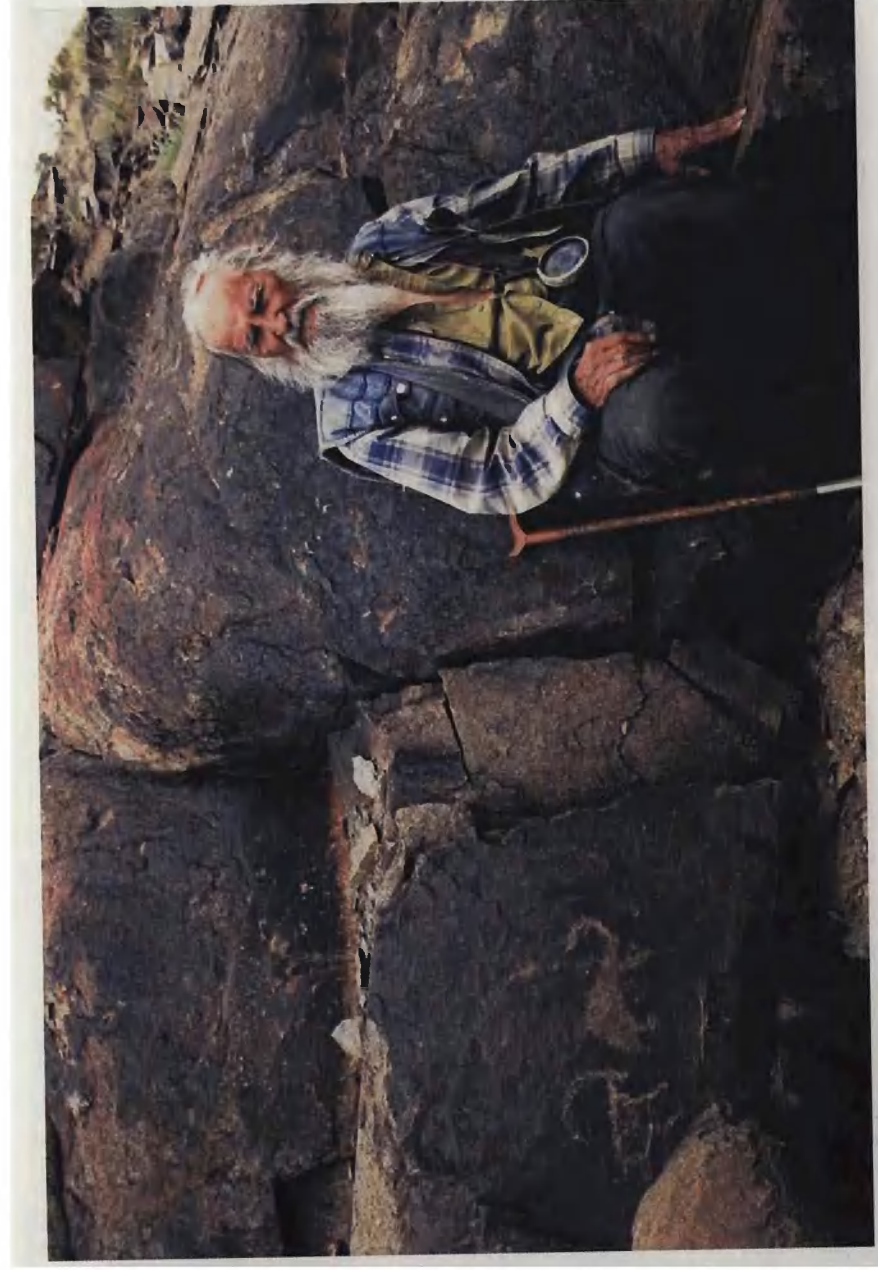
Перед переправой

Камень с наскатылыми рисунками

Участники поездки возле рисунка динозавра-диплодока

Наскальный рисунок человека с подпиравшим монгольским луком

П.И. Мариковский возле рисунка динозавра-диплодока

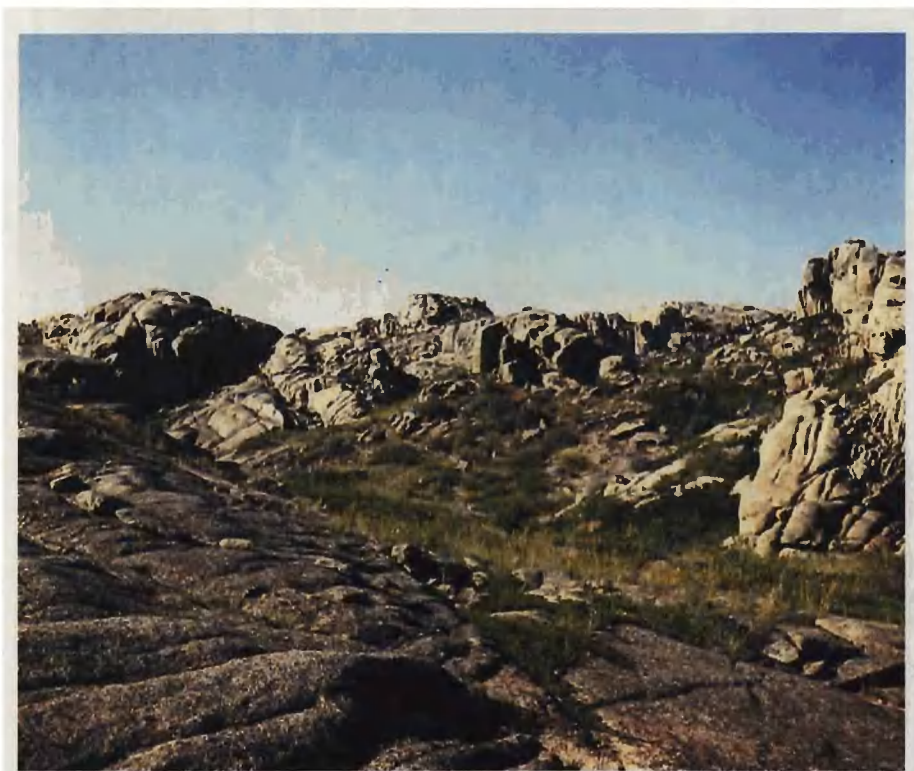

Балхаш: красные берега

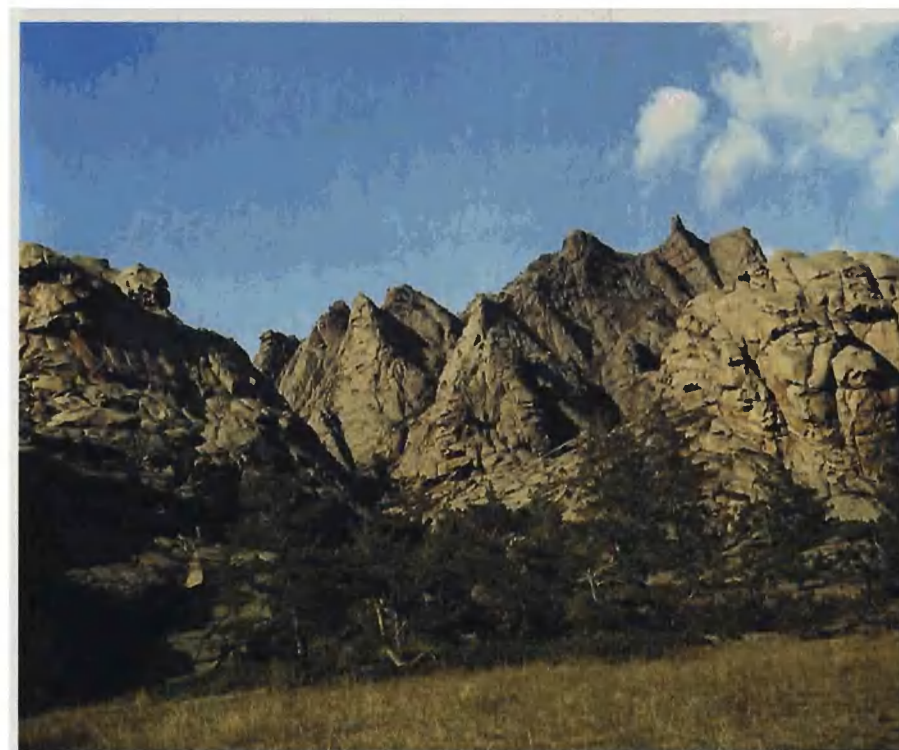
Вечер. Балхаш после ненастья

На вершину скалистого берега льды выбросили океанский розовый монолит

В гранитных горах Центрального Казахстана

гора Бегазы

Величественное захоронение бронзового века у горы Бегазы

Ядовитая змея щитомордник в позе, готовой к нападению

Излюбленные места гнездований розовых скворцов

В каменном кургане обосновалась колония розовых скворцов

Гора Толагай

Гора Бектаута

ЛЮБОПЫТНЫЙ УЖ

Когда я, стоя по колено в воде, кончал купаться и собирался выбраться на берег, ко мне подплыл изящный водяной уж. От неожиданности я резко взмахнул ногой. Змея испугалась, скрылась.

Едва вышел на берег и, сев на стульчик, стал надевать ботинки, змея снова подплыла. Схватив горсть мелких камешков, я бросил их в странное пресмыкающееся. На этот раз уж испугался, взметнулся стрелой и исчез. Но в метрах четырех от меня высунул голову и стал разглядывать, скрылся под воду, снова появился, наконец, приподнявшись, высунул переднюю часть туловища столбиком сантиметров на пять-шесть. И так несколько раз. Какой необычный забавный и любопытный! Никогда в жизни не встречал такого. Наверное, впервые увидел человека в этом диком месте.

Прошло несколько минут, и вдруг уж стремительно подполз почти к самым моим ногам у кромки воды и, наверное, если бы я снова, больше инстинктивно, не бросил в него горсть камешков, выбрался бы из воды. И на этот раз, после

того как он был прогнан, уж снова стал выглядывать из воды. Казалось, любопытство сильно завладело моим незнакомцем.

Мне следовало бы подождать нового визита змеи и узнать, что же дальше должно последовать, но в этот момент меня позвали с бивака, и я, не отдавая себе отчета, что зря не дождался конца загадочного поведения ужа, ушел от берега. Потом, одумавшись, сильно жалел. Надо было вести себя тихо и посмотреть, что будет дальше.

Поведение змеи меня озадачило. В этом месте подходили к воде и мои спутники, они видали змею, но она быстро скрывалась. А почему со мною она так странно себя повела. Или, что мало вероятно, к ним подползала другая змея?

СТРАННАЯ ОСА

Здесь оказались многочисленные скопления общественных пауков среди редких зарослей тамариска. Тут же поселились осы-помпиллы, темно-коричневые с ярко-рыжими крыльями. На небольшой ровной площадке, покрытой редкими камешками, виднелись их наклонные полужасы-

паннные норки. Помпиллы охотились за общественными пауками, и я заметил одну, занятую переноской своей парализованной добычи. Еще здесь увидел осу, которая настойчиво бегала по земле, крутилась то на одном месте, то на другом, будто что-то искала. Хотелось узнать причину странного поведения ос, и я, раскрыв походный стульчик, приготовился наблюдать.

Энергия осы казалась неисчерпаемой. Она металась во все стороны, хватала челюстями камешки и, пятась, отбрасывала их на десяток сантиметров назад. Затем, побегав, повторяла то же самое с другими камешками. И так все время. Камешки были разные: и маленькие, и большие до полутора сантиметров длины, весившие, наверное, раз в сто больше тела энергичного носильщика. Иногда оса, найдя участок, покрытый крупным песком, принималась отбрасывать его назад, шаркая по нему лапами.

В поведении осы не чувствовалось стремления к определенной цели. Она просто без толку металась по большой площадке и бросалась камешками. Вряд ли оса искала место для строительства норки или

разыскивала ее, потерянную, что нередко происходит с этими охотниками за пауками или другой живностью.

Площадка, на которой бесновалась оса, была голой, никто по ней из нашей компании не ходил, и никаких следов не ней не было. Никто не мог разорить случайно оказавшуюся на ней норку. Казалось, будто маленькое существо было просто одержимо манией и избыточной энергией раскопки без определенного расчета и цели, находясь под властью не оформившегося или извращенного инстинкта. Еще думалось: зачем такая безумная трата сил в мире, где властвует строгая и расчетливая экономия поведения, столь важная при коротком времени, отведенном для жизни. К тому же пустыня очень бедна цветами, их не видно совсем, и нет нектара, которым можно было подкрепиться и восстановить потраченные силы.

Прошло более часа, но оса все еще не унималась, продолжая безумствовать. У меня заняла спина от неудобной и неподвижной позы, да и у осы, наверное, истощилось терпение, и она внезапно взмыла в воздух и исчезла. Я вздохнул с облегчением, успокаивая себя

тем, что совесть чиста перед самим собою: было предпринято все возможное для раскрытия секрета поведения моей неуемной незнакомки.

МОХНАТЫЕ ПОЛОГА

Балхаш застыл, и на его гладкой, как зеркало, поверхности отразилось небо, усеянное яркими звездами. Воздух зазвенел от великого множества ветвистых комариков. Никогда их не было так много. Чувствовалось, как их рои толкались в воздухе над берегами в безудержных плясках, и мне представлялось, как обитающие здесь и очень интересные общественные пауки принимались насыщаться обильной добычей.

Утром, как всегда, пробудившись раньше всех, я был поражен. Все наши полога стали мохнатыми, покрылись сплошным слоем каких-то маленьких белых ворсинок. Они колыхались от дуновения воздуха, но держались прочно. Пригляделся: это были личинчатые шкурки крохотных поденок. Вспомнилось, как много лет назад тоже на Балхаше, в его западной части, как-то утром грузовая машина нашей экспедиции оказалась вся усе-

янной поденками. Но тогда это были крупные насекомые, и, очевидно, они собирались летать днем. Еще вспомнился рассказ рыбаков о том, как масса поденок обседела катер, который перед этим заботливо подновили масляной краской. Поденки прилипли к ней и испортили всю работу.

Личинки поденок живут в воде. Прежде чем стать взрослыми, они, перелиняв, превращаются в своеобразную стадию подвижной куколки, выбирают на берег, быстро семеня ножками, бегут по земле и устраиваются на скалах, растениях, всех более или менее возвышающихся над поверхностью земли предметах и линияют последний раз, превращаясь в нежных крылатых насекомых. Став взрослыми, они ничего не едят и не способны принимать пищу. Их ротовое отверстие и кишечник не развиты. Жизненное назначение поденок заключается в том, чтобы дать потомство, и этому делу они предаются с возможной быстротой, заканчивая его в самое короткое время, живут день, иногда чуть больше, иногда даже меньше. Наши поденочки-крошки прожили только одну ночь. Никогда в жизни не видал таких ма-

леньких поденочек. Их длина, судя по оставленным на пологах личинным шкуркам, была всего лишь около пяти миллиметров.

Интересно бы взглянуть на незнакомок. Но длительные поиски ничего не дали, не нашел их ни одной! Быть может, никому из энтомологов не приходилось их видеть, и они неизвестны науке. Все грациозные поденочки, выбрав жаркую безветренную ночь, окрылившись, улетели на озеро, над зеркальной поверхностью которого и справили свою единственную в жизни и очень короткую брачную ночь. Видимо, у поденочек хорошо развита способность угадывать такую погоду еще и потому, чтобы, появившись сразу всем вместе, легче встретиться друг с другом.

Личинками поденочек, так же как и личинками комариков, кормятся рыбы, и от их численности зависит улов рыбаков.

ЗОРКИЕ ЧАЙКИ

Алексей решил заняться рыбной ловлей. Собирался долго, нехотя, потратил много времени, чертыхаясь и вытряхивая полог от личинных шкурок

поденочек. Наконец, уселся с удочкой на утесе и застрял на несколько часов до самого обеда. Улов был небольшим. После обеда едва наш рыболов подошел к берегу озера со своей добычей, чтобы ее выпотрошить и подсолить, как над ним тотчас же появились несколько серебристых чаек, которые стали кружиться в ожидании поживы. Где они были до этого и откуда вели свое тайное наблюдение, неизвестно. Раньше поблизости ни одной птицы мы не видали.

Вскоре чайки устроили между собою настоящее состязание из-за внутренностей рыбы, сопровождая легкие и стремительные виражи в воздухе и падения на воду громкими криками и истерическим хохотом. Удивителен этот крик, и так он похож на человеческий. Меня, когда я его впервые услышал, он сильно поразил. Между тем хохотуном называют почему-то другую крупную черноголовую чайку, которая не умеет издавать подобные звуки. Что-то напутали орнитологи.

- Как быстро птицы почували поживу! - удивился Алексей. - Ведь до этого все подходило к берегу, и ни одна из них не подлетела.

- Наверное, зрение у них отличное. Увидали в руках рыбу! - предположила Зоя.

- Может быть, заметили рыболова еще давно и ждали терпеливо, когда он начнет потрошить рыбу. К рыбакам чайки привычные, к тому же отсюда недалеко рыбозавод! - добавил я.

В ЧЕРНОЙ ОДЕЖДЕ

На берегах залива Балыктыколь много общественных пауков, открытых ранее мною. Высокий скалистый и обрывистый берег, тянувшийся едва ли не на целый километр, да небольшие кустики гребенщика дают отличное укрытие на день этим хищникам. Здесь разные виды пауков как бы поделили между собою территорию с богатой добычей: ветвистоусыми комариками и поденочками. Начало гряды скал заселили маленькие общественные паучки Аранеа палласи, покрупнее их - Аранеа адиантур, а также крупные пауки-одиночки Аргиопа брюенхи и Аргиопа лобата. Дальше, где скалы почти вплотную подходят к воде, расположилось царство крупного общественного паука Аранеа корнутур. Здесь все камни увиты его паутинными

тенетами. Прежде этот крупный паук назывался Аранеа фолиум, что означает "листовой". Он обычно селится и по прибрежным зарослям, где, соорудив ловчую сеть, устраивает из густой паутины логовище, ловко используя листик тростника и сгибая его вдвое почти под прямым углом. Листик служит дополнительным укреплением его убежища. Здесь же, на скалах, логовище делается просто из паутины, сюда же в него самка кладет коконы с многочисленными яичками. К семейному очагу жалуют и поджарые длинноногие самцы.

Этот крупный паук немного сварлив по отношению к другим паукам, но терпит соседство пауков своего вида и поэтому там, где много комариков-звонцов, обвивает все скалы сплошными паутиновыми нитями и живет в полном миролюбии и доброжелательности с соседями. И еще этот паук интересен тем, что изменив в окраске. Сохраняя в общем затейливый узор на брюшке, он сильно изменяется в цвете от светло-серого, розового, кирпично-красного до темного, почти совсем черного. В прошлом году, посетив эти, теперь такие знакомые

места с обрывистыми скалами, я удивился разнообразию оттенков одежды паука и, если бы владельцы различных вариаций окраски обитали не вместе бок о бок, был бы легко обманут, приняв их за разные виды.

"Как поживают мои старые знакомые сейчас?" - спрашивал я сам себя, вышагивая вдоль берега и перебираясь через утесы, обдаваемые брызгами набегавших на берег волн. Вот и обрывистые скалы, подступившие к самому берегу. Во многих местах их ниши и трещины заполнены густой коричневой паутиной с массой из тел погибших комариков-звонцов. Но что стало с пауками! Я отказываюсь верить своим глазам, не узнаю моих старых знакомых: ранее расцвеченные в разнообразные, большей частью светлые тона, они сменили свои покровы все до единого и оделись в черные, как смола, покровы. Все до единого: и юркие малыши, и толстые степенные самки, и беспокойные, непоседливые самцы. Чернее всех полнобрюхие самки. Их затейливый узор почти закрыт черным пигментом, и различить его трудно. В таком виде они очень похожи на ядовитого паука каракурта.

Теряюсь в догадках, не могу найти объяснения произошедшему преобразению и думаю: если преподнести серию таких брүнетов специалисту арахнологу, то он, пожалуй, задумается, Аранеа корнутур ли перед ним, а не что-либо другое. Проще всего было бы сказать, что по каким-то причинам, царящим в природе, наиболее жизненной оказалась черная вариация. Она выжила, тогда как остальные погибли. Как принято говорить, в природе произошел естественный отбор наиболее жизнеспособных черных пауков. Но ведь прошел только год! Был ли достаточен такой короткий период для отбора пауков черной вариации? Вероятно, окраска пауков легко меняется в течение жизни и зависит от климатических особенностей года. Например, цветочные пауки, ловкие засадники, способны постепенно изменять окраску, "подгоняя" ее под цвет венчика цветка, на котором охотятся на насекомых. А так как в течение жизни им приходится нередко менять различные растения, то под окраску нового цветка изменяется и одежда этого ловкого засадника.

Весна 1981 года была не совсем обычная. Очень долго держались холода, шли дожди. В такой обстановке у пауков и мог развиваться темный пигмент, с помощью которого легче прогреваться на солнце. К тому же обрывистый берег направлен почти на север и после полудня оказывается в тени. Сейчас начало июня. Прохладная погода осталась позади, и наступило жаркое время года. Солнце льет свои щедрые лучи, нагревая скалы, служащие паучьим прибежищем. Не поэтому ли сейчас пауки засели в глубоких и темных укрытиях. Им, видимо, жарко в темных одеждах. Интересно бы проследить за окраской тех пауков, которые подрастут к осени. Наверное, среди них появятся и светлые, а черные исчезнут или их станет мало. Но, к сожалению, узнать обо всем этом мне уже не удастся. Уж очень далек залив Балыктыколь и полуостров Байгабыл, труден и долог к ним путь. К тому же здесь нет пресной воды.

НЕОБЫЧНЫЕ НАКЛОННОСТИ

Сегодня мы никуда не едем, у нас дневка, остаемся на месте и целый день собираемся бродить по пустыне или

по берегу озера. Иду по невысокой прибрежной гряде из щебня, покрытой редкими растениями. Солнце давно поднялось над горизонтом и основательно припекает. Но легкий бриз с озера и свеж, и прохладен.

В одном месте цветущий вьюнок прикрыл листьями прибрежный щебнистый вал большим зеленым пятном. Едва я вступаю в эти крошечные заросли, как во все стороны разлетаются комарики-звонцы да скачут кобылочки. Комарики здесь, оказывается, тоже нашли приют. А кобылочки зачем? Что им здесь надо, что-то уж очень их много сюда собралось! Неужели едят вьюнок? Он содержит в своих тканях млечный сок, и любителей лакомиться этим растением немного. Впрочем, здесь на щебнистом берегу Балхаша так мало растений: кустики тамариска, кое-где низенький тростник, эфедра, полынь да две-три солянки. И все! Но сколько я ни приглядываюсь, нигде не вижу следов погрызов растений. Странное скопище кобылок!

Продолжая размышлять над увиденным, иду дальше и резко останавливаюсь - в голову пришла неожиданная и за-

места с обрывистыми скалами, я удивился разнообразию оттенков одежды паука и, если бы владельцы различных вариаций окраски обитали не вместе бок о бок, был бы легко обманут, приняв их за разные виды.

"Как поживают мои старые знакомые сейчас?" - спрашивал я сам себя, вышагивая вдоль берега и перебираясь через утесы, обдаваемые брызгами набегавших на берег волн. Вот и обрывистые скалы, подступившие к самому берегу. Во многих местах их ниши и трещины заполнены густой коричневой паутиной с массой из тел погибших комариков-звонцов. Но что стало с пауками! Я отказываюсь верить своим глазам, не узнаю моих старых знакомых: ранее расцвеченные в разнообразные, большей частью светлые тона, они сменили свои покровы все до единого и оделись в черные, как смола, покровы. Все до единого: и юркие малыши, и толстые степенные самки, и беспокойные, непоседливые самцы. Чернее всех полнобрюхие самки. Их затейливый узор почти закрыт черным пигментом, и различить его трудно. В таком виде они очень похожи на ядовитого паука каракурта.

Теряюсь в догадках, не могу найти объяснения произошедшему преобразению и думаю: если преподнести серию таких бронецветов специалисту арахнологу, то он, пожалуй, задумается, Аранеа корнутур ли перед ним, а не что-либо другое. Проще всего было бы сказать, что по каким-то причинам, царящим в природе, наиболее жизненной оказалась черная вариация. Она выжила, тогда как остальные погибли. Как принято говорить, в природе произошел естественный отбор наиболее жизнеспособных черных пауков. Но ведь прошел только год! Был ли достаточен такой короткий период для отбора пауков черной вариации? Вероятно, окраска пауков легко меняется в течение жизни и зависит от климатических особенностей года. Например, цветочные пауки, ловкие засадники, способны постепенно изменять окраску, "подгоняя" ее под цвет венчика цветка, на котором охотятся на насекомых. А так как в течение жизни им приходится нередко менять различные растения, то под окраску нового цветка изменяется и одежда этого ловкого засадника.

Весна 1981 года была не совсем обычная. Очень долго держались холода, шли дожди. В такой обстановке у пауков и мог развиваться темный пигмент, с помощью которого легче прогреваться на солнце. К тому же обрывистый берег направлен почти на север и после полудня оказывается в тени. Сейчас начало июня. Прохладная погода осталась позади, и наступило жаркое время года. Солнце льет свои щедрые лучи, нагревая скалы, служащие паучьим прибежищем. Не поэтому ли сейчас пауки засели в глубоких и темных укрытиях. Им, видимо, жарко в темных одеждах. Интересно бы проследить за окраской тех пауков, которые подрастут к осени. Наверное, среди них появятся и светлые, а черные исчезнут или их станет мало. Но, к сожалению, узнать обо всем этом мне уже не удастся. Уже очень далек залив Балыктыколь и полуостров Байгабыл, труден и долг к ним путь. К тому же здесь нет пресной воды.

НЕОБЫЧНЫЕ НАКЛОННОСТИ

Сегодня мы никуда не едем, у нас дневка, остаемся на месте и целый день собираемся бродить по пустыне или

по берегу озера. Иду по невысокой прибрежной гряде из щебня, покрытой редкими растениями. Солнце давно поднялось над горизонтом и основательно припекает. Но легкий бриз с озера и свеж, и прохладен.

В одном месте цветущий вьюнок прикрыл листьями прибрежный щебнистый вал большим зеленым пятном. Едва я вступаю в эти крошечные заросли, как во все стороны разлетаются комарики-звонцы да скачут кобылочки. Комарики здесь, оказывается, тоже нашли приют. А кобылочки зачем? Что им здесь надо, что-то уж очень их много сюда собралось! Неужели едят вьюнок? Он содержит в своих тканях млечный сок, и любителей лакомиться этим растением немного. Впрочем, здесь на щебнистом берегу Балаша так мало растений: кустики тамариска, кое-где низенький тростник, эфедра, полынь да две-три солянки. И все! Но сколько я ни приглядываюсь, нигде не вижу следов погрызов растений. Странное скопище кобылок!

Продолжая размышлять над увиденным, иду дальше и резко останавливаюсь - в голову пришла неожиданная и за-

бавная догадка. Она кажется сумбурной и невероятной. Но чего только не бывает в жизни насекомых! Надо преодолеть в себе обыденный для ученого скептицизм и недоверие ко всему необычному.

Здесь, на берегу Балыкты-коля, очень много ветвистоусых комариков. Вечерами они поднимаются в воздух брачными роями. Оплодотворенные самки летят к озеру класть в воду яички, а отбившие жизненную повинность самцы, падая на землю, погибают, те же, кто не успел завершить дела, прячутся на растениях и обрывистых скалах, расположенных вдоль берега, чтобы переждать жаркий день до следующей брачной ночи. Комариками кормится громадная рать пауков, ухверток, скорпионов, фаланг, ящериц, многих мелких птиц. Не едят ли их и кобылки?..

Задайте, читатель, подобный вопрос энтомологу - и вас поднимут на смех и сочтут невеждой. Кобылки - типичные растительноядные насекомые. Никакая другая пища им неизвестна. Но я не раз убеждался в том, как бывают ошибочны, казалось бы, самые незыблемые суждения. И все же, не рассчитывая на успех, прини-

маюсь за опыт, как мне кажется, заранее обреченный на неудачу.

Несколько взмахов сачком над выюнками - и в нем копошится изрядная кучка ветвистоусых комариков. Становлюсь на колени, осторожно на пинцете подсовываю к голове устроившемуся рядом со мною на земле богарному пруссу примятого комарика и замираю от неожиданности. Кобылка без обиняков хватает мой подарок, ее мощные челюсти заработали, как автомат, и через доли минуты от комарика ничего не остается. Торопясь, вытаскиваю из сачка другого комарика, но в это мгновение с моего плеча соскальзывает полевая сумка и с шумом падает на землю. Напуганная кобылка, щелкнув задними ногами, исчезает.

Тогда я, все еще не веря увиденному, подсовываю другим кобылкам комариков. Все происходящее кажется невероятным: все кобылки любят плотоядную пищу, уплетают ее за милую душу. Одна съела четыре комарика, другая - целый десяток, третья, обжора, умяла ровно двадцать штук. Я едва успевал ей подсовывать еду, и она, расправившись с очередной порцией, поворачивается

во все стороны, помахивая своими коротенькими усиками и как бы спрашивая: "Ну, где же там запропастился мой обед?". Эта кобылка оказалась среди гурманов рекордсменкой. Другие довольствовались десятком комариков, маленьких личинок, чтобы насытиться, было достаточно двух-трех.

Поведение кобылок не было стандартным. Некоторые из них относились с предубеждением к первому комарику, к пинцету, которым он был зажат, но, разобрав, в чем дело, принимались за еду рьяно с легким похрустыванием челюстей. Другие, будто опытные прожоры, тотчас же набрасывались на угощение, не обращая внимания на то, что оно появлялось необычным манером. Кое-кто в испуге отскакивал в сторону, если комарик еще подавал признаки жизни, трепыхал крыльями и размахивал ножками, в то время как у других от признаков жизни этого тщедушного создания еще сильнее разгорался аппетит. Различали кобылки свою еду тоже по-разному: близорукие, вернее сказать близкозлые опознавали подsunутого комарика только у самой головы, тогда как более опытные и "дальнолапые" опознавали ее

едва ли не за пять сантиметров.

Видимо, опыт и аппетит оказывали влияние на поведение. Кобылки-пруссы - вообще отъявленные обжоры, и поэтому не случайно иногда появляются в массе, повреждая растения, в том числе и возделываемые человеком. Как же относятся к этой необычной еде другие виды кобылок? Краснокрылые кобылки сфингомотусы также с охотой принимались свежевать добычу. И другие кобылки-пустынницы не отказывались отведать необычное угощение.

Но самым отъявленным все же остался многочисленный прусс. Не спеша, но деловито эти кобылки собирались возле меня большой группой, будто к обеденному столу, и уж потчевать их приходилось всех с большой поспешностью, вываливая из сачка комариков целыми кучками. В общем, все кобылки оказались любителями плотоядной пищи, и никто, несмотря на установившуюся за ними репутацию незыблемых вегетарианцев, не пренебрегал комариками-звонцами. А почему бы не так?!

На земле всюду валялись их трупики, и стоило ли про падать добру попусту?! При-

ловчившись кормить кобылок, я одной из них на прощание преподнес муху. Она тоже пошла в дело, и перемолотая направилась в желудок.

Прежде чем покинуть полуостров Байгабыл, фотографирую паучков, выбрав куст тамариска, сильно обвитый паутиной и облепленный комариками. На этом кусте я застал трех пруссов. Они прилежно и не спеша лакомились комариками, попавшими в паутину и, судя по всему, занимались этим промыслом издавна и с большим успехом. Забегая вперед, скажу, что когда, приехав в город, рассказал о хищнических наклонностях кобылок одному из энтомологов, он решительно сказал:

- Не могу в это поверить! В ваши эксперименты, коллеги, какая-то вкралась ошибка.

- Ну почему же ошибка, - стал я возражать. - Посмотрели бы вы своими глазами, как кобылки едят звонцов.

- Нет, тут не обошлось без какой-то случайности, - упрямо бубнил энтомолог. - Необходимы еще дополнительные наблюдения, факты, контрольные подсчеты, чтобы исключить субъективизм исследователя. Не могут так себя вести растительоядные насеко-

мые. Не может быть такое! Не может!

Так мы и расстались, оставив друг друга в недоумении. Да, ученые - нередко нелюбопытный в мире народ. Все, что необычно и не укладывается в установившиеся и крепко засевшие в голове представления, как правило, встречается беспредельным недоверием. Хорошо, что на свои опыты я специально пригласил участницу нашей поездки Зою Федотову, энтомолога, как свидетеля столь нестандартного поведения кобылок. А к скептицизму коллег не привыкать. Очевидно, таков недостаток моего характера - чрезмерная любознательность, открывающая в обыкновенном необыкновенное.

Впрочем, солидный петербургский журнал "Защита растений" без проволочек опубликовал мое короткое сообщение об этом необычном явлении.

НЕОЖИДАННОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Дневка на озере прошла, и пора бы ехать дальше, да жаль расставаться с Балхашом: столько здесь интересного в этом совершенно безлюдном

месте! Останемся еще на день, пока в канистрах есть пресная вода. Вот и еще находка интересная. То, о чем я собираюсь рассказать, связано с открытием общественного паука Аранеа палласи, довольно хорошо изученного мною. Паук Аргиопа брюенхи в наших краях редок и встречается только в предгорных степях. Внешность его заметная. Он довольно крупен, узкое его брюшко сверху серебристого цвета, испещрено четкими, расположенными поперек темными полосками. Я очень удивился, когда встретил этого паука во множестве в скоплениях вместе с малым общественным паучком на берегу полуострова Байгабыл. Наверное, его обитанию здесь способствовало изобилие комариков-звонцов. Дело в том, что комарики летают не везде по берегам Балхаша. Там, где берега голые, где нет никакого пристанища звонцам, их нет. Комарики, вылетевшие из воды, живут несколько суток, особенно самцы, и нуждаются на жаркий день в укрытиях. Кстати, а то, что численность комариков зависит от прибрежных растений, я подметил давно и рассказал об этом еще в 1972 году в книжке "По Семиречью" (Москва: Мысль,

1972), призывая беречь растительность берегов озера.

Личинки комариков - важный объект питания рыб, от них зависит в какой-то мере и рыбный промысел. Привязанность комариков к определенным местам берегов Балхаша - явление не случайное. Пусть это звучит в некотором отношении фантастично, но создается впечатление, что личинки комариков, прежде чем стать куколками и затем окрылиться, слываются к местам брачного лета своих родителей и своего места рождения из яиц, брошенных самочками в воду, то есть совершают что-то подобное паломничеству рыб к перестилищам или, по меньшей мере, придерживаются территории своего рождения.

Необычно видеть массовые скопления этого редкого паука, к тому же настоящего индивидуалиста, одиночного хищника, на тенетах вместе с другими пауками. Одиночный хищник, попав в места, изобилующие комариками-звонцами, неожиданно преобразился и перешел к колониальному образу жизни. Наверное, тот, кто не знаком с паучьей жизнью и впервые увидел Аргиопу брюенхи в столь тесном

соседстве с другими пауками, принял увиденное за обыденное течение дел. Я же долго не мог поверить открывшейся передо мною находке, и все представшее перед глазами казалось невероятной игрой или даже насмешкой природы, случаем уникальным, нереальным, даже уродливым и не находящим объяснения. Как же мог одиочный хищник, для которого мир разделялся на тех, кого следовало съедать и на тех, от кого следовало скрываться, чтобы не погибнуть, вдруг стать таким миролюбивым, да еще к кому - к своей же паучьей братии таких же хищников? Но факт был упрям. Он говорил о том, что изобилие пищи послужило основой возникновения общественного образа жизни. Сытый желудок притуплял враждебное отношение не только к своим ближним, но и к дальним родичам - паукам других видов. Да и к чему было обострять отношения с соседями, подвергать себя опасности, когда можно обойтись без всего этого. Так было в прошлом году. Вот почему на следующий год сейчас я стремился посетить полуостров Байгабыл и по пути искал места, изобилующие комариками и пау-

ками. Но, увы, комариков всюду было немного, а там, где прибрежные растения были уничтожены и скалы отсутствовали, их не было совсем.

На знакомом месте я вновь встретил все то же изобилие комариков, пауков всех рангов, скорпионов, ухверток, богомолов и прочей братии, охочей до легкой добычи, и даже кобылок, ставших плотоядными. Но приехал пемного раньше, чем в прошлом году, самочки Аргиопа брюенхи еще блистали светлым покровом девичьего одеяния, а контрастные полосы на брюшке едва только намечались. Но все такие же миролюбивые друг к другу и к паукам других видов, они висели на своих аккуратных, близко соприкасающихся тепетах с загадочными зигзагообразными белыми полосками, и возле каждой самочки застыло в ожидании по несколько маленьких самцов, тонких, поджарых, с длинными ногами, легких на подъем и подвижных.

По установившимся порядкам жизни этого паука, да и многих других пауков, самцам полагалось становиться взрослыми значительно раньше самок. Природа жаловала мужской половине некоторый

резерв времени. Он предназначался на поиски своих избранниц. Для пауков, немногочисленных в природе, это правило имело большое жизненно важное значение. Чтобы найти самку, самцу приходилось много путешествовать и, видимо, на этом трудном пути оказывалось немало неудачников. Здесь же в таком скоплении искать подругу жизни не приходилось. Вот самцам с попусту дарованным резервом времени пришлось ждать своих певест. Ничего не поделаешь! Как изменишь порядки жизни, установившиеся многими тысячелетиями.

РОЗОВЫЕ ГРАНИТЫ

Прежде чем проститься с полуостровом Байгабыл и заливом Балыктыколь, пока мои помощники занимались упаковкой машины, отправился побродить по берегу.

Как часто жизнью управляет случайность: увидел то, что меня глубоко поразило. На самой вершине темного скалистого берега висел, будто собираясь упасть вниз, громадный монолит розового гранита. Его длина - около четырех метров, ширина - около трех и толщина - около метра. Монолит

прекрасно окатан со всех сторон и своим цветом и формой являл необычное зрелище. Сколько раз я бывал на этом полуострове, но не замечал этого гранита. И никто из побывавших на Балхаше исследователей не видел его.

Как здесь, в этом глухом месте, далеко от поселений, мог оказаться этот громадный камень розового гранита?! От кромки берега он находился на расстоянии около двухсот метров, а над поверхностью воды озера возвышался не менее чем в пятидесяти метрах.

Было бы нелепо предполагать, что этот гранит заготовили для отправки в город. Отсюда только до города Балхаша не менее трехсот километров. Да и нет вблизи отсюда розовых гранитов. Впрочем, пологие берега из розового гранита находились только в одном месте озера, километрах в пятидесяти отсюда, почти рядом с рыбозаводом. Если бы его заготовили там, то к чему было его везти от проселочной дороги почти двадцать пять километров на самую оконечность полуострова.

Торопясь, прошелся еще над озером, но не увидел ничего подобного. Спустился к самому озеру и тогда увидел

еще пять таких же больших гранитных глыб. Они валялись у самого низа скалистого берега, обвалившись сверху вниз. Были они разной формы, но все округленные силами природы.

После долгих раздумий пришел только к одному выводу. Когда-то, скорее всего в последнее оледенение, посетившее землю (оно так сильно не затронуло Среднюю Азию, как Западную Европу), примерно около 45 тысяч лет назад, похолодание, бесчисленные осадки сказались на уровне Балхаша. Он поднялся до вершины коренных берегов и разлился широко во все стороны, соединился с современными озера-

ми Сассыккулем и Алакулем. Когда я посмотрел гипсометрическую карту, то оказалось, что Балхаш тогда соединялся не только с этими озерами, но через Джунгарские ворота сливался с озерами Китая Эбинур и Телли-Нур. Мощные льды, образовавшиеся в холодные зимы, после вскрытия ледостава подтачивали гранитные берега, носили и обкатывали граниты то по берегам, то выбрасывая их на поверхность берегов, и затем, когда стало теплеть, оставили их в этом месте Балыктыколя, протавив их около сорока километров от места происхождения.

На самой восточной оконечности острова, недалеко от

того места, куда впадает река Аягуз, увидал в километре от озера следы очень давней береговой линии. Высота ее была значительно более высокой. Эта линия осталась после водоема, имевшего совсем другие очертания, нежели ныне.

Талантливый, ныне покойный академик А.С. Берг, географ, ихтиолог, эволюционист, обследовавший Балхаш, пришел к убеждению, что это озеро не было большим. В книге "Высыхает ли Средняя Азия" (СПб., 1905) он писал: "Что касается Балхаша, то я нигде не находил террас, которые бы свидетельствовали о прежнем, более обширном его распространении, судя по имеющимся следам можно достоверно сказать, что Балхаш был некогда лишь на 12 метров выше теперешнего". Если бы он увидал эти куски розового гранита, то не совершил бы ошибки.

Свою находку я сфотографировал.

ПРОЩАНИЕ С БАЛХАШОМ

Жаль прощаться с Балхашом, но запасы нашей пресной воды иссякли. Проселочная дорога раздваивается, а та, что нам нужна, отворачивает от озера на север. Бросаю последний взгляд

на сверкающее изумительной синевой озеро. Прощай, Балхаш! Удастся ли с ним еще встретиться? Много раз я посещал это озеро, хорошо его изучил и рассказал о нем в своих книгах ("Там, откуда ушли реки" (М.: Мысль, 1982); "Забывтые острова" (М.: Мысль, 1991), "Вокруг синего озера" (Алматы: Фонд Эберта, 2000)). Когда писалась эта книга, уже тогда нависла угроза существованию этого седьмого по величине в мире озера. Предстояло создание Капчагайского водохранилища, а также использования Китаем вод озера для орошения вновь вводимых в использование сельскохозяйственных земель. Сейчас угроза Балхашу осуществилась.

До недавнего времени пришлось еще не раз встретиться с этим уникальным уголком природы. На нем сказались изменения, произошедшие в природе не только на юго-востоке Казахстана, но и, пожалуй, на всем земном шаре.

Двадцатое столетие принесло небывалый научно-технический прогресс, быстрый рост населения, усиленную эксплуатацию природных богатств и сопутствующее ей загрязнение окружающей среды отходами производства. Постепенно оскудела органическая жизнь из-за

На вершину скалистого берега выбросили в какой-то древний розовый гранитный осколок

неразумной эксплуатации природных ресурсов. Обеднела растительность, вытесняемая монокультурами. Резко пострадали численность и разнообразие животного мира. Поразило почти полное отсутствие чаек, по меньшей мере, на северном берегу как показатель состояния озера. Из них кое-где осталась лишь серебристая чайка. Она поживает на скудных свалках вокруг поселений человека да ловит разную мелочь в пустыне. Ликвидировали рыбозавод в поселении Каракул. Небольшой кооператив в Тасмуруне ловит только воблу да леща. Балхаш гибнет. Он повторяет судьбу Араха. Давно пришла пора предпринимать меры по его спасению. Хочется надеяться, что этот уникальный водоем, сверкающий изумрудом своих вод, когда-то богатый животным и растительным миром среди такой громадной опаленной солнцем пустыни, сохранит свою жизнь, а разум человека одержит победу над рядом шествующим с ним безумием...

ЖИТЕЛЬ НОРКИ

Озеро Балхаш осталось далеко позади. Холмистая степь засеребрилась ковылями. Всюду картинки степной акации -

колючей караганы. Дорога иногда петляет из стороны в сторону, проходит по пизинам, сверкающим снежно-белыми пятнами солончаков. Понижения между холмами разукрашены желтым зонтичным растением, красуются поросли сочной зеленой травы. В одной из них степенно и неторопливо бродит журавль, высматривая добычу. Вдруг он совершает молниеносный рывок вперед, кого-то схватил клювом и, поднявшись на крылья, полетел с добычей.

В зарослях караганы раздается незнакомый крик, похожий на птичий. Он складывается из нескольких пежных и мелодичных, повышающихся тоном звуков, замолкает и после небольшой паузы повторяется вновь. Пытаюсь узнать, кто это. Но, кроме желчных овсянок и жаворонков, никого не вижу. Тогда догадываюсь: кто-то кричит на земле, в кустах. Пытаюсь подойти. Но незнакомец не подпускает ближе десяти шагов, замолкает. Эти же крики были слышны и ночью. Вскоре узнаю: поет тот, кто живет в норе. Затаиваюсь надолго и, наконец, вижу незнакомку - крошечного грызуна сенокоску-пищуху, элгантную, с белой окантовкой

по краям ушей. Какой она мне показалась красавицей, к тому же еще и певучей!

СИМПАТИЧНЫЙ ТОЛСТЯК

Теперь путь лежит в степи Центрального Казахстана. Опять перед нами желтые холмы с редкими кустиками караганы да боялыша и таволги.

Машины все время раскачивают на ухабах, и всех клонит ко сну. Долго ли так? Но далекие горы, сперва видневшиеся сипей зазубренной полосой, все ближе, вот уже вид-

ны причудливые нагромождения складок серого гранита.

Из травы торчат два покосившихся столбика. Один - совсем белый и служит отдыхом для птиц. На другом издали вижу черное насекомое, похожее на черного таракана, крупное, толстенькое, с длинными усами. Оно неторопливо бродит по камню, опускается вниз. Сейчас скроется в траве. Не спуская глаз с черного комочка, спешу к столбику, но неожиданно земля уходит из-под ног - и я падаю в яму... Как будто бы призем-

В горах степных гор
Центрального Казахстана

лился благополучно, не ушибся. Яма не простая. Выложена полускрытыми землей гранитными плитками. Черного же насекомого нет. Вместо него вижу не столбик, а каменное изваяние с изображением мужского лица. Глаза его выпуклые, нос длинный, борода коротенькая, клипышком. Изыщно изогнув пальцы, мужчина держит в руке глубокую чашу. Рядом на другом столбе (трудно разобрать из-за белого птичьего помета), - как будто изображение лица женщины.

Полное безлюдье, раздолье трав и цветов, синее небо с застывшими белыми облаками, яркое солнце, все такое же, как и многие тысячи лет назад, и вот эта давно разворованная гробокопателями старинная андроновско-скифская могила. Но надо разыскать большое черное насекомое. Кто оно, я не знаю и представляю самое необычное.

Мне посчастливилось. Вот он - необычный толстяк, неповоротливый, неторопливый, с удлиненной, как крышка, переднеспинкой, под которой совсем не видно музыкального аппарата - измененных крыльев. У него большие выразительные глаза и длинные усики. Узнал его, это кузнечик Он-

конотус лаксмана. Он непуглив, и будто я для него ничто, хотя один ус настороженно повернут в мою сторону. Кузнечик не спеша ползет по траве, спокойно позирует на гранитном камне перед фотоаппаратом, степенно поворачивается во все стороны. Во всем его облике чувствуется добродушие и покой - тихий плавный характер жителя степного раздолья, извечной тишины и покоя. Станный кузнечик, знал о нем по коллекциям, а в природе встречаю впервые.

Почему он такой черный? Его родственники, обитатели южных пустынь окрашены в покровительственные тона, и увидеть их на земле нелегко. А этот такой заметный. Уж не для того ли, чтобы здесь, в зоне северных пустынь, легче согреть тело. Черная одежда позволила ему, южанину, продвигаться к северу и здесь прижиться. Или он несъедобен, ядовит и поэтому старается быть заметным.

Симпатичный толстяк сразу завоевывает мое признание и очень нравится. Ищу в траве других, и вскоре в садке точно такая же самочка, только еще более толстенькая и с тонким длинным яйцекладом. Забегая вперед, скажу о наших

пленниках. Они нетребовательны, вскоре свыкаются с необычным положением, а самец заводит свою несложную песенку. Но какую! Это не громкое стрекотание, слышимое на далеком расстоянии, а тихий нежный шепот. Теперь, ложась спать и расстелив под пологом постель, кладу садочек в изголовье и засыпаю под убаюкивающие звуки. Под утро, когда становится прохладно, кузнечик замолкает. Он поет и днем. Ухитряется петь и в машине, едва только она останавливается хотя бы на минутку. Поет своей подружке прилежно и неутомимо, не зная устали. Странная песня его казалась мне загадкой. Неужели по ней, такой тихой, кузнечики могут находить друг друга в степных просторах? Думалось, что, наверное, вся песня кузнечика недоступна слуху человека и наше ухо улавливает только ее часть, одну арию сложной симфонии. Остальное же, возможно, особенные громкие звуки, разносились могучим призывом над просторами, и только мы были глухи к ней.

Черные кузнечики пропутешествовали с нами через Центральный Казахстан и благополучно добрались до города Алма-Аты.

На столе, возле окна, видимо, было лучше, чем в тряской машине, и кузнечик залился шепотаивой песенкой. Но когда я пересадил их обоих в просторный садок, замолчал на несколько часов, пока не освоился с новым помещением. Кузнечики очень любили свежий корм и с аппетитом грызли зеленые листочки трав. Они очень привыкли ко мне, спокойно сидели на руках, вращая во все стороны усики. Впрочем, самка проявляла более скрытный и осторожный характер и чаще пряталась в траве. А самец...

Он пел прилежно и часто весь сентябрь. Песня его раздавалась и днем, и ночью, и в октябре, когда деревья уронили на землю желтые листья, а на родине уже с неба падали белые снежинки. Потом стал лениться и, наконец, затих, будто уснул вместе со своей подружкой на сухой траве, как живой, с расставленными в стороны усами и блестящими черными глазами.

ТАИНСТВЕННАЯ НЕЗНАКОМКА

Ландшафт постепенно меняется. Чаще всего минуем белоснежную ковыльную степь.

Среди нее виднеются картинки таволги и караганы. Они растут на каменных курганах.

Рано утром бреду по зеленой ложбинке между холмами. Всюду с верхушек кустиков соскакивают какие-то очень быстрые существа и, выдавая свой путь бегством по колышущейся траве, мгновенно исчезают. Они так быстры, что я не в силах уловить их облик и понять, кто они. Теряюсь в догадках и не могу представить, кто это. Воображение начинает рисовать невиданное животное, скорее всего ящерицу. Но откуда у нее такая молниеносная реакция и стремительный бег?

Один раз почудилось, будто это серая с длинным туловищем мышка, потом - короткотелая змейка и, наконец, совершенно необычное существо.

На биваке давно проснулись, завтрак, наверное, уже готов, пора спешить к машине, но загадка все еще не раскрыта. Тогда зову на помощь, и мы с сачками сообщаем устраиваем охоту за незнакомкой. Вскоре я разочарован: в сачке - серая небольшая ящерица. Зачем они все вздумали забираться на вершины кустиков? Быть может, пожелали погреться на утреннем солнце после прохладной ночи, или так легче охотиться на на-

секомых, или, наконец, так быстрее разыскивать друг друга для свершения брачных дел.

Потом иду по дороге. В степи тишина, прерываемая песнями жаворонков. Они необычно-черные, как смоль, похожие издали на скворцов. На колее дороги часто вижу ямки. Это следы ночевки жаворонков. Когда едешь по дороге в темноте, жаворонки все время взлетают с нее. Почва тверда, и птичкам приходится немало потрудиться, прежде чем приготовить для себя на ночь крохотную лунку, покрытую пылью. Ямки неодинаковы: иные очень малы, другие значительно больше. Очевидно, ямки создаются не сразу, а постепенно. Интересно, пользуется ли каждая птичка одной и той же своей постелью или нет. Кто строит ямки, самец или самка? Кто-то один из них ночует на гнезде. Зачем им для ночлега дорога? Наверное, на чистом и открытом месте безопаснее ночевать, и хищнику труднее добраться незамеченным.

ПЕРВЫЕ РИСУНКИ

Погода неожиданно испортилась. Все небо обложилось тучами, кое-где от них протянулись полосы дождя. Похолодало. В пасмурную погоду

очень легко заблудиться в незнакомой местности, особенно если нет где-либо хорошо видного издали ориентира. Проверив наш путь по компасу, вскоре убедился, что мы покашли в другом направлении и дали солидный крюк, отклонившись к востоку. К тому же на горизонте показалась гранитная гора Катанмель или, как ее еще называют, Эмельтау. Изрезанная глубокими вертикальными ложбинами, она очень походила на гигантского ящера, прильнувшего к земле и застывшего на ней. От нас до нее было не менее пятидесяти километров. Гора же Саякзмель, к которой мы направлялись, находилась где-то западнее. Но, как говорится, "нет худа без добра".

Неожиданно перед нами открылась глубокая ложбина, покрытая скалами, отлично загоревшими на солнце и отполированными ветрами. По ложбинке тек небольшой ручей, и, чувствуя, что здесь могут быть наскальные рисунки, я остановил машину, хотя перед нами показалась попутная дорога. Судя по карте, это место называлось Тюлькули, или по-русски Лисье.

Предчувствие не обмануло. Едва ступил на землю, как

увидел наскальные рисунки. Их было много, они виднелись на каждом шагу, это была настоящая картинная галерея, при этом, насколько мне известно, никем не разведанная, и мне представлялось первому заняться ею. Неожиданная находка воодушевила. Тотчас же была объявлена стоянка, и для бивака найдено подходящее место возле ручейка.

- Друзья мои, - обращаюсь к своим спутникам. - Если не хотите надолго застрять на этом месте, то помогайте мне расправиться с наскальными рисунками.

- Я готова хоть сейчас! - отвечает Зоя.

- Как я смогу вам посоветовать? - сомневается Алексей.

- Главное, - поясняю я, - найти рисунок. Вон сколько камней. Чтобы их все осмотреть, нужна уйма времени. Да, учтите, каждый камень надо внимательно оглядеть с разных сторон, под разным углом освещения. Если мы все трое возьмемся за это, дело пойдет значительно быстрее. Берите по куску мела. Один пусть идет снизу склона, другой сверху. Все замеченные рисунки пометайте чертой, но только мелом не касайтесь самого изображения. Я буду идти за вами по-

середине склона, просматривать все находки и наиболее интересные перерисовывать на бумагу.

Вскоре работа закипела. Мои добровольные помощники увлеклись поисками, до меня доносятся беспрестанные возгласы, и я едва успеваю наносить на бумагу копии рисунков. В этом деле помогает давнее умение рисовать. Иначе же, по правилам, принятым в археологии, каждый рисунок надо обводить мелом, потом переснимать на кальку, для чего нам не хватило бы и нескольких дней. Впрочем, главное - опыт. Неумелый легко пропустит плохо различимые и, тем не менее, существенные детали.

Наскальные рисунки - мое давнее увлечение. Ими очень богат юго-восточный и южный Казахстан, вся Средняя Азия. Особенно их много в горах пустыни. За четверть века путешествий по Казахстану я просмотрел около ста тысяч наскальных рисунков и срисовал около двух тысяч наиболее интересных и значимых. Наскальные рисунки рассказали мне, зоологу, многое, что не заметили археологи: о способах и объектах охоты, о ранее обитавших и ныне исчезнув-

ших животных и о многом другом, относящимся к жизни народов, обитавших в очень отдаленные времена. На того, кто впервые и, главное, неожиданно их увидел, рисунки всегда производят большое впечатление. И мы поражаемся ими как наглядным и четким следам деятельности и творчества человека, оставившего на камнях своеобразные символы, быть может частично, даже сознательно предназначенные для нас, далеких потомков. В них чудится загадочная и таинственная жизнь человека давно минувших времен, от них веет глубокой древностью, через которую прошла жизнь самого неугомонного существа нашей планеты - человека. Для народов, не имевших письменности и не оставивших ее после себя, наскальные рисунки и захоронения - единственные следы, по которым крупицами, через сложные и путанные лабиринты догадок, теорий и рассуждений пытаются познать историю и жизнь исчезнувших народов.

Казалось бы, проще перефотографировать рисунки. Но фотоаппарат не в силах запечатлеть изображения, плохо различимые, и даже на отличной гравировке не сможет от-

разить все детали. Да и не при всяком освещении отчетливо виден рисунок, и для того чтобы получить хорошую копию, иногда надо выждать благоприятное время.

Перерисовываю не все рисунки, а только наиболее интересные. Обыкновенные из них, изображающие козлов, большей частью пропускаю. Так называемая "козлопись" составляет около девяноста процентов всех наскальных изображений, и переснимать ее не имеет особенного смысла. Долгое время изобилие одиночных рисунков диких козлов, баранов и, в меньшей степени, оленей были одной из главных загадок петроглифов, пока мне не удалось доказать, что каждый такой рисунок наносился в память погибшего или умершего человека, то есть рисунок был памятным или к тому же поминальным отражением души. Его не полагалось портить. Андроновцы, обитатели этих мест в бронзовый век, как и многие народы древности, считали себя принадлежащими к одному из животных. Это был их тотем. Главными авторами наскальных рисунков были европеоидные племена или, как было бы их вернее именовать, евро-

азиаты андроновцы и затем их предки скифы (саки).

Мы трое трудимся, не жалея сил, и от усиленной работы и обостренного внимания я взвинтился. Карточки из ватмана с копиями рисунков одна за другой пополняют пачку, добыча большая и интересная. Закапчиваем мы работу вдвоем с Алексеем, так как Зоя отправилась готовить еду.

Проголодались же мы основательно. Зато какое наслаждение после напряженной работы и хотя и запоздалого обеда растянуться на разостланном на земле тенте и, вытянув ноги, предаться блаженному отдыху. Высшее наслаждение - интересный труд, а самый радостный отдых - после такого труда.

- Когда мы будем рассматривать то, что вы срисовали? - спрашивают меня мои помощники.

- Подождите немного. Вот разберу карточки, чтобы они подходили друг к другу по сюжетам, и тогда посмотрим всю нашу добычу, - успокаиваю я Алексея и Зою.

- Ну, вот я и готов. Начнем с тех рисунков, которых я больше всех пропустил, то есть с изображений козлов, тем более что среди них очень мно-

го совершенно неумелых, грубых и совсем неинтересных. Вот маленький и симпатичный козлик (Фигура 31, рис. 1). Другой рисунок козла более выразителен (Фигура 31, рис. 2). Животное смотрит куда-то вверх, почти закинув рога на спину. Под ним - полукруг. Что он означает, разवे найдется кто-либо, чтобы ответить на этот вопрос! Другой козел на рисунке (Фигура 31, рис. 3) какой-то длиннотей, да еще и с надписью. Интересно было бы ее перевести. Рога его опущены концами ниже головы и очень похожи на стешного барана.

На рисунке 4 тот же степной баран, впрочем, зоологи его стали именовать азиатским муфлоном (Фигура 31, рис. 4, 5). Оба рисунка очень редки, быть может, потому, что этот вид уже в древности был редок. Как видите, каждый рисунок немного по-своему.

В этой пустынной местности, конечно, важным животным был верблюд, и его изображения не случайны. Но что-то его мало (Фигура 31, рис. 6). Впрочем, так и полагается. Верблюд - более южное животное. Вот взгляните, какую панораму изобразил художник. На камне рисунки (Фигура 31,

рис. 7) шести верблюдов, из них изображение одного не закончено, что-то помешало художнику трудиться, возможно, его стадо, которое он пас, пошло не туда, куда надо.

Все рисунки исполнены разными стилями, по-разному и, видимо, разными людьми. Один из этих рисунков, пожалуй, является карикатурой на верблюда, веселой и остроумной. Посмотрите, какая у него длинная шея и будто не шея, а гигантская змея. Немного пофантазировав, можно объяснить этот рисунок по-другому. Изображенные здесь верблюды, возможно, все до единого дикие. А вот этот с длинной шеей, поймав, ноги его связаны и он, униженный и оскорбленный неволей, положил голову на длинной шее на землю. Самое загадочное в этом рисунке, конечно, фигуры двух человек. Они не случайны, что-то означают. Заметьте, они оба на коленях, и рядом с ними какой-то предмет, похожий на особенный поминальный или погребальный камень. Возможно, это женщины, для фигуры мужчины не хватает обычного грубоватого натурализма.

Наверное, раньше здесь был другой климат, более

влажный и прохладный, росли роскошные травы, кустарники, эта долина была в зарослях деревьев. И тогда здесь водились лоси (Фигура 31, рис. 8, 9). Лоси изображены на груше из четырех фигур (Фигура 31, рис. 10). Что это лоси, обитающие лесной зоны, сомневаться не приходится. Рога у них широкие с короткими отстоящими, морда длинная, толстая. Как это животное, ныне обитающее на севере страны, в зоне тайги, могло здесь жить? Очевидно, лось обитал здесь во времена влажного и прохладного климата, когда лес стал наступать на лесостепь.

На рисунке (Фигура 32, рис. 11) - лось, в том, что это он, уже не приходится сомневаться, поскольку все типичные черты этого зверя подчеркнуты. На нем сидит всадник. Видимо, не раз человек пытался использовать лося как тягловое или верховое животное, да разочаровался, оставил эти попытки. Одомашнивание этого крупного и сильного животного предпринималось издавна. В конце прошлого столетия в Канском уезде нынешнего Красноярского края вдова охотника Павла несколько лет ездила по всей округе на лосе, сопровождаемая толпой зевак.

Попытки приручения лося предпринимались и раньше. Периодически в наших журналах появляются репортажи об опытах приручения лосей в заповедниках Печеро-Ильском, Коми АССР, Серпуховском и Бузулукском борах. Это животное быстро приручается, дает отличное молоко, мясо, шкуру, ходит в упряжке. Но... практических результатов эти опыты до сих пор не дали, лось не одомашнен. Сердце у него слабое, не сравнить с сердцем лошади, поэтому выдерживать большие нагрузки он не способен. Лошадь - степное животное, ей приходится пробегать большие расстояния в поисках корма и водопоев. Лось - животное лесное и в этом необходимости не испытывал. Кроме того, никак не удается сломить нрав быков, их безудержную любовь к перекочевкам. Надежды на селекцию вряд ли будут оправданы. С этой работой давно бы справились древние скотоводы. Нет на свете в этом отношении выносливее лошади! Так что опыты одомашнивания лося, проводящиеся в нашей стране, - повторение старого и давно испытанного. Кстати, когда-то об этих опытах много писали журналисты, но посте-

ненно замолкли. В горах Центрального Казахстана и сейчас растут в понижениях небольшие лески из осины. Любимая еда лося - ветки этого дерева были в изобилии. Распространение лося далеко к югу от современной территории обитания еще могло отражать многочисленность этого зверя в давние времена.

Посмотрите, какое своеобразное животное здесь нарицательно (Фигура 32, рис. 12). Тело мощное, шея мускулистая, хвост относительно тонкий, а рога! Какие они замечательные, очень длинные, направленные кпереди, изогнутые. Вся фигура типична для исчезнувшего с лица земли быка тура. Он исчез сравнительно недавно.

Последний тур в Западной Европе был убит польским князьком в 1627 году. Тура успешно использовали для верховой езды, и на рисунке 13 он изображен вместе с лошадыми (Фигура 32, рис. 13). Примечательно, что один из верховых сидит на каком-то особенном и большом седле на спине тура. Другой верховой явно погоняет громадное животное. Пропорции размеров тура в сравнении с лошадыю точно соблюдены. Тур был зна-

чительно крупнее ее. Изображения тура мне впервые удалось найти среди наскальных рисунков Средней Азии давно. Когда же я об этом опубликовал в московском зоологическом журнале в 1953 году статью, то она, правда, вызвала со стороны зоологов словесные, пападки и критику. "Как же, - возражали мне ретивые ученые, - тур мог оказаться в Азии! Ареал этого животного не заходил в Азию, и оно обитало только в пределах Европы".

Но нападки специалистов маммологов на мои сообщения о туре были недолговременны. Едва ли не на следующий год после выхода статьи в свет в Казахстане был найден превосходно сохранившийся целый рог тура, а потом пошли одна за другой находки палеонтологов костей этого животного. Так что достоверность моих рисунков на скалах была восстановлена. Теперь же, когда прошло около сорока лет, останки тура найдены на востоке до самого Забайкалья.

Среди найденных рисунков много необычного и интересного для меня. Более всего удивило обилие изображений лошадей (Фигура 32, рис. 14-18). И, видимо, не случайно.

Зимой в Центральном Казахстане выпадают снега чаще, чем на юге страны, в типичных пустынях. Овцам здесь приходится плохо на зимних пастбищах, и они, не умея добывать из-под снега корм, голодают и гибнут. Лошады в таких случаях, как говорят, тебенеют, то есть раскапывают копытами снег и добираются до травы. Так что здесь прежде процветало больше, чем где-либо, коневодство, в том числе водились и дикие лошады. Изображения лошадей разные. Вот фигурка грациозных животных (Фигура 33, рис. 21-24) с тонкими стройными ногами и туловищем. Это типичные верховые лошады, первейшие друзья кочевника и воина. На рисунке 19 (Фигура 32, рис. 19) лошады встретилась с хищником, в котором легко узнать по высоким ногам и длинному кошачьему хвосту, загнутому на самом конце, гепарда.

Теперь трудно представить здесь этого хищника. Он окончательно исчез из пределов Казахстана, одиночные особи его еще кое-где держатся в Туркмении и Таджикистане. Но гепард сохранился в Африке, в центре своего когда-то обширного ареала. Гепард легко

приручается и когда-то использовался человеком на охоте. Поряду особенностей он представляет собой исключение из всей группы кошачьих, так как в нем сочетаются еще и черты волка. У него длинные ноги, и он способен развивать громадную скорость, преследуя добычу, тогда как все кошки охотятся в засаде. Он может объединяться в стаи и сообща загонять животных, служащих добычей. Кошки - большой частью охотники-одиночки. Ныне гепард исчезает из-за того, что ему не на кого охотиться, и занесен в Красную книгу.

Очень интересен рисунок 20 (Фигура 33, рис. 20). Здесь все ясно. К стреноженной человеком лошады, скорее всего, кобыле, подбегает лошады антики. Лошады в путях - как приманка, используемая охотником, затаившимся в засаде. Между прочим, употребляя слово "лошады", я имею в виду несколько видов. Здесь могут быть и лошады-тарпан, ныне исчезнувшая с лица земли, и лошады Пржевальского, сохранившаяся только в зоопарках да, кажется, в очень небольшом количестве в глухих районах Монголии, и, наконец, кулан. Он когда-то был очень много-

численным в степях и пустынях Казахстана, но исчез полностью. Затем кулапы были завезены из Туркмении в заповедник на острове Барса-Кельмес на Аральском море и недавно оттуда несколько особей перевезено в пустыни, недалеко от города Алма-Аты. Кулап, пожалуй, - больше лошадь, хотя его часто неверно называют диким ослом.

Перед нами в рисунках предстал весь животный мир крупных животных, имеющий жизненно важное значение для древнего обитателя этих мест, охотника, скотовода, кочевника. Еще я зарисовал несколько рисунков, которые не знаю, к какому животному отнести. Кто, например, на рисунке 25 (Фигура 33, рис. 25): лисица, волк или еще кто-либо другой?

Заинтриговал меня рисунок 26 (Фигура 33, рис. 26). Находил я подобные изображения, хотя и редко, но в разных местах. Облик очень характерен, чтобы объяснить все случайностью: морда длинная, заостренная на конце, хвост короткий. Очень он похож на муравьеда капского трубкозуба. Его окаменевшие остатки палеозологи нашли в Закавказье, и принадлежали они как будто особе, жившей около 34

тысяч лет назад. Или кто изображен на рисунке 27 (Фигура 33, рис. 27)?

Лет двадцать назад я опубликовал из своей коллекции на скальных копий рисунки, которые назвал юмористическими. На них были изображены химеры: верблюд с рогами козла или, наоборот, козлы с горбами верблюда (Фигура 33, рис. 30), козлы с необыкновенно длинными, загибающимися к голове хвостами, или двухголовые козлы. Подобных забавных рисунков у меня набралось изрядное количество. Действительно, человеку просто, хорошо знающему зверей и птиц, подобное сочетание совершенно несовместимых признаков могло казаться смешным. Простодушный дикарь хохотал, глядя на такие забавные гравировки на камнях. Но впоследствии я изменил отношение к таким изображениям, о чем расскажу позже.

Вызывают любопытство рисунки козлов и баранов, у которых рога соединялись с крупом, а двухголовые козлы и бараны носили явное сходство с символом солнца ариев, индоариев и древних славян.

Например, интересен козел, у которого две головы -

спереди и сзади (Фигура 33, рис. 31). Таких рисунков я находил немало.

Теперь, забегая вперед, признаю, что когда стал обрабатывать всю свою коллекцию многочисленных копий на скальных рисунков, то засомневался в юмористическом значении большей их части. Дело в том, что, как мне удалось доказать, изображения диких козлов, баранов и оленей, составляющих едва ли не 90 процентов всех рисунков на камнях, являлись поминальными знаками. Впоследствии часто некоторые рисунки забивались камнями, выстрелами из лука или искажались подрисовками (Фигура 33, рис. 28, 29). Эти искажения наносились завоевателями для унижения религиозных представлений побежденных народов (П. Мариковский "Камни рассказывают". Алматы, 1999; "Наскальные рисунки южных и центральных районов Казахстана". Алматы, 2004).

Мне очень дороги рисунки 32-35 (Фигура 34, рис. 32-35). Они пополнили мою коллекцию из более двух десятков аналогичных рисунков. Они помогли разгадать одну историю, потянувшую за собой расшифровку многих ри-

сунков. Коротко она заключается в следующем.

На скалах нередко встречаются рисунки сложных, разнообразных, непонятных, как я их назвал, "лабиринтов". На них не обращали внимания археологи. Но когда я пригляделся к ним внимательно, оказалось, что в переплетении сложных линий зашифрован ранее нанесенный рисунок тотема, поминального знака. Он был чем-то неудобен, не нужен окружающим, и вместе с тем его не полагалось трогать.

Эта разгадка свидетельствовала о том, что каждый рисунок не столь прост, что он - священный и представляет собою поминальный знак тотема конкретного человека. А зашифровывать его приходилось в том случае, когда человек, считавшийся пропавшим без вести (по принятой нами терминологии), неожиданно, подчас после долгих лет возвращался живым и уцелевшим обратно.

На рисунке 33 (Фигура 34, рис. 33) в зашифровку попало животное, которое я условно назвал капским трубкозубом, ныне вымирающим и сохранившимся только в Африке.

Может быть, это место с рисунками служило каким-то

религиозным целям и церемониям, так как много изображений ритуальных поз (Фигура 34, рис. 36-41). Иногда такая ритуальная поза не совсем стандартна и отличается от остальных. Рисунок 38 (Фигура 34, рис. 38) несет признаки некоторой условности и, по-видимому, тоже относится к ритуальной позе.

Изображения на камнях человека редки, и я не пропустил ни одного из них. Вот рядом два человека, в их руках какие-то предметы. Драка это или состязание (Фигура 34, рис. 42), сказать трудно. Человек едет верхом на лошади, но в странной позе с какой-то линией, идущей на уровне талии. Ниже его располагается массивная фигура волка (Фигура 34, рис. 43).

Тщедушный и тонкий человечек стоит рядом с лошадей могучего сложения (Фигура 34, рис. 44). Человек держит за узду поднявшегося на дыбы коня (Фигура 34, рис. 45).

Немало рисунков, изображающих верховых (Фигура 35, рис. 47). Частично на лошади верховой ведет караван с навьюченной лошадей (Фигура 35, рис. 48).

Мне кажется, что особенно интересны темы охоты на

диких зверей, хотя бы потому, что отображают жизнь и деяния народов и как будто не имеют отношения ни к мистике, ни к ритуалу. Особенно интересен рисунок 49 (Фигура 35, рис. 49). Вглядитесь в него внимательно!

- Ничего я не вижу тут особенного, - говорит Алексей. - Ну лошади, еще человек с луком к ним подкрадывается.

- Я тоже вижу только то, что сказал Алеша! - добавляет Зоя.

- Нет, не только в этом дело! - говорю я. - Посмотрите, кобылица родила жеребеночка. Он еще слаб и не может подняться на ноги, лежит на земле. К ним подкрался лучник. Он готов убить кобылицу, забрать беспомощного жеребеночка. На беду к беспомощной и попавшей в опасность кобылице спешит главарь табуна - жеребец диких лошадей. Ему тоже угрожает опасность оказаться пронзенным стрелой. Охота на кобылицу, только что родившую жеребеночка, - да ведь это настоящее браконьерство, поступок, обвиняющий человека, безразлично, кем бы он ни был, в корысти, черствости души, темноте духа и незначительном отношении к животному миру, его пи-

тающему. Как понять рисунок: то ли это порицание поступка дурного, бессердечного и аморального, то ли восхваление приема добычливой охоты. Как бы там ни было, мы можем сказать, что браконьерство имеет глубокие корни с далекой древности и отражает пороки человеческой души, проявляющиеся в отдельных личностях. Мне думается, что здесь все же лучник подрисован для того, чтобы осквернить какой-то смысл.

- После вашего объяснения, - признается Зоя, - мне теперь стало казаться, что и другие рисунки имеют какой-либо глубокий смысл. Но от нас он скрыт.

- Мне так тоже давно кажется, - соглашаюсь я. - Но удастся ли когда-либо прочесть все то, что желал изобразить художник на камне, не уверен.

- Вот бы оказаться в то время, да еще с пулевым оружием, - мечтательно говорит Алексей, - тогда бы я поохотился!

- Ты только так и смотришь на природу, - укоряет его Зоя. - Тебе лишь бы подстрелить, зажарить, съесть.

- Не спорьте, - успокаиваю я своих помощников. - Лучше посмотрим, что дальше.

На большой панораме (Фигура 35, рис. 50) пешие охотники, стреляющие из лука в оленей. Судя по всему, охотники окружили стадо грациозных животных, водившихся в этой местности.

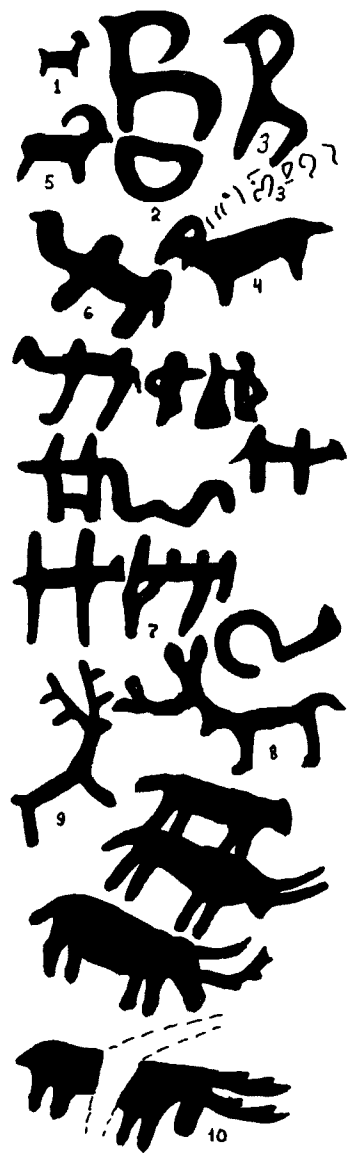
Рисунки относятся к тому далекому времени, когда лошадь использовалась не только для езды на ней верхом, но и как объект охоты: видимо, тогда еще было много диких лошадей. Вот (Фигура 35, рис. 51) охотник стреляет из лука в лошадь, которую на него напала собака. Лучник стреляет в какое-то непонятное животное (Фигура 35, рис. 52). Верховой и пеший лучники с собаками окружили стадо горных козлов и стреляют в них из лука (Фигура 35, рис. 53). Это более удачный прием охоты, нежели преследование и скрадывание одиночным охотником даже с собакой. Вот, кажется, и все наши наиболее значительные находки.

Когда-то существовал расцвет наскальных гравировок. Потом произошли какие-то потрясения, случилось великое переселение народов, походы аварцев, гуннов, монголов. Жизнь человека изменилась, исчезла привязанность к определенному месту жизни, да и

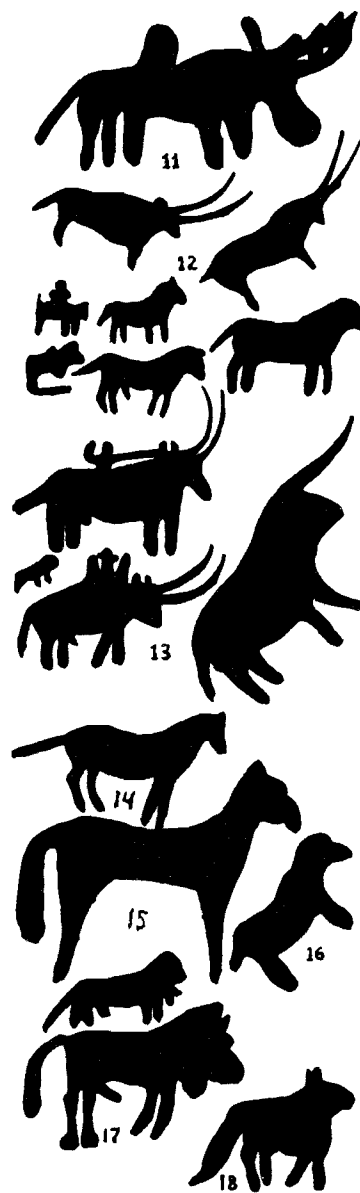
темп жизни стал быстрее, и не стало времени на кропотливую работу папесения камнем по камню изображений. Поздние рисунки, если они и есть, нанесены поспешной рукой, нацарапаны железным предметом (Фигура 35, рис. 54-57). Поиски рисунков, снятие с них копий в быстром темпе, в беготне по склону ущелья вверх и вниз, отняли немало сил, и я чувствую, что основательно переутомился. Но на душе радостно. Хорошо прожить день, когда он оставил удовлетворение и дал что-либо интересное!

Пришла пора прощаться с картинной галереей. По давнему опыту знаю, что для того чтобы обнаружить все рисунки, нужны очень тщательные поиски, так как многие из них, особенно старые и выбитые слабо, удастся увидеть только после многократного посещения даже там, где, казалось, все тщательно обследовано. Утешаю себя мыслью, что важнее всего обнаружить место концентрации рисунков. Впоследствии рано или поздно они будут обследованы другими охотниками за росписями на камнях. Теперь наш путь лежит к горе Калмагабель.

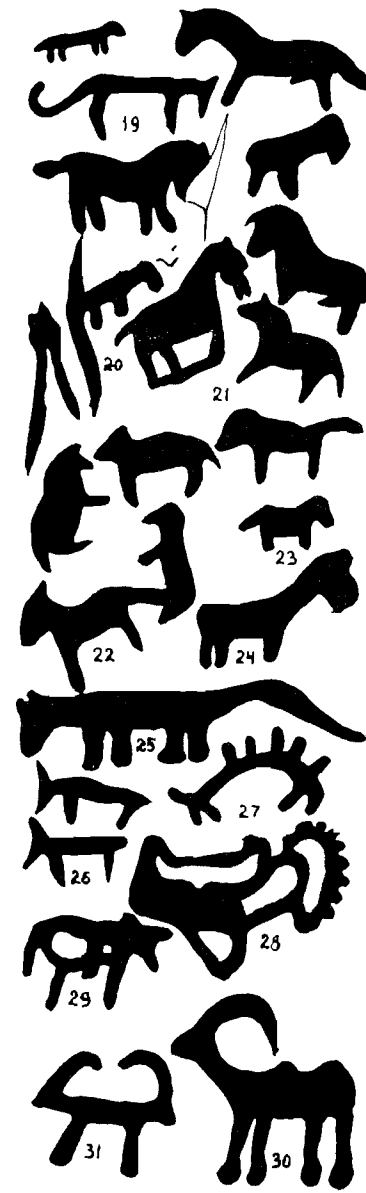
Наскальные рисунки урочища Тюлькули

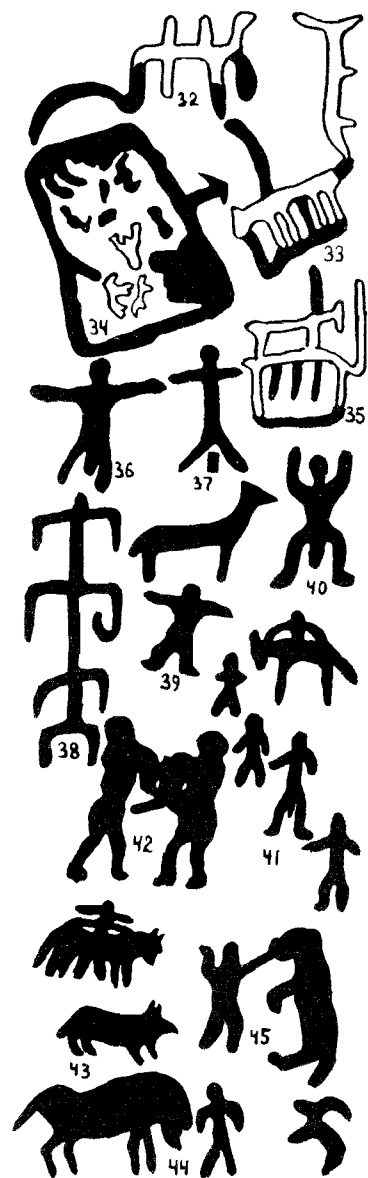
Фигура 31

Фигура 32

Фигура 33

Фигура 34

Фигура 35

ГНЕЗДО СТЕПНОГО ОРЛА

Степь зеленеет все больше и больше роскошными травами. Легкие летучки ковыля колышутся по ветру, и вся земля будто море, покрытое перекачиваемыми волнами. Местами ковыль занял все до самого горизонта. Глянешь в одну сторону - и степь почти белоснежная, повернешься в другую - кажется голубой: это серебристые метелки ковыля отражают небо.

Семена ковыля стали созревать и разлетаться по ветру. Многие из них уже приземлились, воцарились в почву и теперь, раскачиваясь от ветра, начинают ввинчиваться в землю. Они вонзаются и в кожу овец, опустившись на шерсть животных. Все семья спиральной формы постепенно укрупняется даже через кожу, застревая под ней.

Не видно в степи никаких животных. Кое-когда, не спеша, от кустика к кусту проковыляет большой черный усач-прионус. До самого горизонта тянется ровная степь. И вдруг на голой площадке высится серый бугор около двух метров в диаметре и немного менее метра высотой. Он невольно привлекает внимание своей необычностью.

Серый бугор состоит из мелких сухих сучьев и темной трухи слежавшейся пыли. Станный бугор. Кто мог сделать столь пелопое сооружение, кому понадобилось собрать в кучу отмершие веточки кустарников и ради чего?

Внимательно вглядываясь в необычную находку и вижу кое-где торчащие полуиставшие косточки, мелкие кусочки твердой и белой яичной скорлупы. Так это гнездо степного орла! В сухом климате пустыни веточки кустарников не гниют и сохраняются многие годы. Здесь от большинства их осталась труха да немного крупных веточек.

Странное место выбрали птицы для своего гнезда, прямо на голой площадке. Впрочем, где селиться хищнику, когда вокруг на сотни километров нет ни одного дерева, скалы или оврага.

Сколько же поколениям служил этот семейный очаг? Теперь не встретить гнездо степного орла в подобной обстановке, разве только в очень глухой местности. Численность этих крупных птиц резко уменьшилась: многие погибли от выстрелов шальных охотников, еще больше лишилось жизни на линиях высоковольт-

тих передач в попытках подняться на их опорах, да и добычи стало мало.

Возле гнезда, на голой площадке, мы и останавливаемся на обед, а я отправляюсь побродить по степи в надежде встретить что-либо интересное.

Через час на биваке взмывает белая тряпка. Это условный знак: пора идти обедать. Мои предприимчивые помощники воспользовались гнездом орла и сожгли все сохранившиеся в нем веточки. Я высказываю недовольство: вдруг найдутся степные орлы и захотят обосноваться на этом месте вновь.

- В следующий раз тоже надо искать бивак возле старого гнезда, - вполне серьезно выносит суждение Алексей. По крайней мере не надо искать топлива.

КАЛМАГАБЕЛЬ

Горы Калмагабель видны издали на горизонте большим гладким пологим возвышением, выделяясь среди мелких сопот вушительными размерами. Мы добрались до этой горы, когда день уже был на исходе. На склонах горы и по вершинам окружающих ее холмов всюду виднелись причудливыми

нагромождениями выходы гранита. На изломе он был мелкозернистый и светло-розовый. Но степные ветры отполировали камни, а жаркое солнце придавало им своеобразную красно-черную окраску. Когда-то постигавшие гору землетрясения раздробили монолитные граниты на куски и слегка разбросали их по склонам. На почве, усыпанной мелким щебнем, росли редкие растения: изень, типчак, полыни да солянка анабазис. В бессточных понижениях между холмами яркими и зелеными пятнами выделялись луговые травы. Покров растений здесь оказался нетронутый домашними животными.

Сейчас поселение в мелко-сопочниках Центрального Казахстана редкое. Для жизни человека он мало благоприятен. Зимой здесь дуют сильные ветры, царят морозы, выпадают снега. Содержание животных большей частью стойловое, а летом мало воды и удобий для сенокосов.

Черные каменные глыбы и крупно-обломочные россыпи промоздятся только местами, на светлой горе они видны хорошо издали, и я, предчувствуя богатые находки наскальных рисунков, торопясь что-либо повидать до захода солнца, отправляюсь на поиски.

Вот и первая гряда почерневших глыб гранита. Многие из них в хаотическом нагромождении образуют фигуры фантастических чудовищ или причудливых строений. С напряжением всматриваюсь в камни, но отвлекает большая муха длиной около двух сантиметров. Она настойчиво меня преследует. У нее тело, и особенно ноги, покрыты длинными и крепкими черными щетинками, придающими насекомому облик крошечного мохнатого зверька, а на лбу красуется яркое серебристое пятно. Давно знаком с этой мухой, но удосужился ее изловить, чтобы узнать латинское название. Хотя, признаюсь, жалко губить это своеобразное, заметное и к тому же редкое создание. Возможно, эта муха еще неизвестна ученым. Почему-то чаще всего ее встречаю в горах пустыни. Может быть, она привлекала к диким козам и баранам, слизывает с их тела пот. Иногда встречал ее и на цветах, лакомящуюся нектаром. Очень она смела, даже, пожалуй, больше павна и беспечна, без страха садится на руки, на голову. Но не назойлива. Одна из таких мух, посетившая наш бивак на Балхаше, тотчас же поплатилась жизнью за свою доверчивость к человеку: Алексей

легко и не без явного удовольствия убил ее щелчком.

Муха-вельканша не жалеет со мною расставаться. Потом появляется такая же другая, и вскоре меня сопровождает эскорт из пяти мух. Усиленно отмахиваюсь от них, но мои мохнатые мучительницы не желают расставаться со мною, чем-то я им понравился. Тогда догадываясь в чем дело, снимаю с себя рубашку и, размахивая ею, спешу к гряде черных гранитов. Мухи отлетают от меня.

Вот они первые черные с гладкой поверхностью камни, такие удобные, чтобы на них рисовать. Но камни немые, нет на них рисунков. Если рисунков нет в таком отличном месте, то вряд ли богат ими Саякземель. Все же с трудом нахожу изображение архара и волка. Они старые, линии рисунков уже покрылись темно-коричневым налетом. Потом вижу очень свежий рисунок верблюда. Он точен и реалистичен. Может быть, этой гряде не посчастливилось, случайно ее не постигло внимание древнего посетителя горы? С ничтожным уловом возвращаюсь к машине. И все же решил: объедем вокруг эти горы, поищем наскальные рисунки со всех ее сторон.

Рассказываю своим спутникам, как меня преследовали мухи-великаны и предлагаю догадаться о причине их столь странного поведения.

- Причина кроется в каких-то биотоках, - говорит Алексей. - При трехфазном токе линейное сопротивление не равно фазному сопротивлению, а в трехфазном токе линейные и фазные токи равны. У вас и у мух оказались одинаковые токи, вот они и крутились возле!

- Ну, знаешь, нагородил ты такого, что не разберешься! - возражает Зоя. - Мне кажется, дело в очках. Они поблескивали, как вода, мухам же хотелось пить. На стекло даже обманутое слепши садятся.

- Но мухи не обращали внимания на мои очки, - поясняю я.

Долго мои спутники строили разные предположения.

Секрет же открывался просто. Моя яркая в цветочках рубашка невольно привлекла внимание этих насекомых, желающих полакомиться нектаром. Цветов же вокруг нигде не было.

НЕОБЫЧНОЕ ИЗОБИЛИЕ

Не успел, как следует, ознакомиться с горами, как внимание привлекло неожиданное

пятно сочной зеленой растительности. Здесь оказался небольшой родничок, сочившийся из-под скал. Он образовал слегка заболоченную мочажину. Вблизи воды цвели сиреневый кермек, пламенел красными ягодами небольшой куст шиповника. Вблизи от мочажинки, среди таволги, высился аккуратный большой стожок, тщательно уложенный по всем правилам сенокосения. Он чист, пел, пикием не тронут, хотя и стар, и, видимо, был заготовлен еще прошлой осенью. Узнаю в нем работу грызуна сенокоски или, как ее еще называют, пищухи, за манеру перекликаться друг с другом короткими сигналами. Хозяйка стожка, видимо, погибла и не от бескормицы, а от врагов - хорька, лисицы, волка или от щитомордника.

Продолжая путь, заметил на своей рубашке несколько клещей. Едва их собрал, как обнаружил одного на шее, другого уже на голове. Пришлось тщательно приняться за осмотр одежды. Мой улов оказался неожиданно обильным. Более полутора десятка клещей ползало на мне. Все клещи - самцы и самки, они легко различаются друг от друга, принадлежали к семейству иксодовых клещей и широко распространены в

лесах виду Дермацентор сильварум. Он один из переносчиков тяжелого заболевания - клещевого энцефалита. Как этот обитатель древесно-кустарниковой растительности мог прижиться среди обширных просторов глинисто-каменной пустыни, привык к необычной обстановке в этом крошечном мирке зелени? Ведь самки, напившись крови, упав на землю, кладет яйца, из которых выходят личинки - крошечные клещики. Они падают на мелких животных, насекомых, мышей, тоже напиваются крови и, отпав, превращаются в другую стадию - нимфы. Те, избрав уже более крупных животных, тоже напиваются крови и превращаются во взрослых - паразитов уже крупных животных. За время развития на трех хозяевах они могут оказаться далеко от зеленой спасительной ложбинки. В пустыне сухой и жаркой они жить не могут.

Возможно, клещ этот оказался здесь, когда царил влажный климат, и прижился, напившись падать с хозяев только тогда, когда те приходили к родничку напиться воды, и тут находил свою спасительную ложбинку.

Если они существуют здесь очень давно, возможно, возник

уже новый вид или подвид. Систематики могут это сказать легко.

Возвращаясь к машине, я собрал с себя еще десяток клещей. Мой улов продолжался в машине. Клещи неожиданно появлялись один за другим, переползая с меня на моих спутников. Всего мы собрали рекордное их число - около сотни. Доставалось от кровососов звярям, посещавшим этот родничок!

О ЧЕМ РАССКАЗАЛИ КАМНИ

На следующий день заглядываем в первое же на нашем пути ущелье. Здесь много загоревших камней и там, где из-под нависшего над долиной куста пробивается родничок, оказалось много рисунков. Видимо, когда-то в этом месте существовал значительно более многоводный ручей. Возле него останавливались кочевники, ставили свои легкие походные жилища, пасли скот, трудились, охотились и... рисовали на камнях.

И еще одно хорошее ущелье нашлось в этих горах. Оно оказалось широким, с обширным лугом и ручейком. Здесь, паверное, жили люди. Они оставили так много рисунков, что

нам, чтобы все разыскать, пометить, разглядеть, а мне зарисовать, следует потратить немало времени.

Весь день мы трудимся, не покладая рук, постепенно продвигаясь по широкому ущелью на запад к его верховью. Вечером я сортирую рисунки. В общем, между рисунками урочища Тюлькули и Каалмакэмеля много общего.

- Начнем осмотр рисунков снова с козлов! - предлагаю я своим помощникам, подразумевая под этим словом часто нередко неразличаемых горных баранов и горных козлов. Некоторые из них изящны и выразительны (Фигура 36, рис.3-6), тогда как другие грубоваты, безыскусны или очень схематичны (Фигура 36, рис.7). Об этом можно судить хотя бы по рисунку 4 (Фигура 36, рис.4), где тщательно изображен баран и грубовато козел.

Кстати, немного странно видеть это гордое животное стреноженным, ноги его связаны, как будто путами (Фигура 36, рис.9). Но об этом позже. Большинство рисунков, изображающих козлов, я не перерисовывал. Их очень много.

Трудно сказать, какой смысл заложен в рисунке 8 (Фигура 36, рис.8). Подобный сю-

жет не единичен и встречается мною ранее. Он что-то явно означает, но будет ли разгадан?

Рисунок 10 (Фигура 37, рис.10) с множеством рогов козла повторяется дважды (Фигура 43, рис. 61). У одного козла шесть рогов, у другого - пять. Здесь же козел с путами на ногах, на козле на обеих ногах какие-то кружки (Фигура 43, рис.61). Может быть, капканы или петли? Здесь же два человека с распростертыми в стороны руками. Эти рисунки, вероятно, принадлежат разным исполнителям и в разное время.

На рисунке 13 рога козла тесно соприкасаются с тазом или даже срослись с ним (Фигура 37, рис.13). Он также загадочен и тоже нередок в других местах. Рядом с животным - "колесо", изображения которого с вариациями по числу спиц очень часты всюду. Предполагается, что это символ солнца. Этот же сюжет повторяется на рисунке 90 (Фигура 46, рис.90). Только здесь не козел, а баран, и рога его срослись с плечевым поясом, а колесо - с пятью асимметрично расположенными спицами. Рисунки козлов и баранов и удивительно реалистичные, и легко различимы по рогам: у барана они закручены как бы на полтора круга.

Нередки и изображения верблюда, иногда они схематичны, карикатурны, но всегда подчеркивают характерные черты корабля пустыни (Фигура 37, рис.16; Фигура 38, рис.20).

Очень удивили лошади, четко отличающиеся от изображения обыкновенной лошади (Фигура 38, рис.24-26). У них мощная голова с выдающимися скулами, большая челка, нависающая спереди над головой. Это не лошадь Пржевальского и не тарпан, а вид, вымерший и еще не опознанный палеонтологами. На таких лошадях нет верховых. Скорее всего, это особенный и ныне исчезнувший вид. Его я предлагаю назвать крупноголовой лошадью. (Впоследствии я встречал точно такие же изображения лошадей в обширной пустыне Бетпак-Дала). Ее костные остатки не известны палеонтологам. Систематика лошадей не разработана, очевидно, лишь потому, что человек создавал множество различных помесей.

Художник не поленился изобразить большой табун лошадей во главе с крупным вожак (Фигура 40, рис.33). Лошади все движутся в одну сторону, как и полагается табуну. Но почему среди лошадей много стреноженных? Непонятно.

Табун сопровождает фигура человека, как будто женщины. Сложен этот рисунок!

Две крупноголовые лошади (Фигура 38, рис.24) уперлись друг в друга головами. Быть может, так изображена картина типичного для этого вида поединка соперничающих жеребцов. На рисунке 31 (Фигура 39, рис.31) рядом с изображением жеребца крупноголовой лошади - типичное балло: два камня, соединенные веревкой. Это орудие охоты широко употреблялось прежде народами как Америки, так и Евразии, то есть на различных континентах. Балло изображено на многих рисунках, ранее мною пайденных. Оно было неправильно определено алма-атинскими археологами, они называли это ранее широко применявшееся орудие охоты "очковидными знаками".

Облик крупноголовой с большой челкой лошади настолько чисток и характерен, что, если это было доступно по правилам систематики, эту лошадь можно было бы определить как новый, ранее не известный, ныне вымерший вид *Equus macrocephalis*.

По-видимому, эта особенность лошади была выработана длительным приспособлением к образу жизни в обширных сте-

пях Центрального Казахстана в те времена, когда климат отличался от современного изобилием дождей. Зимой этой лошади приходилось тебеневать, чтобы добраться до растений, разгребая снег не только копытами, но и раздвигая сугробы головою.

Изображений лошадей, вообще, здесь, так же, как и в Тюлькули, больше, чем на юге и юго-востоке Казахстана.

Редки рисунки оленей (Фигура 40, рис.34). Один из рисунков необычен длинным закрученным кверху хвостиком (Фигура 41, рис.41). По всей вероятности, он подрисован иноземцем. Только один нашелся рисунок длиннорогой коровы (Фигура 40, рис.35). Но это не тур, так как длинные рога закручены над спиной. Этот рисунок сочетается с фигуркой человека, широко распростершего в стороны руки.

Обитал здесь также и лось, и на него тоже охотился человек, вооруженный луком (Фигура 40, рис.36).

Целая стая волков шествует в одном направлении, очевидно, собравшись на загонную охоту (Фигура 40, рис.39). Собака - верный друг человека, обыденна в сценах охоты (Фигура 41, рис.40). Интересны собаки

очень крупные. Здесь они терзают большоголовую лошадь (Фигура 41, рис.42), схватив ее как спереди, так и сзади. Столь же крупная собака, размером с лошадь, напала на крупноголовую лошадь. Слева - всадник (Фигура 46, рис.86). О таких громадных собаках упоминает Марко Поло. Их, без сомнения, создал отбором человек. Самостоятельно в природе они существовать не могли, так как быстро бы уничтожили свою добычу и вымерли. Такая собака была очень добычливой в условиях изобилия животного мира.

Немного длинновата на ногах и суховата фигура медведя (Фигура 41, рис.45), хотя тупая морда, короткий и едва заметный хвост вполне реалистичны. В особенно влажные годы этот лесной зверь мог сюда пожаловать. Очень старое это изображение и совершенно загорело.

Змеям, достаточно почтенным существам, поскольку ядовиты и опасны для человека, посвящено два рисунка (Фигура 41, рис.46, 47). На первом рисунке козел с прямыми длинными рогами. Подобные рисунки козлов редки. Кто это, сказать трудно. На втором рисунке змея сочетается с каким-то крупным животным и че-

ловеком с распростертыми руками.

Рисунки 98, 99, 100, 101 (Фигура 48) порадовали больше всего. Вглядитесь в них. Это Дикий, ошибочно называемый "Снежным", человек! По величайшему недоразумению, тупому, если не сказать, дурацкому скепсису некоторых зоологов, его существование все еще подвергают сомнению, а за ними, подхватив это поверхностное суждение, последовали и журналисты. Между тем его отлично знали прежде. Только в одной России было зарегистрировано около тысячи, если не более, с ним встреч. При этом его всегда рисуют одинаково: большим, волосатым, с глубоко заправшими глазами, звериного облика, мощного телосложения, с невыраженной шеей и головой с заостренным темечком. Его убивали, держали в неволе, китайцы ценили его тело, придавая ему целительное значение при употреблении в пищу. Он был широко распространен не только в Евразии, но и на американском континенте. Его многочисленные следы находят и сейчас в диких местах с сохранившейся природой.

Изображения Дикого человека, не замеченные археологами, я опознал не раз на паскаль-

ных рисунках и недавно опубликовал книжку под названием "Трагедия Дикого человека" (Алма-Ата, 1991).

На рисунках он обычно изображен в позе нападения на животное. Очень точное изображение его на рисунке 100 (Фигура 48).

Здесь художник подчеркнул его характерные черты: конусовидную голову, невыраженную шею. Столь же интересен рисунок 101 (Фигура 48, рис.101), где дикий человек типичного мощного телосложения с конусовидной головой тащит двух женщин, в отчаянии размахивающих руками. Изобразить на камне, как дикий человек тащит свою добычу, трудно, поэтому пленение женщин символически обозначено пштыми, при этом, обратите внимание, тянущимися от головы. В краже женщин издавна обвиняли Дикого человека. Ныне, став редким, он очень осторожен и уже не совершает подобных поступки. Дикий человек представляет громадный интерес для науки, да и для практики, остается не изученным и постепенно вымирает. В последнее время к нему пробудился интерес и среди ученых. Обычно возле изображения дикого человека наносится рисунок животного, на ко-

торого он нападает, как и следует значительно меньшего размера, подчеркивая величину родича современного человека.

Рисунок 99 (Фигура 48, рис.99) - очень крупный, и рядом меньше - его лошадь и фигурка обыденного человека в ритуальной позе.

Большие размеры Дикого человека подчеркиваются на рисунке 98 (Фигура 48, рис.98), где он изображен приготовившимся напасть на крупноголовую лошадь значительно меньшего размера в сравнении с ним.

От Дикого человека следует отличать изображения мифологических великанов (Фигура 49, рис.102, 103). Как правило, у великанов на руках по три или четыре пальца и никогда - пять. У некоторых из них - хвост или сзади какой-то аморфный предмет, возвышающийся вверх. Таким же предметом обозначены андроновские жрецы. Эти детали таят в себе какой-то смысл.

На рисунке 102 (Фигура 49, рис.102) - два великана. Один из них, большой, поднял руки вверх, другой держит большеголовую лошадь. Между ними - крохотные фигурки большеголовых лошадей, а сверху - олень и женщина, распростершая в стороны руки.

Насыщен деталями рисунок 103 (Фигура 49, рис.103). В центре его расположен четырехпалый великан. Возле него - фигурки двух человек в ритуальной зороастрийской позе (подбоченившиеся), один из них сидит. Сидящим же изображена фигура небольшого размера. Она растопырила трехпалые руки. Здесь же фигурки лошадей, козла, коленопреклоненного человека.

Шайтанов немного. Вот один из рисунков (Фигура 49, рис.104). На его правой руке три пальца, на левой - все пять, но они большие и будто с когтями. На другом - трехпалый шайтан поднял вверх руки. Над ним полоса, возможно, облако.

Рисунок 59 (Фигура 45), по всей вероятности, отражает существовавший культ фаллоса, занесенный сюда из Индии во время индосакского периода, когда скифы завоевывали эту страну и якобы правили ею около ста лет в конце первого тысячелетия до новой эры. Здесь же ниже основного рисунка лучник, стреляющий с колена, и рядом с ним человек, как будто препятствующий стреляющему (Фигура 45, рис.79).

Рисунок 55 необычен (Фигура 42, рис.54, 55), так же

как и рис. 18 (Фигура 37), о них будет сказано позже.

Дальше пойдут рисунки, связанные с человеком и, как почти и все, с неразгадываемым содержанием.

Рис. 64 (Фигура 44, рис.64) - два человека в какой-то ритуальной позе над панорамой изображений различных животных.

На рис. 52 (Фигура 42, рис.52) - козел, лошади, одна из которых со странной наложенным стреноживанием. Рис. 53 (Фигура 42, рис.53) - двое животных в странном сочетании.

На рис. 56 (Фигура 43, рис.56) нагромождение на спине козла. Рис. 93, 94, 95, 96 - какие-то лабиринты (Фигура 47, рис. 93, 94, 95, 96).

На рис. 76 (Фигура 45, рис.76) стрелок из лука, обращенного наоборот, то есть тетивой от себя. Слева - олень с елочковидными рогами. Очень сложен и запутан рисунок.

В животное с необычными рогами стреляет человек (Фигура 46, рис.80). Рога его очень большие, длинные, концами цепляются за облака. Это объяснение может показаться смешным. Чтобы его пояснить, надо рассказать о многом. Ниже его человек в ритуальной позе.

Стрелки с луками изображены на рисунках 74, 76, 77, 79, 83.

Из них на рисунке 74 (Фигура 44, рис.74) выстрел направлен в погу лошади. Подобных рисунков, где стреляют в голень зверя, у меня набралось целая серия. Подобный выстрел не случаен и сделан для того, чтобы доставить раненое животное живым в поселение для принесения его в жертву.

Рис. 82 (Фигура 45, рис.82) два человека будто дерутся. Один из них схватился зубами за одежду другого.

Рис. 83 (Фигура 45, рис.83) - человек с каким-то странным предметом, будто стреляет (?), стоя на одном колене.

Рис. 84 (Фигура 45, рис.84) - радостная встреча двух человек.

Рис. 66 (Фигура 44, рис.66) - мужчина схватил оленя за переднюю ногу.

Изображения одиночных рисунков здесь, в общем, редки, может быть потому, что нанесены на небольших площадях. Чаще всего они соединены в случайные или умышленные, не лишённые определенного и скрытого от нас смысла. Изображения человека нередко сочетаются с изображениями различных животных.

Рис. 63 (Фигура 43, рис.63) сложен из двух сюжетов, справа человек держит за голову верблюда.

Рис. 92 (Фигура 47, рис.92) то же из двух сюжетов. Человек с распростертыми руками рядом с лошадьми. Слева очень странная фигура как будто относящаяся к культу фаллоса.

Рис. 62 (Фигура 43, рис.62) человек с распростертыми руками рядом с козлом и лошадью. Несоответствие их размеров дает основание предполагать или фигуру человека вне зависимости от животных, или, что мало вероятно, он очень большой. Слева от этой группы трое животных с явно длинными шеями. Подобные животные, если только здесь нет обычной утрировки, встречались мне не раз. Может быть, это какое-то исчезнувшее животное.

На рис. 69 (Фигура 44) - очень интересное изображение и по его сторонам фигурки двух детей. Возможно, женщина, рожающая близнецов.

Рис 67 (Фигура 44) - как будто содержание его понятно. К заболевшей и лежащей лошади (или корове) подошел в особом головном уборе лекарь и сует в рот животного спадобье. Над лежащим животным стоит жеребенок. Слева изобра-

жена женщина, поднимая в отчаянии вверх руки.

Рис. 12 (Фигура 37) сильно утрирован или, как говорят археологи, "стилизован" изображение козла с телятком. Это изображение, из серии ранее найденных рисунков, условно названных мною "зоомадоннами".

Рисунки 43-44 (Фигура 41) необычны среди всех рисунков, на них изображен хищный зверь - тигр или барс. Оба рисунка располагаются недалеко друг от друга. Рисунки явно принадлежат далекому чужеземцу, как мне кажется, из Дальнего Востока. Находка этого рисунка очень многозначительна и заставляет думать, что подавляющее большинство петроглифов здесь принадлежит торговцам Великого Шелкового Пути.

Рисунок 72 (Фигура 44) - тщательно выписанный орнамент какого-то особенного древнего толка. Аналогичного рисунка, как мне кажется, еще никто не находил. Ниже и слева изображена типичнейшая мишень, подробно мною описанная по многим находкам и в уже упомянутой ранее моей книге о наскальных рисунках Семиречья. Обычно они или расстреливались камнями, бросаемыми с небольшого расстояния, так

как непосредственно уничтожать камнем в руке не полагалось из-за суеверия, или расстреливались из лука, или к ним подрисовывался лучник, стреляющий в рисунок, или подвергался унижению подрисовыванием всадников, да еще и с пагайкой. Обычно такому расстрелу и унижению подвергались рисунки, чем-то почтенные среди коренных народов.

- Ну и наконец, - говорю я своим слушателям, помогавшим мне находками рисунков, - покажу вам два совершенно особенных рисунка, которые я нашел, идя по дну ущелья. Они здесь, под номером 18 (Фигура 37) и 55 (Фигура 42). Вы, конечно, не догадаетесь. Это типичные динозавры, точнее, рядом с козлом располагается вычурное животное с массивным телом, коротким хвостом и очень длинной шеей. Ее венчает крохотная головка. Напомню, динозавры вымерли очень давно, в конце мелового периода около 65 миллионов лет назад, но когда-то были широко распространены и многочисленны. По окаменевшим остаткам их насчитывают около шестисот видов. Кроме Антарктиды они населяли все материки, по больше всего их обитало на территории Средней Азии. Размеры

тела динозавров различны, от 20 сантиметров до 30 метров. Рисунок пашей находки очень характерен длинной шеей, маленькой головкой и массивным телом на коротких ногах. Подобных динозавров известно только два вида, обитавших на севере Американского континента. Динозавр паш отличается от этих двух своих родственников только коротким хвостом, так что может быть назван третьим видом диплодоков. Он, может быть, в какой-то мере напоминает легендарную Несси из швейцарского озера. Очень похож на этот рисунок другой, на котором животное изображено с раскрытой пастью. Оба рисунка расположены недалеко друг от друга. Предвижу, моя находка представляет собою сенсацию для зоологии и поэтому вызовет немало сомнений. Он был нанесен не менее четырех тысяч лет тому назад. Так что, несмотря на то, что эта когда-то процветавшая группа пресмыкающихся вымерла много лет тому назад, возможно кое-где отдельные особи дожили до недавнего времени. Но факты, как говорят, упрямая вещь. В легендарную Несси очень долго не верили. Понадобилось много времени, когда, наконец, снарядили оснащенную специальной аппара-

ратурой экспедицию. К сожалению, она запоздала. Несси к этому времени, очевидно, умерла и от нее, занесенной донными осадками, ничего не осталось.

Возможно, многое скопированное мною имеет не столь простой, как кажется, смысл, понять который трудно и, по-видимому, вряд ли возможно. Но, кто знает! Человеческая мысль пытлива, и нет ничего тайного, что бы ни стало явным!

К большому сожалению, мы лишены возможности обследовать наскальные рисунки этого урочища, здесь можно найти еще много нового, и я утешаю себя тем, что, может быть, удастся еще побывать здесь.

Прощаясь с горами Саякэ-меля, думаю об одной, кажущейся неразрешимой загадке. Здесь совершенно нет изображений горного барана-архара, всюду встречающегося в южной части территории Казахстана одновременно с горным козлом. Изображение этого зверя с так характерно загнутыми в полтора оборота рогами - деталь, неизменно подчеркиваемая древними ваятелями наскального искусства. Если только мое утверждение верно, что эти животные, наряду с оленем, служили памятным знаком об исчезнувшем человеке, то напрашивается-

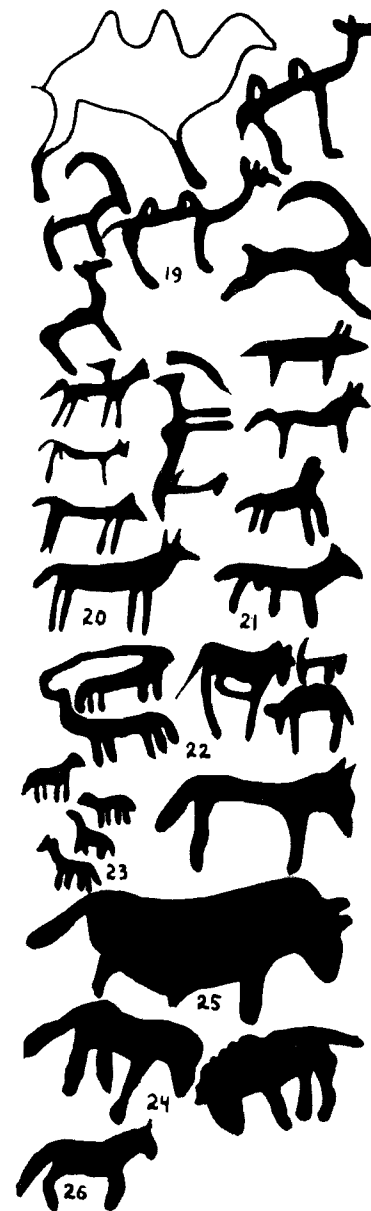
Наскальные рисунки урочища Калмагабель

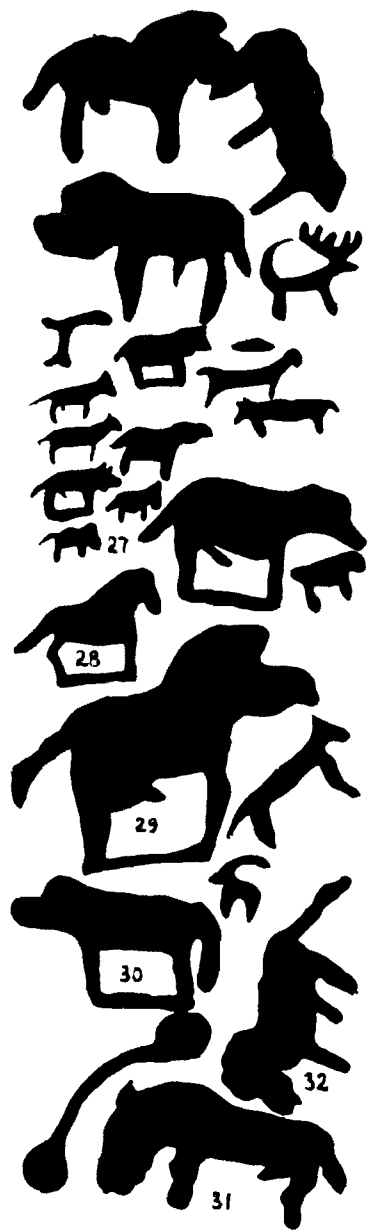
Фигура 36

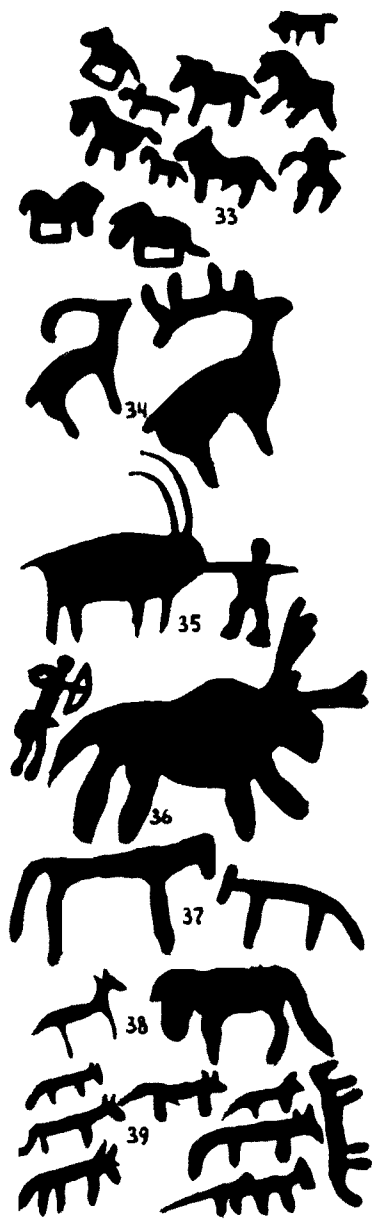
Фигура 37

Фигура 38

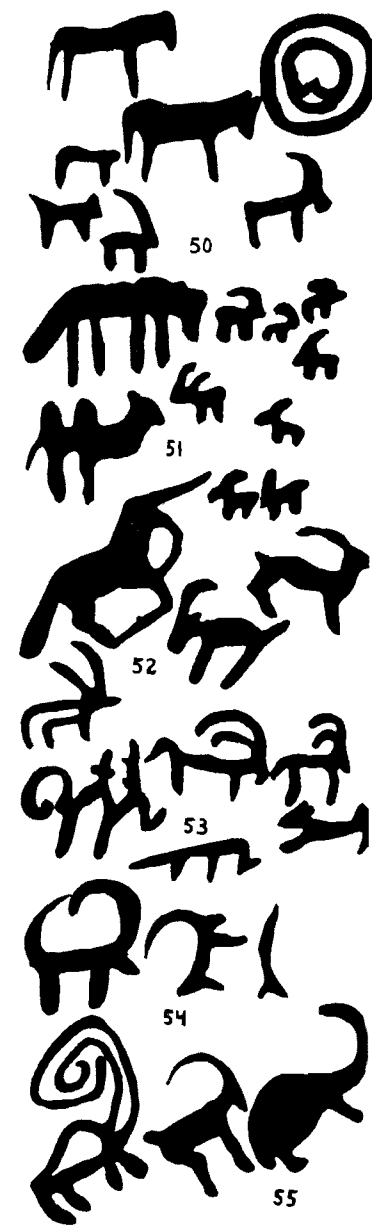
Фигура 39

Фигура 40

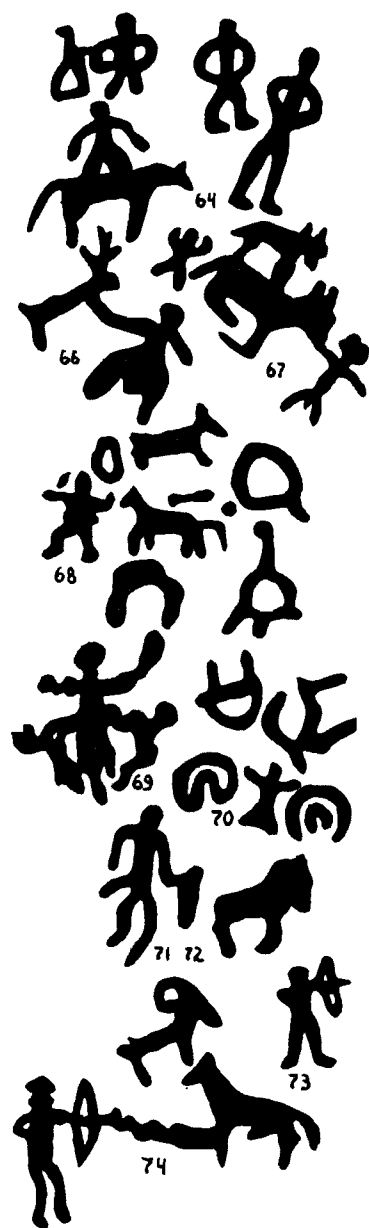
Фигура 41

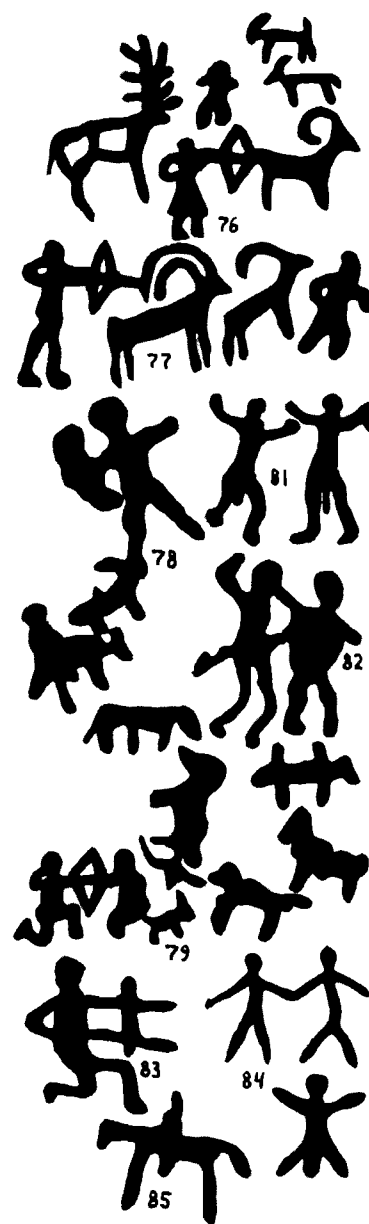
Фигура 42

Фигура 43

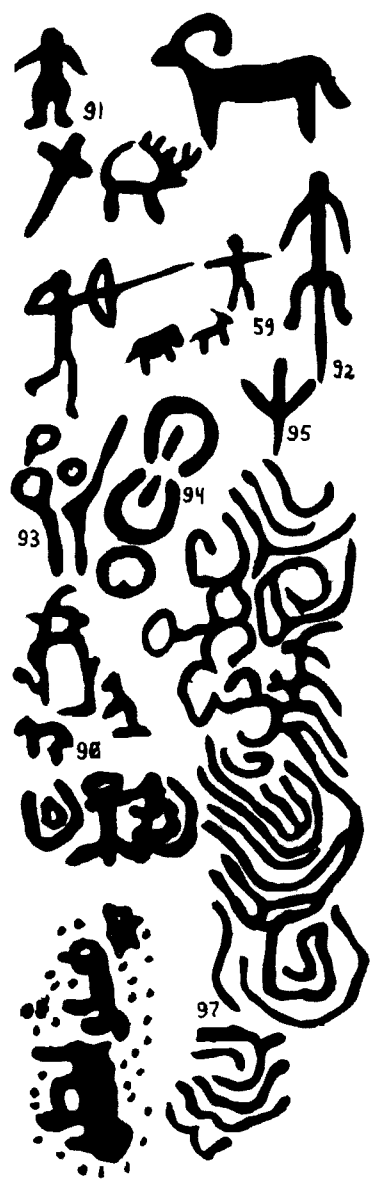
Фигура 44

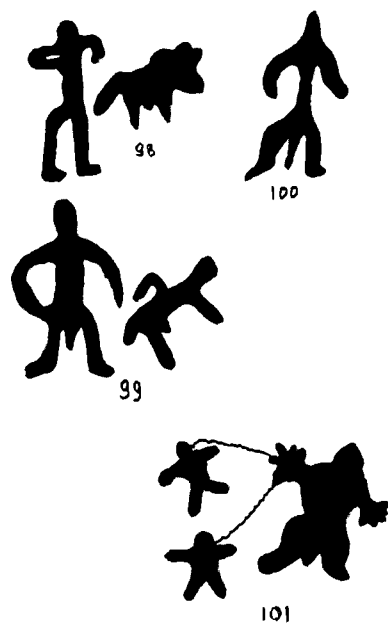
Фигура 45

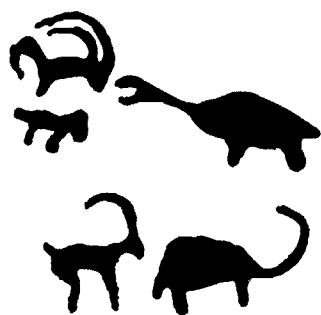
Фигура 46

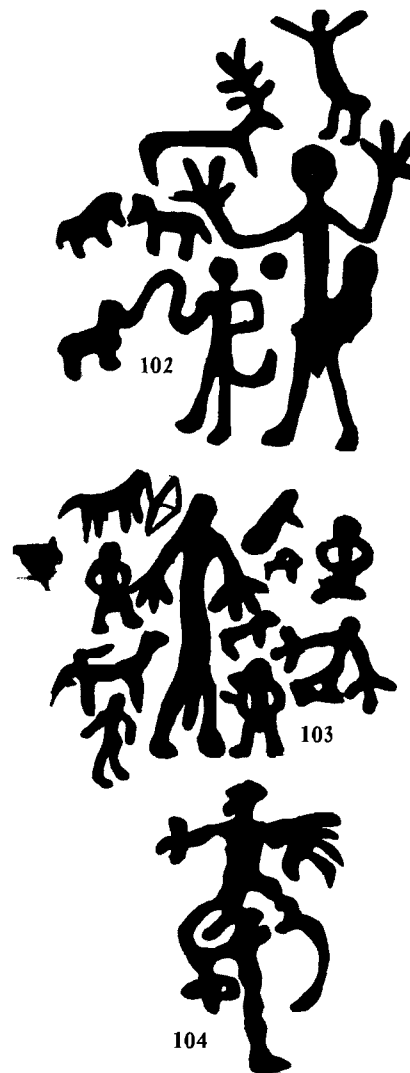
Фигура 47

Фигура 48

Рисунки динозавров
урочища
Калмагабель

Фигура 49

ся предположение, что здесь ранее, до новой эры, была совсем другая природа и царили леса. Рисунки оленей и лосей подтверждают это. Даже сто лет тому назад Поздеев, чиновник генерал-губернатора города Верного (ныне Алматы), описывая поездку в Капчагайское ущелье, на возвышенности Карой, следующей сразу же за современным мостом через реку Или, упоминает заросли деревьев и изобилие животного мира в этой, ныне совершенно голой лессово-каменистой пустыне. Это одна причина отсутствия изображения архара. Другая - вероятно, здесь обитавшее племя андроновцев в силу традиций не употребляло изображение архара для поминального знака по умершим соплеменникам.

Сейчас полупустынные и степные пологие горы урочища - типичное место обитания архара. Его здесь было немало, но усилиями браконьеров он почти полностью истреблен, и от него остались свежие рога и очень редкий старый помет.

Коротка жизнь человека, чтобы запомнить лик меняющейся природы.

КТО ЖИВЕТ ПОД КАМНЯМИ

После многочисленных хождений по горам в поисках рисунков спалось плохо. Ночью вблизи от машины слышались громкие звуки стрекотания, и я пожалел, что не взял с собой в поездку фонарь. Таинственное животное несколько раз заводило свою несложную песенку. Потом она донеслась издалека и затихла. Утром в умывальник, в котором оставалась вода, забралось множество сереньких бабочек-совок. Страдая от жажды, они, видимо, отлично развитым чутьем разыскивали воду. Многие из бабочек казались погибшими. Но на капоте машины, куда я выложил утопленниц, обсушившись и обогревшись на солнце, ожили и шустро разлетелись во все стороны.

В поисках ночного солиста я стал переворачивать камни и неожиданно под одним из них увидал скорпиона. Здесь его находка была не совсем обычной, так как северной границей распространения этого паукообразного считается северный берег Балхаша, от которого мы находились не менее чем в полутора километ-

рах, фактически за пределами Средней Азии. Потом из-под камня выскочила маленькая и очень изящная ящерица. Ее темно-коричневое тельце было испещрено множеством желтеньких пятен, будто солнечными бликами. Плещицу мы водворили в полулитровую стеклянную баночку и вскоре возле нее обнаружили такую же вторую ящерицу. Неужели она примчалась к своей товарке? И эта ящерица была изловлена и посажена к первой. Но вскоре она заскучала и погибла.

Алексей без тени раскаяния признался, что эту ящерицу он примял, когда ловил. Поиски ящериц его заинтересовали, и он перевернул множество камней, но, как оказалось, для того, чтобы найти змею. Ему очень хотелось поймать змею. Из нее он собирался изготовить какой-то особенный браслет. К счастью, осуществить свою затею он не смог: возле бивака змей не оказалось. Я же под камнем нашел ядовитого паука каракурта с одним единственным коконом. Найдка тоже была необычной. Каракурт - житель знойных пустынь, населяет всю Среднюю Азию и, как я ранее был убежден, далее северных

берегов Балхаша не проникает. Паучок-каракурт мог свободно залететь сюда на паутинке, и дело, конечно, не в состоянии, а в условиях жизни. Здесь совсем другой ландшафт, другая климатическая обстановка. Каракурта водворили в проволочный садочек, он поехал с нами путешествовать. Поездка ему не помеха, он превосходно себя чувствовал в неволе и после нескольких, преподнесенных ему кобылок, наевшись, спел два кокона, проделав это сложное и ответственное дело ночью в спокойной обстановке. Алексей все время порывался убить каракурта, как он выразился, "просто ради интереса".

Мы показали двум подехавшим к нам откуда-то издалека чабанам каракурта и скорпиона. Они впервые увидали их в жизни и были убеждены, что в этой местности не живет ни тот, ни другой.

Попрощались с горами и поехали на запад, к далекому селению Актогай, где я собирался поискать таинственные курганы с грядками или, как их еще называют, курганы с усами. С этими курганами у меня были связаны давние и сложные дела.

ТУРКЕСТАНСКАЯ ЗЛАТОГУЗКА

Темные тучи, висевшие на западе, далекие раскаты грома и отблески молний постепенно приблизились к нам, пролились сильным ливнем и испортили дороги. Бесконечно меняю скорость машины, манипулирую демультипликатором, виляю между лужами, кручу руль машины, проскакиваю трудные участки дороги.

Перед нами обширная равнина, и только по горизонту видны далекие холмы да низенькие горы. В одном месте коварный солончак схватил нашу машину капканом, и ох, как нелегко ее вытаскивать. Кое-как выбираемся на сухое место и, заехав за ближайший холм, становимся на бивак. В темноте летают какие-то белые бабочки, но после тяжелого пути нет сил узнать, кто они такие.

Рано утром вижу рядом с палаткой, на кустиках таволги, белых ярких бабочек. На их крыльях по несколько маленьких черных и желтых пятен, спинка в длинных белых волосках. Сразу узнал бабочку златогузку Эупроктис каргалика, одного из серьезнейших вредителей леса. Но здесь она,

по-видимому, немногочисленна и живет тысячелетия в степи только на одной таволге, не привлекая внимания, и, возможно, стала отличаться от своей родственницы, пастоящей жительницы леса. Бабочки совершенно неподвижны, но заняты важным делом. Не спеша, они откладывают яички, постепенно покрывая их снаружи густыми золотистыми волосками, снятыми со своего брюшка. Зачем теперь они бабочке, когда вскоре конец жизни? Кое-где на ветвях видны только одни эти пушистые комочки яичек светло-желтого цвета. Их родительницы, закончив заботу продолжения потомства, погибли, упали на землю.

Иногда бабочки собираются вместе большими скоплениями, и тогда некоторые из них надстраивают свои кладки яиц над уже изготовленными ранее. Самцов мало, вероятно, отлетались, погибли. Они такие же белоснежные, немного меньше самок, но брюшко

тонкое, стройное и на кончике тоже с небольшим пучком золотистых волосков. Усики у самцов желтые, перистые и представляют собою сложнейшее образование. Они - важный чувствительный орган для поисков самок. Самцы его тщательно оберегают и днем во время бездействия прячут под крылья.

Срезаю веточку с бабочками, втыкаю в землю (так она будет меньше колебаться от ветра) и принимаюсь фотографировать. Бабочек не беспокоят мои манипуляции, не пытаются спастись, прекращать яйцекладку. Они несъедобны, ядовиты, поэтому одеты в такую белоснежную мантию, хорошо и издалека заметную среди темной зелени. Ни одна птица их не тронет, ни один зверь к ним не прикоснется, никому они не нужны. А если кто и тронет, то запомнит на всю жизнь. Неуязвимость сделала их такими безразличными и равнодушными к возможной опасности.

*****

В СТРАНЕ КАМЕННЫХ КУРГАНОВ

НЕПОГОДА

Непогода нас, привыкших к жаре и солнцу, продолжает мучить. Что-то неладное случилось с нею. Уже несколько дней мы не видим столь обыкновенного для юга свободного от облаков синего неба. Всюду разгуливают темные тучи, кое-где от них тянутся полосы дождя. К вечеру тучи спускаются, доносятся раскаты грома, сверкают молнии, льет дождь. В небольшом понижении в зеленой ложбинке с маленьким, но очень густым леском из ив остановились на обед да застряли. Лопнул коренной лист задней рессоры - обыденнейшая неприятность и последствие перегрузки машины и езды по проселочным дорогам.

Всю ночь долгий и нудный дождь звучал о натянутый над пологими тент, как по деке музыкального инструмента. Ночью думалось о размокших степных дорогах и скользкой их поверхности и о том, как

будет буксовать машина. Рядом с биваком металлическим, похожим на птичий голоском кричала маленькая пищуха Охотона цуссила. Видимо, она страдала от одиночества, так как ей никто не отвечал. Алексей вздыхал, проклинал пищуху и прозился ей отомстить за потревоженную тишину.

Едва забрезжил рассвет, как в густых тальниковых зарослях расшумелись крошечные славки. Они оживленно шмыгали по веточкам, разыскивая еду: дождь им не был помехой. К утру пищуха замолкла, и Алексей не смог расправиться с крошечным зверьком, не зная как его разыскать. Зато увидал большую зеленую ящерицу и, сломя голову, помчался за нею. Но ящерица оказалась умелой, и погоня окончилась ничем.

- Зачем тебе понадобилась ящерица? - допытывалась Зоя

- Хотел показать фокус. Если в рот ей засунуть папироску, будет курить, вдыхать

и выдыхать дым. Пацанами мы всегда так делали.

- Ну, знаешь, не нужны нам такие фокусы! - возмутилась Зоя.

По этому поводу я тоже выразил протест, объяснив недопустимость подобных проделок, и тем самым поверг Алексея в уныние.

- Неужели вы в детстве не делали такого, скучное оно было у вас! - искренне заявил он.

Дождь не перестает, мы сидим под тентом, с тоскою пережидая непогоду, поеживаясь от сырости, и я чувствую, что мои спутники загрузили по дому и домашнему уюту. Не каждый способен променять привычную обстановку жизни в городе на полевую, неизбежно связанную с трудностями и неудобствами. Когда же дождь прекратился, занялись ремонтом рессоры и, довольные намучавшись и закончив работу, с великой радостью встретили голубые просветы на сером небе и проглянувшее через них солнце. Путь наш, однако, был недолог через обширные пространства, поросшие типчаком да таволгой: до конца дня оставалось совсем немного времени. К вечеру же вновь затянуло небо тучами, и

едва мы натянули тент, как по нему застучали капли дождя.

Ладно, как-нибудь переживем скучное ненастье, лишь бы заснуть и забыться сном. Наконец, на нашем пути - отмеченное на карте автомобильных дорог поселение Аиртас, а за ним обширнейшие равнины и опять полное безлюдье на добрую сотню километров, могущее разместить на своей площади несколько крупных городов. Типчак, полынь и куртинки пожелтевшей от зноя таволги покрывают этот однообразный ландшафт. Горизонт очерчен синими холмами мелкосопочника, но дорога не желает к ним приближаться. И нет нигде ни села, ни юрты, ни кургана. Долог и утомителен наш путь к далекому районному селу Актогаю.

Но вот кончились равнины, и дорога пошла через низкие горки. В одном месте у подножия холма вижу группу сложенных из камней курганов. Они резко выделяются на светлом фоне пустыни и поросли кустарниками. С удивлением узнаю в растении терескен. Давно на нашем пути исчезло это растение юга, а здесь каким-то чудом сохранилось, прижилось на древнем кургане, и не одно, а вместе

со своим захребетником, крошечным комариком галлицей, образующимся на листьях галлы. Видимо, когда-то растительность степей была иной, здесь рос во множестве и терескен, а теперь исчез, сохранившись крохотными пятнышками на курганах. В скважистой почве курганов с камнями, дольше удерживающими влагу, он находил условия жизни. И далее стали попадаться курганы.

Привлекла внимание и заставила остановиться группа из четырех курганов. Три из них расположены легким полукругом, четвертый же находится в стороне от них к западу. От этого четвертого кургана шла едва заметная дорожка из погруженных в почву камней. Мелькнула мысль: не представляют ли собой эти курганы одновременно простейший астрономический прибор для определения дней солнцестояний и равноденствий? Аналогичное простое сооружение я находил и изучил в горах Анрахай, а также опубликовал об этом открытии статью в научном журнале. Устанавливаю буссоль на четвертый курган и замеряю азимуты. Летнее солнцестояние - $41=58$, осеннее и весеннее

равноденствие $42=90$, зимнее солнцестояние $43=137$. Перед курганами на горизонте расположены невысокие горы. Солнце из-за них появляется с запазданием, кроме того, здесь магнитное склонение около 6 градусов. Так что мое предположение о назначении всего этого простейшего сооружения верное. Здесь проще определение солнцестояний и равноденствий замерять не на восток, а на запад.

Вблизи от кургана 4 расположена четырехугольная площадка из камней. Края ее сложены из глубоко погруженных в землю вертикальных гранитных плит. По-видимому, эта площадка не случайна и служила для исполнения какого-то ритуала. Подобные четырехугольные площадки я встречал часто в Семиречье, возле сакских курганов, датированных 3-4 веками до новой эры. Интересно, содержат ли эти курганы какие-либо захоронения и предметы. Когда-нибудь их раскопают археологи.

Продолжаем путь дальше. На дорогах появились черные жаворопки. Они неохотно уступают путь нашей машине, как будто недовольные ее появлением. Но, вспорхнув, летят перед машиной, соревну-

ясь с нею в скорости и будто развлекаясь. И больше никого, мертва типчаковая степь. Громадные, лишенные воды пространства, которые мы проезжаем, вероятно, представляют собою своеобразную ловушку для влаги. Атмосферные осадки, излившись на землю, уходят в ее глубины, где-то скопаясь в водоносных горизонтах. Когда-нибудь они будут извлечены человеком, и тогда здесь возникнут поселения и станет земля служить человеку. Впрочем, возможно, курганы здесь не случайны, а где-то находился один или несколько отличных колодцев.

Неожиданно исчезла порожневшая таволга, и ее место заняла темная и колючая акация карагана. Потом вновь появилась таволга, а карагана уступила ей место. Два кустарника, будто не терпят друг друга, не уживаются рядом.

КОЛЕМБОЛЫ

Дождь испортил дороги, и мы весь день ковыляем по лужам, обходим стороною трудные места. Машина вся в грязи, страшно на нее смотреть. Временами объезды опасны, почва размокла, и, хотя на дороге в колеях вода, грунт все

же под ней тверже. Дорога отнимает все внимание, от нее нельзя оторваться и отвести взгляд. А вокруг позеленевшие степи с ковылями, кустиками таволги и на горизонте опять дальние синие горы.

Сперва не обращал внимания на то, что в левой колее дороги вода местами будто припорошена черной пылью. Слабый ветерок прибил ее темной каемкой к одному берегу. И только когда вновь проезжаю такое скопление темной пыли, до сознания доходит, что это, конечно, что-то другое. Откуда здесь пыли, да еще черной, после дождя взяться. На сердце досада: не остановился, не посмотрел, прозевал, быть может, что-то очень интересное. Но через несколько километров пути снова вижу такую же черную каемку на воде и тоже на левой колее дороги. Теперь дознаюсь, в чем дело и, раздумывая, кое о чем уже догадываюсь.

Так и есть! В воде расположилось многомиллионное скопление колембол, или, как их еще называют, ногохвосток, крошечных насекомых, серовато-черных, продолговатых, бескрылых. Они неподвижны, плавают на поверхности воды, не тонут, их тело не смачива-

ется, и легкий ветерок передвигает их с места на место. Общество колембол разноразостное, среди взрослых немало крошечной молодежи. Впрочем, кое-кто из водных илеников шевелит ножками, вздрагивает усиками. Они влаголюбивы и, судя по всему, не испытывают неудобства, оказавшись в водной стихии. Те же, кого прибило к берегу, пехотя прыгают на своих ножках-хвостиках.

Неожиданная находка порождает сразу несколько вопросов. На первый из них, почему сейчас появились колемболы, ответить просто. В сухую погоду они, явные влаголюбые, прячутся в почве, проникая в нее глубоко по трещинам. В дождь же вышли попутешествовать, сменить места обитания, расселиться. Дожди летом бывают редко, и поэтому так дружно было затеяно бродяжничество. Но почему колемболы не во всех лужах, а только местами? Вот здесь они только в одной луже, растянулись метров на тридцать. И чем еще объяснить, что скопились только на левой обочине? Насекомые-лилипуты живут скоплениями, образуя примитивные общества со своими особыми правилами пове-

дения. Самое главное в их жизни - держаться всем вместе. Иначе пельзя. Им, малюткам, разьединенным, как разыскивать себе подобных на громадных пространствах земли! Видимо, ради этого они поддерживают связь друг с другом при помощи каких-то сигналов, звуковых, обонятельных или еще других, не известных науке и особенных. Так и живут они вместе целым государством, управляемым неведомыми нам законами и, кочуя громадной армией, попали в воду этой колеи.

Жизнь колембол слабо изучена. В прошедшую дождливую ночь ветер дул поперек дороги на запад, слева по нашему пути. Видимо, крошечные насекомые сдувались ветром в колею, или они сами, подгоняемые ветром, двигались по его направлению и, попав в холодную воду, замерли. Вспоминаю: я и прежде встречал ногохвосток в лужицах после дождя. Они будто умышленно устраивали для себя длительное купание. Если бы не водяная преграда, ни за что не увидеть громадное скопление незримо обитающих на земле этих существ.

Продолжаем наш путь прямо на запад по единствен-

ной дороге через безлюдные степные просторы. Солнце щедро обогревает остывшую за ночь землю, и на чистом небе начинают появляться белые кучевые облака. Теперь я уже не пропускаю луж с ногохвостками. Они попадаются нечасто, почти через каждые два-три километра вижу припорошенные ими колеи дорог. Но теперь, обогревшись, они собираются в плотные кучки, от них поверхность воды становится пятнистой, и крохотные прыгунчики кишат, подскакивают, выбираются постепенно на берег.

Не только колемболы почтили вниманием временные водоемчики, образовавшиеся в колеях дороги. Тут же в лужах бегают неторопливые мушки-береговушки, без усталости носясь в воде шустрые клопикикориксы. Как они быстро добрались сюда, в эту сухую равнину? Вся эта компания вскоре исчезнет, расселится в поисках воды, как только высохнут дороги. Лишь колемболы незримой многомиллионной армадой будут продолжать свою совместную и загадочную жизнь, обосновавшись где-нибудь в трещинах, где сохранилась сырость.

ВТОРАЯ ВЕСНА

Сильные дожди напоили сухую землю северной пустыни. Возле дорог появились озерки, во впадинах между холмов засияли синевой солончаки. На них образовались настоящие озерки, и на легкой ряби белоснежными пятнами засверкали крачки, а по берегам, печатая лапками строчки следов, засеяли кулички. Как они быстро развели эти временные водоемчики и как охотно на них переселились! Видимо, в них ожили многочисленные насекомые и черви, представляющие для птиц лакомую добычу. На лужи с чистой водой птицы не слетаются. Прилетели утки-отайки и, зычно покричав, унеслись дальше. Несчастливая, порывевшая от жары и сухости таволга кое-где ожила и (вот диво!) покрылась белыми цветочками. Обманулась дождями, приняла их за наступление весны. Там, где прошли обильные дожди, зазеленела пустыня, переживая вторую весну, тем более что настоящая была такой сухой и неприветливой.

Рано утром наша машина необычна: вся покрылась крохотными жучками-пестрячками. Видимо, на них тоже ока-

зали влияние дожди. Среди ровной и однообразной пустыни жучки избрали машину местом брачных свиданий, прилетели на наш бивак. Так проще встретиться малюткам, когда вокруг нет нигде никаких ориентиров. Хожу вокруг и ищу жучков. Нет их нигде более. Те, что были вблизи, все слетелись к нам, образовав многотысячное сборище. Я не в претензии к ним, с интересом разглядываю их тельца со светлыми поперечными перевязями. Но пробуждаются мои спутники, принимаются за утренние дела и на наших визитеров сыпятся упрёки. Еще бы, Жучки забрались всюду, копошатся и в умывальнике, в мыльницах, во всех вещах, в продуктах, путаются в волосах, лезут под одежду. И в еду забрались тоже целыми кучками. Жучки - не мухи. Их не прогонишь и просто так от них не избавишься.

Солнце поднимается над равниной, и его лучи становятся горячими. Жучки - ночные жители, им не нравятся жара и яркий свет, брачные дела оставлены, все спешно ищет укрытия, заползает во всевозможные щелки. Почему-то особенно нравятся им зигзагообразные борозды протектора

шин колес. Наверное, их много укрылось и в вещах. Теперь поедут с нами путешествовать. Несколько дней непрощенные гости сопровождают нас в поездке, пока постепенно не растерялись в бескрайних степных просторах.

ЖЕЛТЫЕ ИВЫ

Машина взбегает на вершину холма, и с него открываются обширные дали светло-зеленой типчаково-польной степи и на ней - узкая темно-зеленая полоска деревьев, скрывающая речку. Издалека видно, как эта темно-зеленая полоска прерывается светло-желтыми пятнами. Что там такое? Вскоре мы подъезжаем к тихой степной речке. Оказывается, среди зарослей ивы отдельные группы деревьев нацело повреждены, мягкая и нежная зелень поверхности листьев объедена, оставшаяся часть листовой пластинки пожелтела, погибла. Это работа ивового листогрыза, небольшого ярко-синего жука. Кое-где еще видны его личинки глубоко черного цвета. Они, как и все несъедобные насекомые, малоподвижны и медлительны. Им некого бояться, они ядовиты, их никто не трогает. Эта картина хорошо знакома.

Ивовый листогрыз широко распространен. Прожорливое потомство жука почему-то заселяет отдельные деревья, оставляя другие совершенно петронутыми. Чем вызвана такая черта поведения этого отъявленного врага деревьев? Быть может, не все деревья одинаково привлекательны и съедобны для этой многомиллионной армады крошечных прожор? Подобную же черту я наблюдал у другого вредителя - туркестанской ивовой волнянки.

Насекомые собираются вместе брачными скоплениями, поодиночке им делать нечего, и тут же кладут яички. Личинки же их настолько медлительны и малоповоротливы, что не удосуживаются менять дерево. Ведь для этого следует спуститься на землю, преодолеть заросли трав, да и ствол нового дерева не всегда просто разыскать.

Кроме листогрызов, на деревьях побывали и бабочки, ивовые волнянки. Гусенички их, пока были малыми, сплели общую паутинку, так называемые зеркала, густо-густо обвив ею веточки. В таком домике, заброшенном и крепком, устроил свое убежище паук, свил уютную каморку,

отложил в ней кучечку яиц, и сам остался сторожить свое потомство. Здесь безопасно, никто не вздумает копать в густом переплетении нитей, к тому же перемешанных с черными точечками испражнений гусеничек. И уж сюда, конечно, не пробраться наезднику, поражающему коконы пауков. Что это? Случайное или намеренное поселение паука-изобретателя или местная особенность поведения? Просматривая десятки зеркал, не особенно приятно в них копать, и к своей радости вижу вторую такую же кладку изобретательного паука. Два паука - вряд ли случайность, хотя для чего доказательства необходимо не менее десятка находок. Как бы там ни было, выходит так, что паук зависит от деятельности гусеничек, они помогают ему косвенно сохранять потомство. Так постепенно складываются взаимные отношения между различными организмами, даже когда они носят одностороннюю выгоду.

РЕКА ТОКРАУ

Когда вдали показалась ярко-зеленая полоска деревьев, пересекавшая от горизонта к горизонту степь, мы обрадова-

лись: наконец, добрались до реки Токрау. Но наша радость была омрачена: с трудом починенная задняя рессора лопнула в другом месте. В небольшом совхозе, повстречавшемся на нашем пути, не оказалось ни сверльного станка, ни дрели, токарь куда-то уехал, и мы, приютившись возле заброшенного строения, принялись ликвидировать поломку своими силами, к великой радости компании мальчишек, расположившихся вокруг нас кружочком. Мальчишки были беспощадны, бесконечно шумели, смеялись, лезли, куда только заблагорассудится, не вникая нашим просьбам оставить нас, несчастных, потеющих от потуг с гайками, листами рессор и прочими предметами. Наконец, после долгих мытарств работа была закончена, рессора склепана при помощи накладки, и мы, усевшись в машину, с облегчением двинулись в путь, сопровождаемые юными зрителями, огорченными прекращением столь интересного для них зрелища. И, наконец, подняв в воздух небольшую стайку чирков, выбрали уютное местечко среди деревьев возле тихой речки Токрау.

За время нашего пути по степному типчаково-полынно-му и ковыльному раздолью мы

очень мало видали животных: на дорогах сидели черные и серенькие жаворонки, к биваку наведывалась одинокая каменка плясунья, да на столбе телефонной линии иногда маячил одинокий взъерошенный степной орел. В траве прыгали редкие кобылки, среди зарослей изредка скользила полосатая ящеричка. И все. Здесь же существовал совсем другой мир. И всюду безлюдье, и ни одной встречной машины.

Вокруг речки теснятся густые заросли ив, настоящее их царство. Кое-где среди них видны жимолость и шиповник. На галечниковых косах цветут зизифора и мордовник. По травам заскакали потревоженные нами веселые кобылки. В тростниках, как бы приветствуя нас, разбудивших тишину речного леска, защелкал соловей, но вскоре замолк. Застрекотала сорока и тоже умолкла. На полянку выскочил заяц, привстал, поглазел на нас, заявившихся в это царство покоя, и скрылся. Черные облака на небе совсем разошлись, и вместо них поплыли белоснежные кучевые с причудливыми воздушными кораблями, засветило солнце и согретый им туман, застывший в тишине и покое.

Небольшая речка, не спеша, переливается от плеса к плесу, и на мелких ее проточках застыли стайки небольших рыбок. Едва зайдешь в воду, как в облаке взмученного ила рыбки смело и бесцеремонно принимаются покусывать за ноги. Не больно, но неприятно. В мелкой и хорошо прогреваемой воде речки, казалось бы, должны в массе водиться личинки комаров. Но несносных кровососов нет ни одного! И в этом я вижу немалую заслугу крошечных рыбок. Побольше бы таких рыбок в комариных местах. Неплохо бы изучить их образ жизни и расселить, куда надо.

Неожиданно рядом с биваком пронзительным металлическим голосочком закричала крошечная пищуха, с противоположного берега речки ей ответила другая, и еще несколько звонких голосочков раздавалось со всех сторон. Разъяренный Алексей, набрав полные карманы камнями, стал бомбардировать ими заросли, откуда неслись крики. Но вскоре пищухи сами по себе замолкли, утомились, разомлели от долгожданного тепла, погрузились в дневное блаженство.

Я задумался над тем, как по-разному человек относится

к окружающему. Алексей - дитя города, спокойно переносящий шум автомобилей, громкие голоса радио, магнитофонов, раздражен голосами пищухи, тогда как мои далеко не крепкие нервы, наоборот, успокаиваются от музыки природы, и переключки пищухи мне кажутся милыми, подчеркивающими жизнь окружающей природы, наполняя ее глубоким содержанием.

Вечером за ужином у всех сразу зачесались уши. Сначала столь необычное явление нам показалось случайным. Но с каждой минутой боль ушных раковин становилась явственней, а у Зои, обладателя более чувствительной кожи, уши заметно покраснели. Я догадался: на нас напали самые крошечные кровососы, едва различимые глазом мушки-мокрецы. Пришлось заканчивать ужин стоя, повыше над землей, где любители влаги мокрецы, оказывается, вели себя менее воинственно.

- Почему мокрецы кусают только за уши? - удивлялся Зоя

- А вот догадайтесь! - предлагаю я.

Но блаженство объявленной дневки после трудного пути не располагает моих спут-

ников к рассуждениям, и мне приходится высказывать свои догадки самому. За мокрецами я давно замечал пристрастие к ушным раковинам. В тугаях этим немиловидным созданиям приходится питаться кровью только пищух, зайцев, да, вероятно, других мелких грызунов. Самое доступное для них, крошечных кровососов, место - ушные раковины. Они покрыты коротенькой шерсткой, через которую добраться до кожи легче, чем в каком-либо другом месте. Вот и нас они тоже кусают за уши. Остается загадочным, как такие малютки способны отождествлять уши человека с заячьими и мышиными ушами.

Ночью возле нашего бивака крошечная пищуха подняла истошный крик и возню, а разгневанный Алексей, лежа в постели, стал проклинать несносных зверьков и грозить им смертной казнью.

КАМЕННЫЕ КУРГАНЫ

Наконец, мы добрались до села Актогай. В переводе на русский язык это слово означает буквально "Белый лес у реки". Быть может, давно возле селения, когда оно было

маленьким, на речке Токрау, протекающей вблизи, и рос светлый лес. Сейчас же берега реки голые, а районное село представляет собой большой поселок. Здесь есть все, что нам необходимо: магазины, почта, заправка горючим для автомобилей, и наши дела были бы закончены быстро, если бы не исчез Алексей. Появился он часа через два, встреченный не на шутку обеспокоенной Зоей, сияющий, надушенный одеколоном и подстриженный. Был в парикмахерской, обошел все магазины.

Теперь наш путь лежит в гранитные горы Бегазы и Кылай. Но надо разузнать дорогу.

- Вон гора Бегазы, - сказал нам старик, показывая на далекий горизонт всхолмленной степи.

В той стороне, куда протянул свой кнут собеседник, виднелось много гор, и одна из них, более заметная, выглядела выше всех розовой вершиной. И вот мы едем по проселочной дороге, попадаем в их переплетение и выбираем из них те, которые как будто идут в желаемом для нас направлении.

Наш путь на гору Бегазы не случаен. С нее мы начнем

поиски древних и загадочных каменных курганов, и не просто курганов, а, как их называют, курганов с грядками. Эти курганы давно занимают мое внимание. И, признаюсь, одна из негласных задач путешествия в Центральный Казахстан - дальнейшие поиски этих курганов. Прикоснулся к их загадке я давно.

Все привыкли в курганах, этих надмогильных сооружениях, видеть более или менее крупные насыпи из земли или камня. Курганы же с грядками - необычные. Они выложены из камней. От них тянутся две слегка выпуклые наружу линии, простирающиеся обычно к востоку, будто две гигантские руки, протянутые к дневному светилу. Археологи давно обратили внимание на курганы с грядками, многие из них раскопали и изучили содержавшиеся под ними предметы. Сейчас известно довольно много таких курганов. Но больше всего их в Центральном Казахстане, в так называемом казахском мелкосопочнике. Их распространение четко ограничено с запада Улутаскими горами и верховьями реки Ишим, с севера - южными районами Кокчетавской области до Шучинска и озера

Боровое, с востока - зоной плоских увалов и низкого мелкосопочника Павлодарского хребта. Южная граница простирается до северных районов Прибалхашья и Бетпак-Далы. Но одиночные курганы с грядками найдены и на территории южного Казахстана, в Семиречье, а один курган был найден даже в Узбекистане и другой - в Калмыкии.

Различают несколько вариантов таких курганов. Обычно в кургане находится захоронение человека в погребальной камере ниже поверхности земли. К кургану примыкает с востока маленький курган без погребальной камеры с костями лошади и одним-двумя глиняными сосудами. Иногда два кургана с захоронением лошади и человека расположены с севера на юг, иногда сбоку главного кургана располагается по одному или даже по два маленьких кургана. И, наконец, сверху на главном кургане с захоронением человека может располагаться маленький курган с костями лошади. Варьируют также и сами грядки. Чаще всего они сложены из наложенных друг на друга небольших камней, но иногда состоят из отдельных каменных курганчиков или из двух

рядом положенных каменных плит, перегороженных поперек торцовыми плитами.

По предметам, обнаруженным при раскопках, археологам удалось довольно точно датировать эти своеобразные сооружения. Курганы с грядками характеризуют собою этап самобытной культуры, связанной с эпохой поздней бронзы примерно четвертого-третьего веков до нашей эры, то есть около 2500-3000-летней давности. Самые поздние из них датируются пятым веком нашей эры. Как будто курганы принадлежали местным европеоидным племенам и есейдонов и аримасков, преемников и прямых наследников сибирских племен андроновцев, потомков ариев.

К этому времени на территории современного Центрального Казахстана зародилась, по существовавшему тогда уровню, высокая культура, оставившая следы поселений, рудников, поминальных сооружений и надгробных памятников. Это был центр ранних кочевников и скотоводов и древней металлургии.

Богатство инвентаря, находившегося в курганах, дало повод отнести эти сооружения к погребениям родоплеменной

знати. Грядки же имели какое-то ритуальное и культовое значение. Для чего служила необычная архитектура курганов, какое имели значение две длинные грядки, никто из археологов ничего не мог сказать, да и не пытался этого делать.

Мне впервые пришлось увидеть такой курган еще в 1968 году недалеко от города Алма-Аты, по правому берегу среднего течения реки Или, почти на самом западном конце небольшого и сильно сглаженного пустынного хребта Малай Сары. Моя находка была необычная. Там, где полагалось быть кургану, располагалось только одно кольцо из камней. Невольно подумалось, что все сооружение было приготовлено загодя до погребения того, кому оно предназначалось, и до его смерти оно уже использовалось с какой-то целью. Тогда же у меня возникла мысль о том, что само по себе это сооружение из камня представляет собою простейший астрономический календарь и предназначено для определения дней солнцестояний и равноденствий. Не знаю, почему об этом сразу не подумали археологи и астрономы. Первые - потому что привыкли смотреть только на землю,

вторые - только на небо. Вообще, ученые - нередко нелюбопытный народ ко всему тому, что не касается не их области занятий.

СОЛНЦЕСТОЯНИЯ И РАВНОДЕНСТВИЯ

Тут я должен сделать отступление ради тех, кто мало посвящен в простейшие законы движения нашего главного небесного светила - солнца. Оно по мере перехода от зимы к лету каждый день восходит ближе к северу и, наконец, весной, когда день равен ночи, примерно 21 марта, в день весеннего равноденствия, появляется на горизонте точно на востоке и заходит точно на западе. В это время день равен ночи и назван равноденствием. Затем наше дневное светило достигает крайнего северного положения на горизонте ко дню летнего солнцестояния, примерно 22 июня, в самый длинный день и самую короткую ночь. После этого начинается обратный путь, и солнце восходит с каждым днем все южнее и в день осеннего равноденствия, примерно 23 сентября, когда день равен ночи, восходит снова на востоке и заходит ровно на западе. Затем к зиме оно продол-

жает восходить все южнее и достигает самого южного положения ко времени, когда в день зимнего солнцестояния, примерно 22 декабря, на земле царит самый короткий день и самая длинная ночь. Аналогично горизонту с восточной стороны от кургана, те же точки равноденствий и солнцестояний отождествлены и по западной стороне кургана горизонту.

С буссолью я примчался к своей находке, проверил его ориентиры по горизонту восточной стороны от кургана, и сердце мое радостно забилося. Получалось, что линия с конца южной грядки, проведенная на маленький срединный и почти незаметный холмик, по направлению соответствует точке восхода в день летнего солнцестояния, когда самая короткая ночь и самый длинный день, а линия, проведенная с конца северной грядки на маленький срединный холмик, по направлению соответствует точке восхода солнца в день зимнего солнцестояния, когда самая длинная ночь и самый короткий день. Линия же, проведенная от центра круга там, где полагалось быть главному кургану, на срединный холмик, будем теперь его называть ориентирным, точно указывала на восток, где

восходит солнце в дни весеннего и осеннего равноденствий.

Те же самые ориентиры, но уже захода солнца, шли и по горизонту западной стороны от кургана: по линии со срединного ориентирного курганчика (впоследствии на других курганах им всюду оказывался специально уложенный камень) через главный курган на горизонт до точки захода солнца зимнего и летнего равноденствия; с ориентирного камня (курганчика) через конец северной грядки до точки захода солнца на горизонте летнего солнцестояния; с срединного ориентирного камня (курганчика) через конец южной грядки на точку захода солнца в день зимнего солнцестояния.

КУРГАНЫ С ГРЯДКАМИ И СТОУНХЕНДЖ

Прошли годы со времени находки астрономического кургана на хребте Малай Сары в 1968 году, а мысль, что курганы с грядками - простой астрономический календарь, казалась фантастической, но для того чтобы подтвердить свое предположение, следовало проверить его хотя бы еще на одном кургане. По случайному совпадению в это же время на

другом континенте в Англии рождалась разгадка почти аналогичного, но более сложного сооружения, носившего название Стоунхендж и расположенного в Солзберийской равнине, а также похожего на него и вблизи расположенного подобного же сооружения Каллениж. Эта разгадка поразила мир. Узнав о ней, я тотчас же вспомнил курган с грядками.

Наши рассуждения часто фильтруются через призму современной действительности. Было трудно представить, чтобы древние племена ариев-андроновцев, а также их потомки скифы и усунь, населявшие территорию современного Семиречья, где был найден мною курган с грядками, кочевники, пастухи и охотники были знакомы с основами астрономии. Теперь становится ясным, что человек из бронзового века был без оснований изображен дикарем. В действительности он обладал немалой культурой и знаниями, впоследствии утраченными из-за каких-то потрясений.

На современного человека с детства обрушивается лавина информации, связанной с техническим прогрессом. Обучение в школе, печать, радио, телевидение ежеминутным потоком

заполняют и формируют его сознание. Он все дальше и дальше уходит от природы, чему еще способствует усиленная урбанизация - рост городов. Разум древнего человека, наоборот, был свободен от подобной загроможденности и искал приложения своей любознательности в природе. Человек прошлого, конечно, лучше современного знал животных и растения, не мог оторвать взгляда от солнца, луны и звезд. Вспомнились слова Ф. И. Тютчева:

Где вы, о древние народы!
Ваш мир был храмом всех богов,
Вы книгу Матери природы
Читали ясно, без очков!

Астрономия - старая наука. Со времен глубокой древности человеку уже были известны законы видимого движения Солнца, Луны и планет. Эти законы казались одним из проявлений высшего начала, управлявшего окружающим миром и повелевавшим судьбами человека. Об этом говорят астрономические познания древних египтян, астрономические трактаты Вавилонии, зафиксированные клинописью на глиняных табличках, астрономические наблюдательные площадки у холма Метсамор близ Еревана,

древние угломерные "инструменты" предков уруртов и, наконец, древнейшее астрономическое сооружение на территории Англии - Стоунхендж, воздвигнутое на рубеже каменного и бронзового веков примерно около двух тысяч лет до нашей эры. Раскрытие тайны Стоунхенджа было сенсацией. По величественным камням, расположенным в определенном порядке, оказалось возможным с погрешностью менее чем на один градус определять не только восходы и заходы Солнца и Луны, дни равноденствий и солнцестояний, но также (что удивительное всего) предсказывать предстоящие лунные и солнечные затмения. В 1967 году при обследовании кургана в Ирландии в графстве Мит оказалось, что в нем есть горизонтальный коридор, заканчивавшийся погребальной камерой. Этот коридор был так ориентирован, что через небольшое отверстие в кургане освещался в течение нескольких минут в день зимнего солнцестояния. Курган этот был воздвигнут 5000 лет назад. На ровной поверхности бесплодной каменистой пустыни Наска в Перу расположены исполненные линиями гигантских размеров изображения животных, а также ориентиро-

ванные на большом протяжении прямые линии.

Изучение этих уникальных сооружений древности продолжается. Но, как удалось недавно доказать, прямые линии представляли собою древний календарь, по которому определялся заход и восход солнца и луны в день летнего и зимнего солнцестояния. Сооружение принадлежало культуре Наска и имеет давность между 300 годами до нашей эры и 900 годами нашей эры, то есть существовало и использовалось более тысячи лет. На западе в горах Биг-Хорн обнаружено скопление больших камней, образующих круг, уложенных на высоте 3000 метров над уровнем моря. Тщательное изучение этого кольца, названного магическим, показало, что оно тоже имеет астрономическое значение. По его ориентирам определяется восход солнца в день солнцестояния, а также восход ярчайших звезд небосклона - Регеля, Альдебарана и Сириуса. Давность магического кольца небольшая, его построили в 1760 году аборигены так называемых "великих прерий". Подобных сооружений на земле оказалось немало, и в последнее время их стали довольно часто открывать ученые.

Грандиозный луно-солнечный календарь Стоунхенджа строили триста лет, и он стоил колоссального человеческого труда. Гигантские линии пустыни Наска для их паведения требовали сложных расчетов и также поглотили немало сил и энергии. Для того чтобы уложить большие камни на высоте 3000 метров в горах Биг-Хорн, также было затрачено много усилий. Только паше сооружение по гениальной простоте могло быть построено в течение короткого времени десятком человек.

Все еще не доверяя своему открытию, я решил убедиться в возможности применения этого "прибора" на практике. И я побывал на Малай Сары не раз в дни осеннего и весеннего равноденствия, летнего и зимнего солнцестояния, убеждаясь в правильности своих предположений.

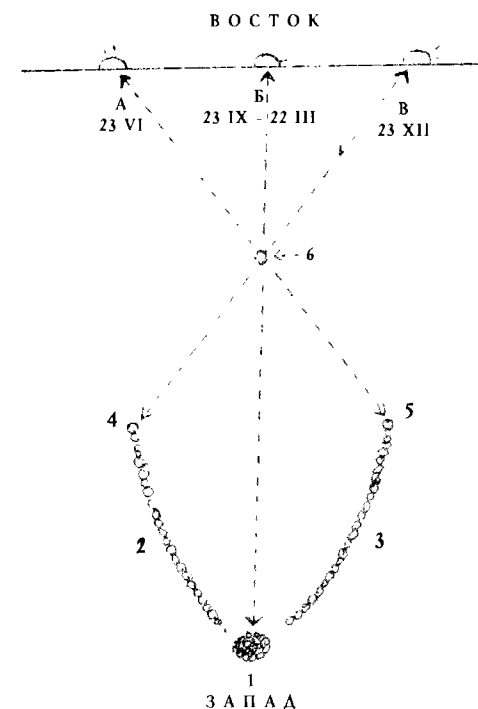
Наконец, только через восемь лет, в 1976 году, представилась возможность побывать очень недолго в Центральном Казахстане. За короткое путешествие мне встретился курган возле горы Толагай. Она одинока, высока, далеко видна среди холмистой местности и располагалась вблизи моего маршрута. Здесь в глухой каменис-

той пустыни, не тронутой человеком, я и нашел курган с грядами. Он располагался недалеко от подножия горы с северной стороны и был цел, хотя и носил следы раскопок. Здесь с севера на юг от главного кургана рядом оказались два крохотных холмика. Без сомнения, они тоже имели какое-то ориентирное значение, установить которое предстоит астрономам. Но вместо холмика срединного и ориентирного, который должен был находиться между грядами и впереди от них, оказался большой ярко-белый камень кварца, наполовину вросший в землю. На этом кургане основные ориентиры удивительно точно совпали с ориентирами первой находки. Теперь сомнения рассеялись, случайное совпадение строения курганов с грядами было невозможным.

Итак, в сооружении курганов Малай Сары и Толагай оказалось по четыре ключевых точки для определения положения восходящего и заходящего Солнца. Они точно, как и прославленные Стоунхендж, Каллениж, линии пустыни Наска и многие другие сооружения, оказались своеобразной обсерваторией племен бронзового века.

Все ли курганы с грядами

имеют однозначную ориентацию своих элементов, и ограничивается ли их назначение только определением равноденствия и солнцестояния? Думается, что нет. Без сомнения, курганы варьируют, и многие из них связаны с другими небесными телами. Кроме того, их ориентиры могут быть направлены на различные созвездия или ярчайшие звезды небосклона. Но чтобы доказать это, требуются сложные расчеты, так как за тысячелетия произошло перемещение, так называемая прецессия, небесных тел по небосклону. Вот почему расшифровка Стоунхенджа потребовала использования электронно-счетной машины. Стоунхендж подавляет своим величием, громадными, вкопанными вертикально камнями и производит большое впечатление своей грандиозностью. Здесь же ничего этого нет. Все гораздо проще, обыденней. Кроме того, в противоположность Стоунхенджу, главная ось курганов с грядами направлена на восход солнца в день равноденствия, тогда как в Стоунхендже эта ось направлена на восход солнца в день летнего солнцестояния. Бикеты, строившие Стоунхендж, хоронили усопших в курганах, окруженных

Фигура 50. Простейшие курганы для определения солнцестояний и равноденствий

Схема астрономического кургана с грядами

- 1 - главный курган, обычно с захоронением.
- 2, 3 - левая и правая каменные грядки.
- 4 - копечный курганчик левой и 5 - правой грядки.
- 6 - ориентирный камень, не всегда сохранившийся.
- A - восход солнца во время летнего солнцестояния.
- 7-8 - восход солнца во время весеннего и 9 - заход солнца во время осеннего равноденствий.
- 10 - восход солнца во время зимнего солнцестояния и 11 - заход солнца во время зимнего солнцестояния.

рвами или кольцами камней, так же, как и древние саки и усуни, строившие кольцевые ограды из камней вокруг курганов. Интересно также и то, что в обычае обоих этих, так далеко разрозненных друг от друга народов рядом с умершим ставить глиняный сосуд. Круги из камней были характерны для культуры бикетов, народа, жившего 2000 лет до нашей эры, так же, как и для скифов (саков). Тут я должен пояснить: древние греки называли потомков ариев азиатских европеоидов скифами, персы именовали саками. По существу - это одно и то же.

Стоунхендж, Малай Сары - почти современники. Они говорят о связях разноязычных и разнокультурных разрозненных племен. Эти связи являются свидетельством гигантского взаимного обмена идеями и культурой древнейших народов, несмотря на дикость, произвол, вражду, громадные просторы, разъединявшие людей, и примитивные средства сообщения. Нет сомнения в том, что существовал культ поклонения солнцу, луне, звездам не только среди народов, населявших великие степи от Монголии до Запаволжья.

За несколько тысячелетий

до новой эры древние славяне широко отмечали солнцестояния и равноденствия, и вряд ли правильно предположение, что впервые внимание к ним зародилось у древних иранцев.

Древние славяне праздновали весеннее равноденствие (Красная гора), летнее солнцестояние (Ярилин день), осеннее равноденствие (Овсень), зимнее солнцестояние (Коляда). Эти календарные даты сопровождались различными обычаями и, кроме того, были связаны с почитанием предков. Они сохранились в народном православии после принятия славянами христианства и дошли в какой-то степени до наших дней.

Особенное значение придавалось весеннему равноденствию - празднику пробуждения природы, радостной весны, приходившей на смену трудной и долгой зиме. Этот праздник получил название Наурыз у тюркоязычных народов. Он сопровождался различными обрядами и религиозными церемониями и считался древнейшим праздником в истории мировой культуры.

Несомненно, он был важнейшим в древнейшей религии зороастризма, и курганы с гря-

дками, были отражением этой религии.

Почиталось весеннее равноденствие и в Китае, где астрономия была развита с древнейших времен. Рубрук, путешествовавший в XIII веке по Азии и добравшийся до ставки правителя монголов Мату-Хань, рассказал, как при дворе этого правителя было много жрецов или, как он их называл, прорицателей. Они как предсказатели судеб имели большое влияние на жизнь монголов. Среди них были и шарлатаны, интриганы, и те, кто, как говорит Рубрук, знал астрономию настолько, что заранее предсказывал затмения солнца и луны. Это свидетельствовало о высоком уровне развития астрономии в древнейшие времена. По указанию жрецов люди готовились к встрече этого природного явления и, когда оно наступало, били в барабаны, поднимали большой шум.

Влияние жрецов было настолько сильным, что никто никогда не начинал войн без их совета. Знаменитый комплекс Стоунхендж строили и пользовались им, по меньшей мере, в течение одного тысячелетия, курганы с грядами, как уже говорилось, возводились от восьмого века до новой эры до

пятого века новой эры, то есть их культ существовал около 1200 лет. Устойчивость культа курганов с грядами в течение столь длительного времени казахстанские археологи объясняют существованием прочного экономического и политического объединения племен. Это заключение мне кажется ошибочным. Жизнь древних народов сопровождалась частыми потрясениями, постоянным зарождением одних союзов и распадом других. Устойчивость же культа курганов с грядами объясняется тем, что они принадлежали внеплеменной или, сказать точнее, межплеменной касте или династии жрецов, замкнутой в особые кланы, в которые был затруднен доступ посторонним и передававшим свое искусство по наследству. Таковы были жрецы друиды, чести которых приписывается создание комплекса Стоунхендж на территории современной Англии, таковы были и волхвы в Древней Руси. Жрецы представляли собою совещательный, консультативный и прорицательный орган, столь необходимый правителям.

Особой касте жрецов и принадлежали курганы с грядами. Они строились при жизни одного из них, служили ме-

стом ритуальных и культовых обрядов и использовались как простейший календарь, имевший к тому же и практическое значение в хозяйственной деятельности человека. Жрецы были не только влиятельными, но и состоятельными. Этим объясняется богатство инвентаря в погребениях курганов с грядками. После смерти жреца его хоронили в центре главного кольца и тогда складывали курган из камней. Жрецы жили среди различных народов, поэтому курганы с грядками и оказались распространенными не только в Центральном Казахстане, но и далеко за его пределами. Династия жрецов, строившая курганы с грядками, существовала до тех пор, пока тотальные потрясения в истории степных народов не стерли их с лица земли.

Жрецы, готовившие для своего захоронения курганы, были той горсткой, которая из поколения в поколение передавала свои знания. Возможно, они также были представителями древнего народа, исчезнувшего от какой-то катастрофы, народа с более развитой цивилизацией. Развивая свое искусство, они же, вероятно, влияли и на развитие ритуалов и маггии. Их астрономические по-

знания отражали высшие для своего времени знания, утрачиваемые во время социальных катастроф. Примерами утраты древних знаний пестрит вся история человечества. Каста жрецов, посвященная в тайны природы, хранила и оберегала их от посторонних, так как они давали преимущество перед окружающими. Жрецы переживали государства, оберегая свой клан. У египтян, например, как сообщает Диоген, лаертийский греческий историк, живший в третьем веке до нашей эры, имелись записи наблюдений 373 солнечных и 832 лунных затмений. Такие наблюдения могли быть проведены только не менее, чем за 10000 лет, и вела их особая замкнутая каста.

Жреческие курганы, будем их еще называть так, строились в местах заметных. Таковы оба кургана, найденные мною. В противоположность Стоунхенджу, по поводу которого было написано столько книг, порождено множество теорий и связана масса легенд и сказаний, курганы с грядками не привлекали особенного внимания и, по существу, находятся в неизвестности. Приходится сожалеть, что перипетии жизни придали забвению это очень простое и

вместе с тем гениальное сооружение настолько, что теперь мы с трудом начинаем верить в его назначение. Мудрость древнего строителя этого храма солнца настолько велика, что знания обыденного человека современности в определенной степени стыдливо блекнут перед нею.

Создатели храма Малай Сары и Толагай, этих солнечных календарей, давно ушли из жизни, и имена их навсегда исчезли. Но забытые сооружения, будем надеяться, должны начать вторую жизнь. Может стать прискорбным, если в наш прославленный век небывалого расцвета астрономии и науки о вселенной эти памятники будут преданы забвению. Сейчас же курганы с грядками лежат среди безликой и молчаливой пустыни. Лишь кое-когда пропылит по неторной дороге грузовик, да прогонит пастух отару овец.

Я не считаю свое объяснение значения архитектуры курганов с грядками исчерпывающим. Просмотрев публикации казахстанских археологов, обратил внимание на то, что не все курганы ориентированы строго на восток, некоторые были ориентированы на другие небесные светила или, наконец, помимо прочего имели и еще

какое-то сложно скрытое значение. Моя статья о курганах с грядками ("О древних астрономических курганах на территории Казахстана". Вестник АН КазССР. № 5. Алма-Ата, 1977) вызвала поток устного недоброжелательства и недоверия. Для ее публикации археологи отказались дать обязательную в то время рецензию, и если бы не доверие астрономов, то она бы не увидела свет. Описание же первых двух находок в одной из моих научно-популярных книг не привлекло внимания и, насколько мне известно, ни археологи, ни астрономы пока что не занялись изучением этого интересного открытия.

Первая поездка, когда мне удалось найти и обследовать курган Толагай, сильно разочаровала. Поиски курганов оказались делом очень сложным. В обширных просторах Центрального Казахстана каждый курган с грядками был подобен иголке в стоге сена, места их нахождения были указаны в археологическом атласе Казахстана очень приблизительно и неточно и, кроме того, многие курганы исчезли там, где возникли поселки, прошли дорожки, линии электропередач, где подняли целину и посеяли хлеб.

За последние пятьдесят лет

археологических поисков в Казахстане забыли места расположения большинства курганов. Посетить и обследовать многие курганы с грядками мне было не по силам. Для этого бы потребовалась организация специальной экспедиции на грузовых машинах, обеспеченная достаточным числом вспомогательного персонала, бензином и средствами. Я же путешествовал "сам по себе" на своем стареньком "газике". И все же найти и обследовать хотя бы еще несколько курганов, глубже прикоснуться к их загадке, еще больше привлечь внимание к этим замечательным памятникам старины считал своей обязанностью, хотя она очень далеко стояла от моей профессии натуралиста.

ГОРА БЕГАЗЫ

Гора Бегазы была выбрана не случайно. Она располагалась недалеко от нашего маршрута, возле нее, судя по археологическому атласу, где-то в восточной ее части находился курган с грядкой и стелой, на которой были нанесены до сих пор не расшифрованные письма. Едва мы выехали из Актогая, как гранитная гора от нас скрылась за ближайшими горами.

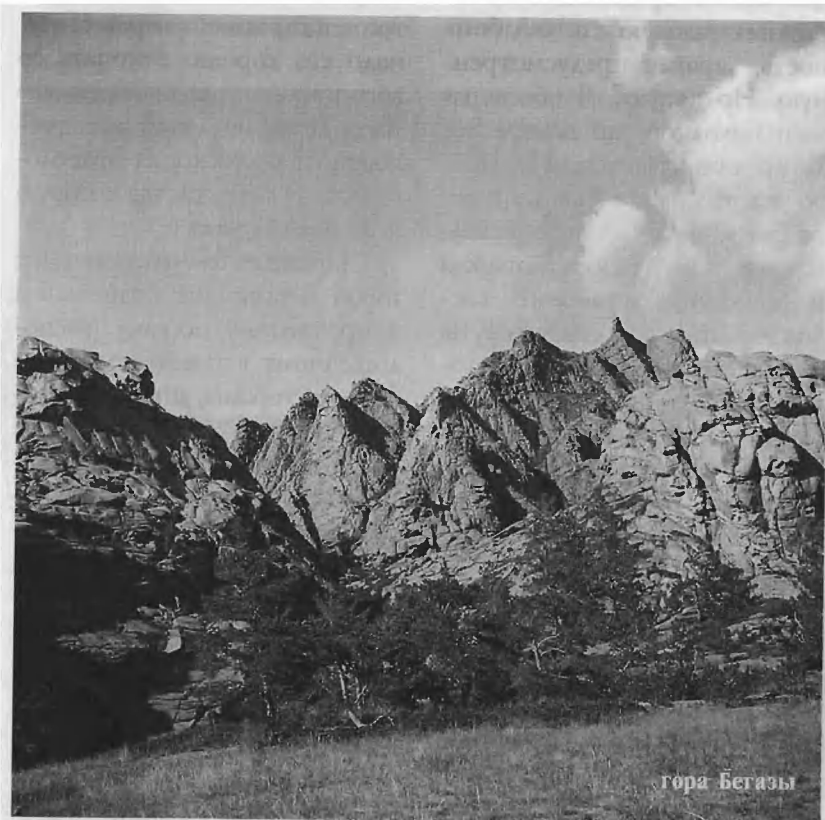
Один раз она показалась на короткое мгновение далекой розовой вершиной и исчезла. Дорога же петляет в разные стороны. К счастью, на нашем пути дважды встречались юрты животноводов, и их обитатели охотно помогали в поисках.

Какая же она красивая, эта гранитная гора Бегазы! Изрезанная водами, отполированная ветрами, разукрашенная красными и сизыми лишайниками с крохотными приветливыми темно-зелеными густыми лесками в понижениях, она обладала, как и все другие горы, своим собственным и неповторимым обликом. Всюду на горе видны глубокие горизонтальные трещины, чернеют округлые ниши выветривания, причудливые гигантские гранитные фигуры, напоминающие различных чудовищ. Здесь природа будто проявила безудержную и богатую фантазию, украсив гору разнообразными скульптурами. Побродить бы по этой горе вдоволь несколько дней, и я горько сетую на то, что теперь с больной ногой уже более года лишен этой возможности. Знать бы раньше о ней!

Мы колесим вокруг горы в поисках кургана, указанного в Археологическом атласе. Он куда-то исчез, никак не можем

его найти, но неожиданно наткнуемся на другой курган с грядками. Он совершенно цел, не тронут грабителями и не известен археологам. Рядом с ним расположено несколько других обычных, как всегда здесь, каменных курганов. С радостью наношу курган на план, тщательно измеряю азимуты различных его частей. Он очень старый, и камни, слагающие его грядки, основательно погрузи-

лись в землю. Но камни главного кургана розовые, чистые, не тронутые лишайниками. Сбоку кургана вырос густой куст шиповника, обвешанный, будто елочными игрушками, красными ягодами. На конце каждой гряды кургана сложено, как обычно, что-то подобное маленькому курганчику, и в этих скважистых, удерживающих влагу кучках камней тоже выросло по большому кусту та-

гора Бегазы

волги. Но курган совсем не такой, как тот первый и второй, найденный мною. Его ветви смотрят на юго-восток, впереди их нет никакого ориентирного холмика, ни камня, ни курганчика. На этом кургане отчетливо прорисовывается небольшая асимметрия его ветвей: правая из них начинается ближе к кургану, чем левая. Эта асимметрия не случайна, она для чего-то предназначена, отражает какую-то особенность, заранее предусмотренную. Но какую? Я обескуражен находкой, но вскоре все легко объясняется. Несмотря на то, что ветви кургана направлены на сильно всхолмленный восток, на котором нельзя точно установить восход солнца, все его азимуты равноденствий и солнцестояний легко просматриваются по ровному горизонту запада. В этой особенности видна удивительная универсальность астрономического кургана.

Составление плана строения кургана отнимает немало времени. Закончив его, я собираюсь ехать далее, но неожиданно замечаю почти вросший в землю большой и длинный плоский камень. Он лежит в

стороне от кургана, возможно, на что-то ориентирован. Здесь, на совершенно ровной поверхности типчаковой степи, он оказался, конечно, не случайно, его принесли не без труда, так как весит не менее полутонны. Частью насыпи кургана он быть не мог, так как слишком велик и своими размерами нарушил бы его форму.

Нет ли на погруженной в землю стороне камня каких-либо знаков, надписей? Но для того чтобы камень перевернуть, надо его хорошо откопать со всех сторон, и, мне кажется, что такое действие может быть расценено как раскопка археологического объекта, на которую я не имею права.

Прежде чем расстаться с горой Бегазы, мы подъезжаем к крохотному поселку, расположенному у подножия с восточной стороны, и видим грандиозный старинный некрополь. Курганов, его слагающих, много. Все они своеобразны, четырехугольной формы, обнесенные слегка наклоненными внутрь широкими плитами гранита. Среди них выделяются два очень крупных кургана, окруженные поставленными торчком высокими каменными плитами. Каждая из плит около метра шириной, длиной два-

три метра и весит, наверное, не менее нескольких тонн. Представляю, как нелегко было разыскать такую плиту в горах и, главное, перетащить ее сюда, на место погребения. Если бы рядом не было бы гранитных гор, архитектурное сооружение приобрело бы другие формы. Так гора повлияла на традицию и особенности ритуала захоронения.

Курганы тщательно раскопаны и обследованы археологами и упомянуты в ар-

хеологическом атласе. Под самым большим вскрытым курганом находится обширное погребальное помещение, ровные стенки которого выложены горизонтально положенными плоскими камнями. Посредине помещения сложены из больших плит каменные ящики с захоронениями. Как оказалось, от двух курганов некрополя шли мощенные камнем дорожки со стелой на конце одной из них, благодаря которым кур-

Величественное захоронение
бронзового века у горы Бегазы

ган и был занесен в разряд "с грядками", хотя общего с ними ничего не имел. Стела же была увезена археологами. Курганы относятся к позднебронзовой эпохе и датированы восьмым и девятым веками до нашей эры, то есть им около трех тысяч лет.

Необычное чувство охватывает при взгляде на эти капитальные сооружения, стоявшие для их строителей немалых усилий. В них отражена брэнность и мимолетность человеческой жизни, о которой мы так беспечно забываем, предаваясь подчас мелочным тревожностям. Они невольно вызывают чувство сожаления к тем, кто жил и умирал в твердой уверенности о существовании потустороннего мира. Жил когда-то человек, добивавшийся власти, богатства, почета, растил детей, дружил и враждовал, вел жестокие войны и заключал мир с врагами, совершал для близких добро и причинял им же зло. Его, наверное, больше боялись и ненавидели, чем любили, так как трудно быть повелителем над окружающими, сохраняя в себе гуманные черты. И вот теперь ничего от него не осталось, кроме этой величественной могилы. Да и кому она принадлежала, не ос-

талось следов. Впрочем, может быть, что-то и осталось, хотя бы и ничтожно малое, из чего сложилась история человечества и современное мировоззрение, прошедшие столь долгий путь.

Продолжаю объезжать вокруг горы, заглядывая во все ее лесочки. Здесь впервые появилась милая предвестница севера, красавица березка. Наверное, она сюда попала и здесь утвердилась во влажные периоды климата. Сейчас же ее деревца тоненькие, слабенькие и живется им нелегко, в разгар лета листва от недостатка влаги пожелтела и пожухла.

Объехал гору, собрался с нею проститься, да неожиданно рядом с дорогой, почти у самого поселка, не отрывая глаз от ухабов, все же успел заметить что-то подобное гряде камней. И вот передо мною совершенно необычный курган. Форма его не круглая, а эллипсоидная, в обе стороны от него тянутся на небольшое расстояние две толстых каменных грядки. Курган этот совсем не похож на остальные, его грядки не образуют той своеобразной фигуры, похожей на протянутые вперед к солнцу руки, а составляют почти прямую линию, ориентированную с запада на восток.

Находка одновременно проста и необычна. Курган -

будто прародитель и примитивный прообраз настоящих курганов с грядками. С восточной стороны возле него высится большая гора Бетазы, с западной находится более открытый горизонт. Курган цел и нетронут. Имел ли он какое-либо астрономическое значение, кто в нем захоронен? Возле кургана пристроился муравейник лугового рыжего муравья Формика пратензис, и я встречаю его как старого знакомого. Муравьи рода Формика, строящие над своим подземным сооружением большие купола из палочек и соринок, самые интересные, жизнь у них сложная. Я давно их не видал и невольно задерживаюсь, чтобы полюбоваться, как всегда, их слаженной и энергичной общиной. Здесь в Центральном Казахстане этот муравей нередок, но располагается обязательно возле кустарников и деревьев или среди них.

СУХАЯ ПАЛОЧКА

Мимо муравейника незамеченными рывками передвигается сухая палочка. Из одного ее конца высунется черная головка гусенички и ножки-коротышки. Они ухватятся за опору, подтянутся, и палочка сдвинется с места. Это гусеничка бабочки чехлоноски в сво-

ем домике. Она соорудила его из сухих былинки и так ловко подогнала друг к другу строительный материал, что получилась настоящая палочка. Чтобы усилить обманное сходство с предметом, никому не нужным, гусеничка осторожна, движется рывками и при малейшей тревоге замирает надолго: не дай бог, кто-нибудь увидит, разгадает секрет маскировки! Мимо палочки-гусенички бежит муравей. Наткнулся на нее, остановился, пощупал усишками, примерился: хорошая палочка для муравейника. Схватил и потащил к себе, на свой дом. Вскоре ему помогли, занесли палочку на самый верх муравьиной кучи, приладили к ней, оставили.

Долго лежала гусеничка в своем домике, боялась пошевелиться и высунуть головку: вокруг металась масса рыжих разбойников. Так долго гусеничка притворялась палочкой, что мне надоело следить за нею. В трудное она попала положение из-за своей поддельной внешности. Как она теперь выберется из плена? Ловко всех обманывала, а тут попала. Теперь, изволь, лежи и не двигайся.

Все же не выдержала притворяшка. Вытянула головку, уцепилась ножками-коротыш-

ками, подтянулась рывком. Муравьи сразу заметили неладное. В чем дело, почему палочка сдвинулась с места? Собрались кучкой, ощупывают, обнюхивают. Но палочка как палочка, лежит себе и не шелохнется. И - разбежались во все стороны. Гусеничка сделала снова один рывок, другой и постепенно, потихоньку сползла с муравейника, никем не замеченная. И все было бы хорошо, но когда муравейник оказался позади, снова нашелся умелец-строитель, ощупал, примерился - хорошая палочка! И потащил обратно. Так бы и продолжалось все время. Да солнце скрылось за набежавшими облаками, потянуло холодком, муравьи все скрылись в своем муравейнике. Только тогда гусеничка выбралась благополучно из стана врагов и поспешила подальше от опасного места. Хотя она и похожа на палочку, но каково ей, живой, лежать палочкой в чужом доме и без конца притворяться.

Пора и нам продолжать дальше путешествие.

КЗЫЛАЙ

Кзылай впервые мы увидели издали еще с горы Бегазы. На севере, на горизонте, виднелся большой гранитный

массив, изрезанный глубокими морщинами, ярко-розовый и слегка подернутый голубоватой пеленой воздуха.

По прямой линии до него - было примерно около сорока километров. Но краткого пути к нему мы не знали. Его надо было искать где-то среди переплетения проселочных дорог, на что из опасения потратить напрасно горючее не решились. Пришлось возвратиться в Актогай, начав путь от этого селения.

В Кзылай вела неплохая дорога, по которой мы вскоре достигли цели. Первое, что меня поразило при взгляде на горы, сильная их расчлененность, а также разнообразные фигуры выветривания. И еще - сосны! Они росли всюду на скалах, часто даже на совершенно голых, укореняясь в ничтожно малых и узких трещинах. Им жилось, бедняжкам, нелегко, и от тяжелых условий существования некоторые деревья прежде времени старились и погибали, оставаясь стоять на корню крепкими светлыми скелетиками. Но кое-где сосны выглядели неплохо, хотя и были коряжистыми и низкорослыми. В ложбинах между горами располагались густые лески из осины и березы. В некоторых из них

журчала прозрачная вода горных ручьев. Царство гранита слоистого, обточенного ветрами и дождями, потрескавшегося от давних катастроф, сопровождавших землетрясения, чистый и прозрачный воздух с густым запахом смолистой хвои и синее небо с белыми облаками, повисшими над горами, тишина и покой. Все это производило впечатление какого-то особенного мира, застывшего в торжественном величии.

Все же удивительна резкая смена природы, которая произошла за три-четыре десятка километров. Каменистая пустыня, покрытая боялышем, сглаженные сопки, поросшие низкой травой с редкими кустиками таволги, сменились типичной степью, сочными лугами в понижениях - и вдруг гранитные горы, густые лесочки из осины и березы в понижениях между ними, сосны на скалах и еще шапки стелющегося можжевельника. Обилие зелени, запах леса порождают ощущение совсем другого мира. Цветут шиповник, жасмин, шалфей, сурепка, гвоздика, ромашка, камнеломка. Местами зелень пестрит от пушистых головок сон-травы: она обычно цвела ранней весной.

Едва мы расположились на

бивак, выбрав для него ровную гранитную площадку, как к нам пожаловал десяток бабочек-нимфалид, черных с белыми пятнами. Они беспрестанно крутились вокруг машины, над разложенными на камнях вещами, но соблюдали осторожность и к себе близко не подпускали. Что их привлекало к нам, не знаю. Быть может, это была просто их площадка, а мы на ней - гости. По земле бегали всегда деловитые большие муравьи-кампонотусы, кое-где протянулись тропинки процессий рыжего лугового муравья.

Вскоре на нашу остановку появились крупные слепни табанусы, забились в машину и стали в ней крутиться возле лобового стекла. Но на нас не обратили внимания, будто осознав бесполезность попыток урвать каплю крови у такого чувствительного к укусам существа, как человек. Странные слепни. Сказалось, возможно, то, что не было за многие тысячелетия ни одного удачника, который бы дал потомство от напившегося крови человека. Кто же выдержит нападение такой крупной мухи, вооруженной толстым хоботком, приспособленным для прокалывания прочной кожи лошадей, коров, архаров и козлов. Зато из ближай-

шего леска сперва днем пожаловали к нам крупные желтые комары - аэдесы весансы, а к вечеру прилетел и отряд комаров помельче - кулексов. Но комары нам не страшны. У нас друг - ветер, и, кроме того, мы снабжены пологами. Пусть всю ночь напролет воют кровопийцы, ничего им не достанется от нас.

Среди пожелтевших трав виднелась масса засохших и когда-то цветших растений. Предлагаю, какой роскошью выглядел Кыларай весной и в начале лета! Кыларай - самый южный форпост распространения замечательного дерева - сосны. Здесь ее продвижению к югу способствовала солидная высота местности над уровнем моря. Мой высотомер стал на отметке в одну тысячу метров, хотя мы расположились у подножия гранитных гор. Южнее на горе Бегазы такой же гранитной, но более низкой, сосны уже нет, перешагнуть дальше к югу через границу жизни, установившуюся веками, это дерево не смогло.

Далеко вокруг места, где мы остановились, не видно поселений, они здесь малочисленны. Почти нет следов человека и домашних животных. Мы были одни. Но вездесущие и

беспечные любители природы и путешествий, не столько выезжающие на ее лоно, сколько наезжающие на ее, местами кое-где оставили следы своего пребывания в виде кострищ и консервных банок, очевидно, представляя себе, что засорение природы подобными предметами не оскверняет ее облика, и вообще не затрудняя свое мироощущение подобными пустяками. Основательно здесь поразвлеклись и охотники. Следов зверей нигде не видно, и старые, потрескавшиеся рога архара с остатками черепа служили упреком человеку, чья безграничная и часто алчная деятельность сказалась на природе.

Известный польский политический ссыльный А. А. Янушкевич, проезжавший около ста пятидесяти лет мимо Кыларая, писал, что в этих горах водится очень много маралов и архаров и других разных зверей. Архаров остались считанные особи, а марал отсюда давно исчез полностью и, по-видимому, безвозвратно. Рано или поздно любительская охота и браконьерство изживут себя, так как недалеко время, когда охотиться уже станет не на кого. Таково горькое утешение о неизбежном исчезновении этого порока.

Когда мы остановились у большой гранитной скалы в окружении сосен, выющегося можжевельника, к нам тотчас же прилетела стайка сорок, вся семья в полном составе. Рассевшись поодаль, птицы стали наблюдать за нами, редкими посетителями этих мест. Как всегда, блистая присущей этой птице грациозностью, к которой мы настолько привыкли, что перестали замечать, и, проявляя деловитость, птицы не стали попусту тратить время и вскоре полетели куда-то друг за другом.

Алексей спустился в ложок к крохотной осиновой рощице и, нарушая царившую здесь тишину, стал выламывать сухие ветки для костра. Из рощицы выскочил насмерть перепуганный заяц и помчался прочь, ловко и легко перепрыгивая с камня на камень. На склоне горы он был очень хорошо замечен. Мы, давным-давно не выдавшие никаких зверей, сперва застыли в изумлении, затем выразили свой восторг непроизвольно вырвавшимися и неумеренно громкими криками, еще больше испугав бедного обитателя этих мест. Сколько радости принес нам этот один-единственный зайчишка! Как дикие животные красят природу, уси-

ливая чувство очарования ею! В этот момент я подумал о том, как печально, когда небольшая частица нашего общества, не без гордости именуемая себя охотниками, обкрадывает всех нас остальных тем, что истребляет диких животных, лишая счастливой возможности познавать и любить природу во всей ее красоте, величии и загадочной сложности.

Мне невольно вспомнился недавно увиденный и передававшийся по телевидению репортаж с агрономом Мальцевым. Патриот своей Родины, скромный и беззаветный труженик, он так сказал про охотников. Привожу его слова, хотя и по памяти, но, как мне кажется, почти дословно: "Прежде было любо выйти в поле, столько было зверя и птицы. Сейчас ничего не осталось. Недавно тут к нам приехал из города один охотник. Пожаловался мне: - Целый день ходил по вашим полям и лесам и только одного зайца выпугнул. - Ну и что? - спросил я его. - Как что? Конечно, убил его. Сейчас ограничивать охоту стало нелегко. У всех мотоциклы, автомашины. На них куда хочешь можно укатить. Давно пора изъять все охотничьи ружья..."

Да, так называемая любительская или спортивная охота давно себя изжила, стала непозволительной роскошью. Говорю я об этом сам, в юности бывший охотник, сознавая полную ответственность и правдивость своих слов, хотя они вызовут массу нареканий и недовольства.

К вечеру затих легкий ветер, и в Кызырае наступила удивительная тишина. Лишь один раз раздалось едва слышное хлопанье крыльев. Это стая голубей взлетела с гор, покругилась и исчезла. Белые облака ушли, и над причудливыми горами на всю долгую ночь в прозрачном воздухе засверкали большие крупные звезды на потемневшем небе.

В наступивших сумерках по гребню скалы на фоне потухающей зорьки вижу черный силуэт птицы. Она бесшумно скачет к нашему биваку. Вот показался длинный хвост, и в таинственной посетительнице я узнаю сороку. Какая она хитрая, весь день не показывалась, и вот теперь заявила проводить, нельзя ли чем-нибудь поживиться.

Судя по разбитым бутылкам, заржавевым консервным банкам, здесь не раз останавливались туристы. Быть может,

сорока изучила их поведение и беспечное отношение к своей еде.

Сорока исчезла, мелькнув силуэтом на камне. Значит, потихоньку обследовала нашу стоянку, наверное, что-то все же нашла, чем-то поживилась: на походном столике лежали куски хлеба, возле кустика выбросили остатки каши.

ПРАВДА О МУМИЕ

Преодолевая боль в ноге, не спеша, брожу по гранитным горам Кызырая и всюду среди прелестной и живописной местности вижу следы не в меру трудившихся здесь искателей мумие. За последние два десятилетия множество сборщиков этого целебного вещества ринулись в горы. Незваные гости прочесали их во всех направлениях, оставив следы в виде перевернутых, сдвинутых в сторону или даже расколотых зубилами больших камней, выгребенных наружу из щелей щебня, мелкого мусора и остатков мышинных испражнений. Этому нашествию способствовало развитие автомобильного транспорта нашей страны и многочисленные дороги. Много мумие было заготовлено геологами, топографами, геодезистами,

картографами. Сейчас мумие стало широко распространеным, осело в руках населения, особенно в Средней Азии и Казахстане.

Как-то на выставочном стенде книг-новинок в библиотеке Института зоологии Академии наук КазССР я увидел книжку Б.С.Юдина, И. Галкина и А.Ф. Потапкина под названием "Млекопитающие Алтая-Саянской горной страны" (Новосибирск: Наука, 1979) и заинтересовался ею, рассчитывая прочесть про замечательного зверька - серебристую полевку. Там ей было посвящено несколько страниц с подробным скучным описанием в академическом духе систематики, морфологии и очень мало уделено биологии. Заключительная фраза этих ученых меня поразила своей лаконичностью, подчеркивающей полнейшую неосведомленность авторов о предмете изложения. Она гласила буквально следующее: "Хозяйственное значение полевки неизвестно". И это было сказано после того, как многие горы нашей страны, в том числе Саяны и Алтай, в течение двух десятков лет были буквально переворочены самодеятельной, добровольной и многочисленной армией искателей гнезд этой по-

левки, производительницы прославленного мумие. Вообще, все зоологи в этом деле оказались поразительно далекими от жизни. Между тем своевременное изучение этой полевки способствовало бы прояснению той величайшей путаницы, которая возникла вокруг этого снадобья, пользующегося почти легендарной славой как средства против многих недугов человека. И многоликость мумие, о которой писала "Литературная газета", быть может, была бы давно снята.

О мумие уже существует немало сведений в литературе. Вот некоторые выдержки из них: "Мумие - слово греческого происхождения и означает "сохраняющее тепло". Такие ученые и врачеватели древности, как Аристотель, Авиценна, Мухамед Захарис и многие другие, применяли мумие при лечении различных заболеваний дыхательных путей, сердечно-сосудистых и пищеварительных трактов, мочеполовых органов, а также при нервных расстройствах, травмах, переломах костей, опухолях, отеках. Мумие применяется как средство, улучшающее общее состояние организма, нормализующее выделение сока, повышающее аппетит, снимающее боли и оте-

ность, способствующее быстрому прекращению кровотечения. Кроме того, оно нормализует обмен веществ, а также способствует прекращению заикания, моченедержания, глухоты, применяется при ожогах и обморожениях, как и при других заболеваниях"...

"Мумие как лекарственное средство известно в восточной медицине более двух с половиной тысяч лет и до настоящего времени применяется народами Востока при различных заболеваниях. О высокоэффективных свойствах мумие свидетельствует древняя восточная литература, хранящаяся в библиотеках Института востоковедения АМН УзССР, Управления духовенства Средней Азии и Казахстана, в отделах Востока библиотек Москвы, Петербурга, Душанбе и Баку. Более 70 лечебных трактатов содержат богатейший материал о широком применении врачами мумие в качестве средства, усиливающего регенеративные процессы различных тканей организма, противовоспалительного, антитоксического, общеукрепляющего препаратов, а также восстанавливающего пониженную функцию периферической нервной системы и анализаторов

головного мозга"... Итак, мумие - биологический стимулятор широкого спектра действия на организм человека.

Предприимчивые искатели мумие, проявив изобретательность, стали получать этот якобы лечебный препарат от грызунов. Появилось сомнительное, так называемое "степное" мумие. Мумием стали называть прополис, вырабатываемый пчелами, в смеси с другими веществами и т.п. Не обошлось и без авантюристов, выбрасывающих на черный рынок подделки мумие с использованием гудрона и асфальта. Производителями же настоящего азиатского мумие, использовавшегося столь широко с незапамятных времен, считались только два грызуна.

В горах Саяны, Алтая, Тарбагатая, Тянь-Шаня и Памира водится полевка серебристая, получившая научное название Алтикола аргентата. В гранитных же горах Центрального Казахстана, которые характерны своими многочисленными горизонтальными трещинами и как бы налегающими друг на друга плитами, "матрацевидными" гранитами, как их называют геологи, водится другой очень близкий вид, названный полевкой Стрельцова, - Алтикола Стрельцова. От своей родствен-

ницы она отличается более уплощенным черепом. Очевидно, эта черта выработалась как приспособление к жизни в узких трещинах матрацевидных гранитов.

Я вскоре убедился, что обе полевки, чтобы уберечь себя от нежелательных посетителей своего гнездышка, устраиваемого под камнями, заделывает щели всяким мусором, главным образом остатками растений, потребляемых в пищу, очень любят мелкие гранитные камешки, россыпи которых, подтащенные грызунами и оставленные перед щелью, чаще всего и выдают их убежище. Среди строительного мусора встречаются и собранные полевкой фекалии горного барана архара, что, по-видимому, дало повод ошибочно называть мумие "Архар-мумие", испражнения лисиц и волков, остатки черепов и скелетов самих хозяев жилища.

Кстати сказать, если в организме полевки нет гельминтов, которые могли бы паразитировать у человека, то фекалии лисиц и волков, остатки трупов грызунов действительно требуют обязательной стерилизации мумие при его изготовлении, не всегда делаемой его искателями и добытчиками. Весь строительный материал укладывает-

ся грызунами по сторонам гнездышка вместе с катышками собственных испражнений, темными, продолговатыми, размером с рисовое зернышко, и смачивается мочой. Она служит главным скрепляющим материалом этой своеобразной штукатурки. Там, где мочой случайно полит только один камень, высыхая, она образует на нем черный смолистый, слегка прозрачный налет с характерным запахом чистейшего мумие.

Со временем загородка, устраиваемая полевкой, слипается и, подсыхая, образует очень прочную и слегка стекловидную на изломе массу, включающую различный мусор. Эта баррикада и есть мумие-сырец, из которого впоследствии готовится товарный продукт. Он состоит, конечно, не только из высушенной мочи, но и из выделений печени, кишечника и других продуктов переработки пищи.

У этой загородки, отлично защищающей от врагов, есть один недостаток. Она легко растворяется водой. Вот почему в горах Алтая, Тянь-Шаня, Памира, там, где значительны атмосферные осадки, вода, проникшая в защитную загородку, вымывает из нее легко раство-

римую часть, и она, вытекая черной массой, похожей на смолу, просачиваясь по щелям и подсыхая, оказывается в виде натеков и сосулек на камнях вблизи от жилища полевки. Такие натеки особенно хорошо сохраняются в пещерах, которые и служили местом погребения мумии теми, кто не подозревал о его истинном происхождении. Это обстоятельство служило поводом для того, что о происхождении мумии далеко не все догадывались и не понимали, что оно собой представляет. Отчасти о его происхождения умышленно умалчивали. Пугали его также с другим веществом не органического, а минерального происхождения - горным воском озокеритом, внешне очень похожим на мумию. Озокерит, часто постулавший к медикам, усиливал путаницу в оценке мумии и способствовал убеждению о его многоликости.

Неожиданно мне открылась еще одна неизвестная и, как мне кажется, существенная особенность мумии. Я убедился, что там, где в горах не рос можжевельник, в гнездах полевки серебристой и Стрельцова мумии никогда не образовывалось, а загородка, устраиваемая грызунами из

мусора и камней, рыхлая и без характерного связывающего продукта, из которого готовилось лекарство. Эта особенность архитектуры жилища зверьков настолько постоянна, что дает мне право утверждать: мумия образуется только теми полевками серебристой и Стрельцова, которые, наряду с другими растениями, поедают также хвою и шишкочьягоды можжевельника.

Вместе с этими двумя полевками в горах обитает еще другой грызун - милый, маленький, короткохвостый и немножко похожий на миниатюрного зайчика - пищуха, или сенокоска. Она так же, как и обе полевки, просушивая, заготавливает стожки растений впрок на голодное зимнее время. Испражнения этого грызуна совсем другие, не продолговатые, а почти идеально шаровидные, как дробь. Среди заготовителей мумии существует ошибочное мнение, будто пищуха тоже может выделять мумию. Это явное заблуждение. Ему способствует также то, что нередко гнезда пищух занимают полевки и пропитывают ее фекалии мочой, и наоборот.

Можжевельник, или арча по-тюркски, широко распространен в горах Казахстана, Сред-

ней Азии, в Крыму и на Кавказе. Известно несколько его видов. Это замечательное растение имеет форму деревьев или чаще всего низко стелющихся кустарников. Древесина его мягкая, красивая, упругая, не поддающаяся гниению, приятно пахнущая. Из нее готовят карандаши, что к тому же при бесконтрольных рубках на топливо немало способствовало истреблению этого растения. Заросли можжевельника препятствуют быстрому таянию снегов и противостоят разрушительным паводкам, предохраняя почву горных склонов от размыва и постепенно питая водою горные реки. В нем находит убежище и питается его хвоею и шишкочьягодами множество зверей и птиц.

В можжевельниках, особенно летом, воздух напоен сильным запахом хвои. Подсчитано, что один гектар зарослей можжевельника выделяет в воздух за день около 30 килограммов летучих веществ, обладающих бактерицидными и противогрибковыми свойствами. Замечено, что больные домашние животные, попав в можжевельники и поедая его, быстро восстанавливают здоровье и утраченные силы. Не случайно жители Средней Азии называ-

ют его деревом жизни. Шишкочьягоды этого растения испокон веков использовались в народной медицине как мочегонное при заболевании почек, подагре, хроническом воспалении мочевого пузыря, желудка, печени и многих других болезнях. Эфирные масла, содержащиеся в можжевельнике, нашли применение и в современной медицине, а также в пищевой и парфюмерной промышленности. Издревле окуливание помещений сжиганием хвои и шишкочьягод использовалось для дезинфекции. Из можжевельника готовились особые свечи, зажигаемые в буддийских храмах.

Целебные свойства мумии, без сомнения, обусловлены употреблением в пищу полевками этого растения. По существу мумия - продукт переработки можжевельника, прошедший через организм маленького зверька и получивший какие-то дополнительные качества. Очевидно, эфирными маслами, содержащимися в этом растении, и обусловлен своеобразный бальзамический запах мумии. Поэтому крайне не обоснованы рекомендации некоторых медиков Киргизии, предложивших получать мумию в лабораторных условиях, скармливая

серебристым полевым еду вроде хлеба, овса и люцерны.

Трудно сказать, когда и как человек догадался использовать эти испражнения грызунов для лечения болезней. Человечество старо, и, быть может, это лекарство было вначале опробовано, как всегда, случайно, в очень отдаленные времена еще дикарем, едва научившимся использовать камень и палку. По-видимому, не случайно память человека, передавая из поколения в поколение хвалу мумие как могучему средству лечения, опробованному тысячелетиями, донесла ее до наших дней.

Современная медицина, основанная на великих достижениях разнообразных наук, не смогла затмить былую и почти забытую славу этого вещества с весьма нелестным происхождением, и, как не сказать, "все возвращается на круги своя", и в недавние годы к мумие пробудился острый интерес. Широко распространенная "болезнь" ученых - всепроникающий скептицизм, как всегда, граничащий с цинизмом и разъедающий естественную и присущую природе человека любознательность, долгое время закрывала путь мумие в медицинские клиники и лаборатории. Пока обсуждались планы и стра-

тегия научного подхода к таинственному лекарству, народная молва, быстро прокатившись по нашей стране, вскоре же породила незримый и стихийно выросший отряд, если не сказать армию, добытчиков мумие. Для одних оно послужило источником материальных благ, для других - возможностью романтических экспедиций в горы и обретения связи с природой, любовь к которой ограничивалась охотой, рыбной ловлей или сбором грибов и ягод. Добыча мумие стала увлекательным, интересным и к тому же полезным занятием. Интерес же служил побудителем и источником энергии для этого промысла. Одновременно разрушение жилищ полевок способствовало истреблению этих грызунов естественными врагами.

Много столетий, если не тысячелетий, теперь потребуются миловидным мышкам трудиться, перемалывая острыми зубками разнообразные растения, пропускавая их через кишечник и старательно заделывая щели под камнями, чтобы восстановить свои разрушенные жилища и вновь создать драгоценный материал, получивший в наше время столь неожиданное и бурное признание.

Сейчас численность полевок серебристой и Стрельцова силь-

но упала. Настало время объявить строгий запрет на добычу мумие, а также организовать его закупку у населения, тем более что оно от неправильного изготовления и хранения портится. Пришло время, когда необходимо обратить пристальное внимание ученых на мумие: биохимиков, фармакологов, клиницистов, а также зоологов. Пока же его применение и изучение происходит стихийно, не связанными друг с другом энтузиастами.

Впрочем, как это происходит в медицине, в последнее время интерес к мумие ослабел. К тому же врачи чисто умозрительно, ссылаясь на то, что оно ускоряет сращение костей при их переломах, возбуждая рост регенеративных тканей, стали подозревать, что это вещество способствует росту злокачественных опухолей.

ОПАСНАЯ ВСТРЕЧА

Иду между горами вдоль гряды гранитных скал по широкому и тоже гранитному ложу. Немного в стороне от пути из-под большой каменной глыбы выглядывает груда мелкого щебня. Под ней должно находиться жилище полевок Стрельцова, здесь же, судя по куче выброшенного наружу мусора, по-

трудились неумные искатели мумие. Среди мусора вижу косточки и пару черепов грызунов, а также, к удивлению, нахожу хорошо сохранившийся скелет небольшой жабы. Разоренное жилище, по-видимому, не брошено его обитателями. Часть мусора подтащена обратно в щель, тут же, в глубине ее, вижу с десятков высохших катышков конского навоза. Грызуны не только заделывают щели вокруг своего гнезда мусором, но также затыкают его вход чем попадается, препятствуя проникновению враждебных и нежелательных посетителей.

Глыба камня большая, размером с грузовик. Постепенно обхожу ее с другой стороны, опускаюсь на колени, заглядываю в узкие щели и от неожиданности вздрагиваю: едва ли не в двадцати-тридцати сантиметрах перед своими глазами вижу необыкновенную и крупную змею. Она лежит в глубокой тени совершенно неподвижно, свернув кольцами тело. Только одна голова ее освещается солнцем. Змея, судя по всему, отлично насытилась, сонная, вялая, видимо, проглотила мышку, ее туловище в одном месте непомерно раздуто, и погрузилась во

власть блаженного пищеварения. Но я знаю, что за видимым благодушием таится всевидящая бдительность, и в случае необходимости может быть совершен молниеносный защитный бросок вперед и наказан нарушитель покоя. Все же как важно всюду соблюдать осмотрительность, даже здесь, в гранитных горах, где, казалось бы, не должны обитать ядовитые змеи. Но кто она? Отклонившись на почтительное расстояние, внимательно разглядываю незнакомку, в то время как она не спускает с меня взгляда светлых и злых глаз.

Я встречался с очень многими змеями и запомнил хорошо их обилие. Знаю, как сильно изменчива окраска могущей здесь оказаться гадюки. Но на спине незнакомки нет характерного ромбовидного рисунка, да и слишком она крупна. Тело ее пересекают яркие светлые поперечные полосы, очерченные по краям темными линиями. Хвост не слишком длинен, но тонок. Голова окрашена очень контрастно и в причудливом сочетании черных и белых пятен. Перебираю в памяти все, что знаю о змеях, и не могу вспомнить ничего подобного. Может быть, это ядовитая змея щито-

мордник? Он еще более, чем гадюка, изменчива в окраске. Помню, как-то в окрестностях Алматы случайно встретил совершенно необычные крайние вариации щитомордника от глубоко черного до ярко кирпично-красного цвета. Они до сих пор должны храниться в спирту в коллекции Института зоологии Академии наук Казахстана.

Щитомордников перевидал много, но такого яркого и контрастно окрашенного не встречал. Кто же эта змея? Если ядовитая, то с нею надо быть осторожней. У ядовитых змей, водящихся в Средней Азии, зрачок щелевидный, как у кошки. Как бы ни было, упускать змею нельзя. За ее поимку мне будут благодарны герпетологи.

Осторожно занесу над змеей палку, медленно приближаю ее к голове. Сейчас придамлю к земле, а тогда уже будет нетрудно, ухвачу змею за шею. Но какое коварство! Змея все отлично поняла, а когда пришло время действовать, внезапно очнувшись, резко выбросила вверх туловище, ударила зубами по палке, оставив на ней капельку янтарно-желтого яда, и бросилась к щели под камень. Вот бы обладать такими нервами: оставаться спокойным до самого момента, пока не наступила пора

решительных действий. Борьба с моей добычей была недолгой, но очень напряженной и стоила сил. Я боялся упустить находку. Вскоре, зажав крепко пленницу за шею, поспешил к биваку. В это время, как мне казалось, на меня со злобой глядели желтые глаза с узким щелевидным зрачком. Моя добыча была торжественно водворена в просторную трехлитровую банку. Пусть путешествует с нами до города!

Немного остыв и успокоившись после поимки змеи, вспомнил, как она, пойманная, энергично трясла и вибрировала своим коротеньким хвостиком. Щитомордник - родственник очень опасных ядовитостью гремучих змей, водящихся в жарких странах. Такое название они получили за то, что на кончике хвоста имеют своеобразную погремушку из сухих чешуй. Потряхивая ею, змея издает

Ядовитая змея щитомордник в позе, готовой к нападению

звуки предупреждения об опасности. У щитомордника настоящей погремушки нет, но способность трясти хвостом в минуты опасности осталась от далеких предков. Значит, наша змея - тоже щитомордник, только очень крупный, а необычность и контрастность его окраски - от того, что она недавно перелиняла.

Я далек от какой-либо мистики. Но вчера мне приснилась большая серо-зеленая в крупных пятнах змея. Ее желтые, но с круглым зрачком, глаза смотрели на меня очень злобно. Мне было неприятно держать в руках это существо, и я выпустил его. Змея сразу же спряталась среди вещей в комнате, утражая своим незримым присутствием. Щитомордник, которого я поймал, мог легко отправить меня на тот свет, когда я, не заметив его, приблизил к нему свою голову.

Мой сон и встреча со змеей, конечно, - случайное совпадение. Но как подобные совпадения укрепляли веру в вещи сны!

ИСПОРЧЕННЫЙ ЧАЙ

Погода в Кызырае установилась солнечная и жаркая.

Природа, казалось, разомлела от тепла, деревья и травы стояли, не шелохнувшись. Сильно пахло хвоею. Вечером, изрядно потев днем, мы выпивали много чая. Алексей был большим любителем чая, пил его очень крепким и никогда никому не доверял его заваривать. Для этого, оказывается, существовал целый свод строгих правил, о существовании которых я не подозревал, и Зоя, попытавшаяся было справиться с этим поппенным делом, получила строгое осуждение.

- Веник, а не чай! - с неприязнью заявил Алексей.

От пристрастия нашего чаелюбца экспедиционные запасы чая быстро таяли, и я не знаю, что пришлось делать, если бы не Актогай, оказавшийся на нашем пути. Для чая Алексей взял из дома опрятный голубенький чайник, который служил у него едва ли не главным предметом экспедиционного обихода. Действительно, чай из этого чайника был всегда вкусным и очень крепким.

Сегодня вечером, перебравшись на новое место, мы, плотно поев, наконец, добрались и до чая и едва приступили к нему, как раздался гневный голос Алексея:

- Дохлатина, а не чай! Ни-

когда не пил такой дряни!

Чай был немедленно забракован и выплеснут, так как в нем оказался какой-то привкус. Его ощущал даже я, неискушенный в оценке этого напитка. Пришлось терпеливо ждать, пока закипит снова чайник. Но новая заварка чая оказалась еще хуже предыдущей. С досады Алексей рассыпал остатки чая из початой пачки на землю и стал рыться в вещах, разыскивая пачку новую. Но и на этот раз чай был также довольно скверным. Причина порчи чая была непонятной, и раздосадованный Алексей, долго рассуждая о недобросовестной сортировке и расфасовке столь деликатного товара, стал угрюмым и кое-когда с подозрением поглядывал в мою сторону: иногда я посмеивался над его пристрастием к этому напитку, и он, наверное, заподозрил подвох с моей стороны. Утром следующего дня Алексей вспомнил, что в его рюкзаке должна быть одна пачка, купленная еще в Алма-Ате. Запасная пачка нашлась, и Алексей торжественно приступил к заварке, открывал крышку, вдыхал пар, причмокивал и что-то нашептывал себе под нос, продолжая искомса поглядывать на меня. Зоя стала первой пить чай. В ее гла-

зах мелькнуло веселое и насмешливое выражение, и я не мог догадаться, хорош или плох сегодня чай. На мой вкус, чай был неважным, Алексей же, хлебнув глоток, молча отложил в сторону кружку, и, как мне показалось, лицо его слегка побледнело с досады.

- Алеша! - стала примирительным тоном уговаривать нашего чаелюбца Зоя. - Честное слово, чай стал лучше, чем вчера. Давай его еще раз прокипятим!

Вечером чай стал немного лучше, мы пьем его, почти ничего не замечая, и только Алексей морщится, чертыхается и утверждает, что напиток все же отдает дохлатиной.

Но вот наши дела закончены, мы прощаемся с Кызыраем, с уютным и красивым ущельем между причудливых гор, прозрачным ручьем и зеленым леском, его обрамляющим, и укладываем вещи. Промывая голубенький чайник от старой заварки, Зоя случайно заглядывает в его носик, потом мчит к машине, тащит оттуда проволоку, возится с чайником и, наконец, торжественно и важно несет на проволоке какой-то комочек.

- Смотрите! - обращается она ко мне. - Что я такое вытащила из носика чайника?

На проволоке висит оповительно вываренная куколка бабочки. Вглядываюсь в нее и узнаю непарного шелкопряда. Все становится понятным: гусеница заползла в носик чайника и там окуклилась.

- Ну я же не зря говорил, что это не чай, а дохла-тина! - возмущаясь и отпле-вываясь, говорит Алексей, рас-сматривая с величайшей не-приязнью куколку непарного шелкопряда. - Никогда не ду-мал, что в жизни придется пить чай из такой гадости. После такого не захочешь больше ездить в экспедицию.

Непарный шелкопряд - злейший вредитель леса и с ним приходится быть начеку. Непарным он называется за то, что самцы и самки совсем не похожи друг на друга и как бы не составляют пары. Самец - небольшой, коричневый, стройный, с роскошными перистыми усиками. Самка - значительно крупнее, грузная, почти белая с черными пестринками на крыльях. Гусеницы появляются весной, подрастают к лету, затем окуклива-ются, и вскоре из них вылета-ют бабочки. Самка отклады-вает яйца одной кучкой в виде плоской лепешки и закрывает

их густыми охристо-рыжими волосками, снятыми со своего брюшка. Густая волосная по-крышка предохраняет яички и от врагов, и от резких смен температур. Непарный шелко-пряд опасен тем, что изредка появляется в громадном коли-честве, и тогда объединенные де-ревья стоят без листьев, голые и неприглядные. Распростра-нен этот вредитель лесов очень широко, почти по всей Азии и Европе.

В прошлом столетии один энтомолог завез несколько ба-бочек в Северную Америку. Он вздумал осуществить дур-ную затею: получить потом-ство от скрещивания с тем шелкопрядом, от которого получают натуральный шелк. Случайно несколько бабочек вырвались на свободу, и с тех пор непарный шелкопряд в Северной Америке стал злей-шим вредителем лесов.

В том месте, где мы оста-новились, было немного гусе-ниц этой бабочки, и ее потом-ство, как бывает в лесах, не нарушенных деятельностью человека, видимо, сдержива-лось естественными врагами. И все же нашлась одна гусе-ница, вознамерившаяся окук-литься в носике нашего чай-ника!

КОРОВА С ТРЯСОГУЗКАМИ

После Кызылая наш путь лежит на запад все через тот же Актогай на неведомую гору Нуртай. До нее, судя по карте, не так уж и далеко, около ста километров, но дорога туда, рас-сказывают, разная и неопреде-ленная, по степям, и я чувствую, нам придется больше руковод-ствоваться картой и компасом. Так и едем, останавливаясь там, где одна или несколько дорог сходятся или пересекают друг друга. По степному же раздо-лью и среди небольших холмов всюду виднеются каменные курганы, и я, чтобы не терять времени, подворачиваю к ним машину прямо по целине, на-деясь увидеть те, которые мне пужны, с грядками.

Бескрайней степи нет кон-ца, и нет нигде признаков чело-веческого жилья. Хотя бы по-встречался одинокий всадник или юрта скотоводов, чтобы узнать, где мы находимся, куда движем-ся. И всюду одну и то же: тип-чак, золотистый ковыль, куртин-ки таволги да по горизонту хол-мы и горки грядками. Доедешь до них, и снова открываются без-граничные степные равнины. Долго ли так будет продолжать-ся? Наконец, из-за бугра неожи-

данно показалось несколько юрт, возле них бродят коровы. Подъезжаем ближе. Я рад оста-новке, отдыхаю. Алексей идет разговаривать с чабанами.

Возле машины пасется ко-рова, щиплет коротенькую травку. И рядом с нею семе-нят ножками пять стройных желтых трясогузочек. Вначале я подумал, что птички случайно очутились возле пасущегося животного. Но, оказывается, она их кормилица, и ее не слу-чайно так прилежно сопровож-дают маленькие птички. Кору-ва бродит по траве, с нее, опа-саясь быть раздавленными, взле-тают мушки, добыча птиц. Кро-ме того, возле самой коровы крутятся мухи, на них тоже охотятся проворные пичужки. Вот одна, за нею другая под-скакивают к самой голове жи-вотного и склеивают по мухе. Обычно коров сопровождает целый рой назойливых мух. Особенно много их садится воз-ле глаз. У коровы же с почет-ным эскортом благодаря стара-ниям трясогузок голова чистая, и на ней совсем нет мух. Вот какую замечательную услугу оказывает милая птичка! И ко-рова будто понимает, ценит оказываемую услугу, ни на одну из своей свиты не наступит и не отмахивается хвостом.

Возле Алексея собралась целая толпа. Судя по всему, происходит оживленное обсуждение нашего маршрута. По опыту я знаю, что беседа будет продолжаться долго. Но не жалею времени. Уж очень интересно наблюдать за столь замечательным содружеством птиц с пасущимся животным. К пяти пичужкам подлетает шестая. Ее появление моментально заметили, встретили недружелюбно, прогнали: "Мол, не лезь сюда, наша корова. Ищи себе другую!". Наверное, пять трясогузок - целая семья, один выводок. А шестая - чужая.

Наконец, обсуждение закончено, наше место на карте определено, мы примерно представляем и предстоящую дорогу. Впереди показалась полоска деревьев, судя по всему, это то, что нам нужно, - река Карасу. Гора Нуртай где-то в верховьях этой степной речки. И еще виден большой поселок, как оказалось впоследствии, - Жамши. Нам он не по пути, теперь следует двигаться по правому берегу речушки, сворачивать в сторону, искать другую дорогу. И дорога находится. Но едва я на нее сворачиваю, как вижу каменный курган, и по обыкновению подвожу к нему машину.

Какая радость, какая удача! Курган оказался с грядками! Вытаскиваю буссоль, штатив, рулетку, карандаш, бумагу. Приступаю к работе. Целый час мы трудимся, и, наконец, моя коллекция чертежей курганов с грядками пополняется. Теперь можно приглядеть место для ночлега возле речки среди зарослей ив да приниматься за еду и отдых.

ЗВУЧАЩИЕ КУРГАНЫ

На следующий день мы пересекаем речку, воды в ней очень мало, и едем по ее правому берегу.

Наш путь идет по широкой долинке, окаймленной невысокими горами. По ее середине видна едва заметная ленточка реки. Местами она обозначена зарослями ив. В стороне от дороги видно четыре больших каменных и черных кургана. Они хорошо выделяются среди светлой степи, обросли темно-зелеными густыми кустами таволги и шиповника. Только по зарослям можно не сомневаться, что курганы каменные. Влага, тающий снег и дождевые потоки, просачиваясь через камни, хорошо сохраняются у основания сооружения, создавая условия для роста кус-

тарников. Здесь в Центральном Казахстане все курганы каменные и почти все обросли кустарниками лишь потому, что среди камней хорошо сохраняется влага.

Подъезжаю к курганам, и вдруг с ближнего из них снимается большая стая розовых скворцов и, совершив над нами несколько виражей, уносится в сторону. Подхожу к кургану. Камни, из которых он сложен, все, как на подбор, почти одинакового размера, оранжево-красные и красиво выделяются среди темно-зеленой рамки растений. Но что это? Птицы покружились в воздухе и уселись на другой такой же курган, расположенный от первого метрах в ста, а тот курган, на котором я стою, продолжает звучать множеством птичьих голосов. Забираюсь повыше на курган, но птичий гомон не прекратился. Какое-то мгновение все происходящее мне кажется чудом. С недоверием гляжу на камни, на кусты. Конечно, здесь никого нет! Все птицы улетели. Я обескуражен, не могу понять, в чем дело, мне кажется, здесь скрыто какое-то необыкновенное чудо акустики, загадка природы, иначе как же может мертвый курган звучать, да еще так громко! Ведь все птицы улетели, до единой!

Догадался, в чем дело. Все камни разукрашены птичьим пометом. Среди камней в лабиринтах находятся многочисленные гнезда розовых скворцов с множеством птенцов. Они, прожорливые и, как всегда, с непомерным аппетитом, голосят изо всех сил, требуя родительской опеки и еды.

Так вот в чем дело! В кургане обосновалась колония этих птиц. Любимое место для поселения розовых скворцов - каменные осыпи. Курганы в степи оказались как раз кстати.

Розовый скворец - активный истребитель саранчи и кобылок. Во время массовых размножений азиатской саранчи, грозного врага сельского хозяйства, случается, что стая скворцов нападает на летящую стаю этих насекомых и тогда в воздухе происходит необыкновенное сражение: птицы бьют и повергают наземь массу этих крупных кобылок. Не потому, что голодны. Вовсе нет! Их захватывает азарт нападения на добычу. Такое сражение мне пришлось один раз видеть в 1948 году в окрестностях ныне ушедшего под воду Капчагайского водохранилища поселка Илийска. Утомленные баталией, птицы всей стаей сели на берег небольшого залива и долго и

усиленно отмывали свое оперение, видимо, изрядно запачканное во время охотничьего подвига.

Жалею, что на этот раз не взял с собою в поездку магнитофон для записи голосов животных. Оставляю звучащий курган, иду ко второму. С него тоже снимается стая скворцов и перелетает к оставленному мною кургану. Заботливые родители основательно нагроузились едой, кобылки

торчат в клювах птиц целыми пачками. Из-под камней второго кургана тоже раздается дружный хор великовозрастных птенцов.

Вскоре скворцы привыкают ко мне, почти перестают обращать на меня внимание, и мне удастся их сфотографировать при помощи фоторужья. Третий и четвертый курганы, они расположены цепочкой друг за другом, тоже заняты колонией птиц. Среди зарослей

таволги, окружающей курганы, нахожу несколько муравейников степного рыжего муравья. Здесь в открытой степи он нашел приют и тень от жаркого солнца.

Давно умерли и похоронены те, ради которых возведены эти погребальные сооружения. Их строительство потребовало немало труда: камнями приходилось возить не со столь уж близкого расстояния, с окружающих широкую долину гор. И курганы, обитель мертвых, дали приют колонии птиц и нескольким семьям муравьев да кустарничкам.

РОЗОВЫЙ СКВОРЕЦ ДОСТОИН ПРИСТАЛЬНОГО ВНИМАНИЯ

Запомнить этого скворца легко. Черная голова с небольшим хохолком и черный хвост контрастируют с розовым брюшком и спинкой. Этот скворец гнездится на юге Европы и Азии. В Казахстане - от северных степей до южной его границы. Летает всегда стаями, стаями и кочует иногда на большие расстояния. Гнездится тоже только стаями. В общем, эти птицы в какой-то мере ведут общественный образ жизни и в одиночку их никогда не увидеть.

Распространен розовый скворец по своему ареалу беспорядочно, местами это, как мне кажется, зависит исключительно от того, есть ли в местности участки, пригодные для его общественного гнездования. К ним он очень привязан. Главная его пища - саранчовые. Он - активнейший истребитель саранчи, в том числе и появляющейся иногда массами - азиатской. Излюбленные места его гнездования - россыпи крупных камней, в расщелинах между которыми он устраивает свои коллективные гнезда. В среднем течении реки Или, когда стали строить канал для орошения рисовых полей, севернее западных отрогов Джунгарского Каратау, и прокладывая путь для воды в скальном грунте, большие грузовики нагромодили целые холмы камней. В них тотчас же поселились розовые скворцы. Очень кстати им пришлось и каменные курганы.

Степи Казахстана периодически страдают от азиатской саранчи. Для защиты растительности и посевов с самолетов распыляют ядовитые вещества. Одновременно от ядов погибает множество мелких животных, многие из которых полезны. Там, где есть гнездования розового скворца, саранча не

В каменном кургане обосновалась колония розовых скворцов

опасна. Гораздо дешевле и безвредней для природы, чем распылять яды над землею, устраивать нагромождения камней. Их нетрудно возить с мест разработок скального грунта, а также при строительстве дорог. В них тотчас же поселяются розовые скворцы - спасители от саранчи. Казалось бы, простая и недорогая мера. Но, сколько бы я не говорил работникам Защиты растений от

вредителей сельского хозяйства, они при появлении саранчи продолжают по-старому пользоваться ядами. Хотя и дорого, и для природы вредно, зато привычно и менее беспокоино.

Сейчас вследствие длительной засухи в пустынях Семиречья не стало никаких насекомых, в том числе и саранчовых. И розовые скворцы откочевали в другие места. Но все же кое-когда не-

редко проводят свои места бывших гнездовий. Жаль их видеть, планирующих плотными стайками возле своих родных мест. В этих стайках уж не увидеть молодых скворцов. Птицы в бескормных местах, где нет условий гнездования, живут холостыми стайками.

ДОЛИНА КАМЕННЫХ КУРГАНОВ

За звучащими курганами, среди широкой долины речки Карасу, далеко во все стороны виден сложенный из сырцового кирпича мавзолей. Он, как нам рассказали, был сооружен в 1904 году, и в нем захоронен волостной старшина Омаш. По его имени мавзолей и до сих пор носит название. Дожди основательно избороздили поверхность этого крупного и не лишенного оригинальности сооружения. Его толстые стенки еще много лет будут противостоять разрушающему действию времени. Рядом с мавзолеем, как обычно, возникло небольшое кладбище.

Я стал доверять неизвестным проселочным дорогам среди обширных просторов Центрального Казахстана. Лишь бы не забывать направления к цели, да в пути чаще сверяться с компа-

сом. Вот и сейчас будто повстречалась более удобная для нас дорога. Сворачиваем на нее. Она лежит, куда нам нужно, но неожиданно поворачивает совсем в другую сторону, оказывается, обходит большую гору. За горой же она уходит почти в обратном направлении и рельеф местности, которым было я вначале себя успокоил, тут ни при чем. Что делать? Возвращаться после того, как пройдено более десятка километров? Отчаиваться еще рано, обязательно найдется другая дорога, "наша дорога", как мы говорим. Так постепенно, оставляя одни дороги и выбирая другие, мы движемся вперед. Иногда на нашем пути встречается ферма, зимовка скота, они пусты. Их жители вместе со скотиной ушли на летние пастбища. Иногда видим юрту и тогда подворачиваем к ней, чтобы уточнить наш путь.

Гору Нуртай нам показали издавека, и мы не ошиблись, когда она мелькнула вдали на горизонте синей и пологой вершиной, но вскоре скрылась. На нашем пути - широкая межгорная равнина с небольшим, сильно заросшим ряской озерком. Здесь из земли выглядывают ребра глубоко закопанных больших гранитных плит, об-

разующих квадраты и круги. Это могильник, относящийся к так называемой андроновской культуре бронзового века двух-трех тысячелетий до нашей эры - европеоидным племенам.

В бинокль на светлом фоне равнины вижу темные кусты караганы. Они хорошо выделяются среди высохшей под солнцем травы. Куртинки кустарника располагаются то округлыми пятнами, то длинными полосами. Они кажутся почти черными, и я начинаю понимать, почему это обычное зеленое растение назвали караганой - черной акацией.

Издали никак не скажешь, что впереди просто заросли караганы или курганы, обросшие ею, и бинокль не может оказать помощь. Придется обследовать эту равнину. Курганов на ней оказалось много. Они следуют один за другим, все, как и положено, обросли кустарниками, в центре же красуются чистыми камнями.

Удивительно просты и долговечны эти старинные надмогильные памятники! Они простояли не одну тысячу лет и еще просуществуют многие тысячелетия, если только не будут уничтожены по каким-либо причинам человеком. Чтобы сберечь

время, как всегда, сворачиваю с дороги и подъезжаю к каждому кургану на машине. Наш газик - вездеход, и кусты и камни на пути ему ни по чем. Но все курганы обычные, простые, без придок. Неужели нам не повезло? Нет, повезло, наконец! Вижу издали гряды из камней возле кургана и, обрадованный, подруливаю к нему машину.

Курган очень своеобразный, ветви его короткие, но очень выпуклые. И здесь тоже загадка: одна ветвь намного длиннее другой, ориентация кургана не на восток, а на юго-восток, очевидно, на какое-то другое небесное тело. Пока с помощью своих добровольных помощников замеряю размеры кургана, определяю азимуты его отдельных частей, к нам подъезжает на лошади чабан. Я рад ему. От него мы узнаем, что равнина, в которой мы находимся, называется Кургантас, то есть "Каменные курганы". Здесь, действительно, много курганов. Он знает такой же курган, как и этот, возле которого мы крутимся, и он совсем недалеко отсюда. Поэтому, закончив съемку, спешим к нему.

Второй курган с очень длинными и довольно толстыми грядами. И, что удивительно, он точно также ориентирован на

юго-восток, как и предыдущий курган, и его левая ветвь также длиннее правой. Измеряю азимуты различных частей курганов, они такие же. Совпадение не могло быть случайным. И этот курган с грядами имел тоже какую-то связь с ориентацией на звезды. Еще обращает внимание толщина гряд. На их сооружение ушло камней во много раз больше, чем на большой и маленький курганы, вместе взятые. Курганы сильно поросли кизильником. Связистая почва кургана и гряд, удерживая влагу, облегчила проникновение корней в почву, обеспечивая благополучие растений.

Не означают ли пятна зарослей караганы во всей большой равнине грунтовые захоронения, то есть захоронения без надмогильной насыпи? Возле больших курганов археологи нередко находили более сотни таких, скрытых от взгляда могил, принадлежащих, возможно, простому люду или рабам, отправляемым на тот свет одновременно со своим повелителем.

При жестоких и варварских обычаях подобное происходило нередко. Например, когда умер один из чингизидов, потомок самого Чингиз-хана, то отряды его

войск и личной охраны, повсюду разъезжая, рубили голы всем попадавшимся на пути со словами: "Идите вместе с нашим господином!", отправляя таким путем на тот свет несколько сотен ни в чем не повинных людей.

Кому принадлежат курганы, кто в них захоронен? Невольно вспоминается Лопфелло, его Песнь о Гайавате:

На гробницах наших предков
Нет ни знаков, ни рисунков.
Кто в могилах, - мы не знаем,
Знаем только - наши предки;
Но какой их род иль племя,
Но какой их древний тотем -
Бобр, Орел, Медведь, не знаем;
Знаем только: "Это предки".

Беру ломик и прошупываю почву. Почти всюду, где растет карагана, железо натывается на камни. Так вот почему эта светлая равнина стала такой пятнистой! Она орнаментирована, по существу, траурными зарослями кустарников.

Вокруг кургана на горизонте ближайших холмов и гор почти всюду видны небольшие курганы. И по большей равнине тоже вокруг темнеют каменные курганы в обрамлении кустарников. Кое-где вижу одиночные плоские, вкопанные на

ребро большие камни. Они направлены на что-то.

Вечерело. Забираемся в небольшой лог с леском на самом краю равнины. Отсюда она почти вся на виду, большая, молчаливая, освещенная в багряный цвет лучами заходящего солнца, пестреющая темными полосами и пятнами черной акации. Быть может, вся эта равнина представляет собою единый сложно устроенный астрономический комплекс, разгадка которого может стать сенсацией века, подобно открытию знаменитого Стоунхенджа.

Солнце скрывается за горами, равнина темнеет, на нее ложатся синие тени, затихает основной лесок, возле которого мы остановились. Неожиданно над нами появляется большая стая пустельги. Чтобы хищники летали большой стаей вместе, да мне никто из орнитологов не поверит... Птицы молча, и как будто сосредоточенно, реют в воздухе, то планируя, то слегка взмахивая крыльями. Откуда и зачем слетелись сюда эти хищные птицы, обычно живущие порознь друг от друга? Неужели потому, что в этом месте возникли конвекционные токи воздуха, поднимающиеся кверху, на которых легко парить, или, кроме того,

они стали собираться из-за предстоящих, хотя и далеких, перелетов на южную сторону. Вспоминается описание полета одного из планеристов. Чтобы дольше продержаться в воздухе, он разыскивал места с сильными конвекционными токами воздуха по парящим птицам.

Еще больше сгустились сумерки. Птицы, будто закончив какой-то непрерывный ритуал, быстро и молча разлетелись во все стороны. Равнина с курганами погрузилась в темноту, и вскоре над нею засверкали яркие звезды.

На следующий день мы прощаемся с равниной Каменных курганов и переезжаем в другую, поближе к горе Нуртай, и вскоре натываемся еще на один курган с грядками. Судя по всему, этот курган раскопан археологами. Ветви его очень длинные, такие еще не встречались. Ориентирован он так же, как и два предыдущих. Теперь я не сомневаюсь в том, что курганы с грядками построены по нескольким типам ориентации, и все имеют какое-то отношение к древней астрономии, связанной с жизнью человека и его верой в существование загробного мира.

Потом долго крутились возле горы Нуртай, но ничего ин-

тересного не нашли. Опять археологи что-то напутали, нет здесь никакого кургана с тридцатью семью воинами, который я так долго старался найти. Теперь нам осталось добраться до асфальтового шоссе, идущего из города Караганды на Балхаш и Алма-Ату.

Вскоре мы находим отличную гравийную дорогу. Прощайте проселочные дороги и тихая размеренная езда! Моей машине предстоит стремительный бег едва ли не на тысячу с лишним километров до дома.

Мелькают городок Аксуаюлы, за ним Акчатау, стоящий уже на асфальтовом пути. Здесь вливаемся в поток безудержно мчащихся машин. Холмы, горы и горки каменистой пустыни проплывают мимо. На горизонте показалась одинокая и хорошо знакомая острокопечная гора Толагай. Она мне очень нравится своим торжественным величием в сочетании с ясной простотой и одиночеством. Кстати, пора становиться и на ночлег. Возле горы вижу странной архитектуры мавзолеей и ранее мне знакомый курган с грядками и ориентирным белым кварцевым камнем. А вокруг - светлая степь, покрытая ковылем, легкий ветер пробегает волнами по его колыхаю-

щимся серебристым колосьям. Невольно вспоминается С. Есенин.

О, сторона ковыльной пунчи,
Ты сердцу ровностью близка,
Но и в твоей тинисте гуще
Солопчаковая тоска.

Но пора становиться на бивак, и пока мои спутники занимаются его устройством, не без труда, потратив немало усилий, забираюсь на самую вершину горы.

ГОРА ТОЛАГАЙ

С вершины горы во все стороны открывается величественный простор светлой типчаковой степи, усеянной темными куртинками таволги.

От горы к востоку протягивается острым конусом темная спящая тень. Она удлиняется с каждой минутой, уходит на несколько километров. Но там, где курган с грядками, еще золотятся волнующиеся легким ветерком ковыли. Постепенно гаснет вечерняя зорька, степь темнеет, тень от горы растворяется в сумерках и тает. Запевают сверчки.

Пора спешить к биваку. Совсем сгустились сумерки, и стало нелегко пробираться сре-

ди боялыша к мерцающему вдали огоньку костра, разведенному моими спутниками. Под ноги подвернется то большой камень, то коряжистый и крепкий кустик. И вдруг на светлом холмике земли, выброшенной слепушонкой, вижу небольшой серенький комочек. Он слегка шевелится, вздрагивает. Комочек - живое существо, он чем-то занят, что-то делает. Склонившись на колени, осторожно подбираюсь к серенькому созданию, всматриваюсь в него - и вижу...

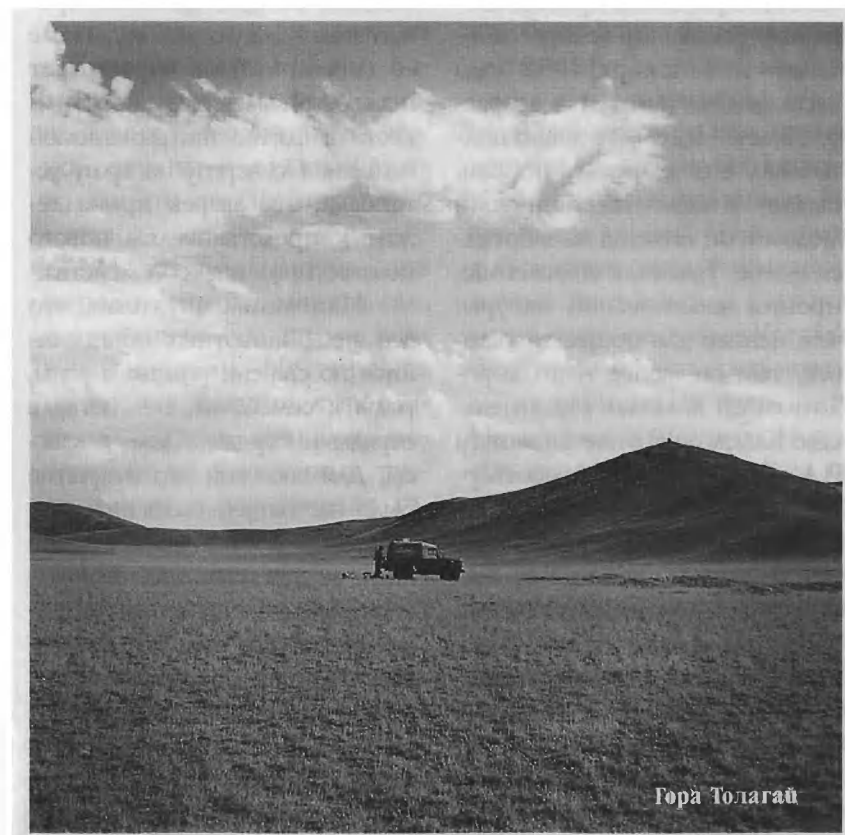
Пятого апреля 1905 года в городе Змеиногорске Семипалатинской области в семье чиновника А.И. Селевина родился мальчик. С ранних лет он стал проявлять недюжинные способности, в пять лет уже умел бегло читать. Родители Виктора Алексеевича Селевина, будущего зоолога, путешественника и исследователя Бетпак-Далы, постарались дать своему единственному сыну хорошее образование. Оба они были людьми образованными.

С малых лет мальчик стал проявлять большой интерес к окружающему его миру. После ранней смерти отца его мать переехала в Семипалатинск, где юноша стал работать в местном краеведческом музее. Здесь

у него пробудился глубокий научный интерес к природе. С жадностью энтузиаста он старался познать, как можно больше и шире о природе, и рано начал печатать свои заметки и статьи. В 1927 году он поступает в Томский университет, а через год переводится в Ташкент в Среднеазиатский государственный университет, который и заканчивает в 1932 году. Его оставляют сотрудником университета. Еще студентом он каждое лето участвует в экспедициях, посещая неисследованные просторы Казахстана, изучая их животный мир. Он вынашивает мысль об исследовании Центрального Казахстана и его обширной пустыни Бетпак-Дала, в то время бывшей буквально белым пятном на карте. В 1932 году его сокровенное желание начинается претворяться в жизнь. Прекрасный организатор, необыкновенный энтузиаст, он организует одну за другой экспедиции в Бетпак-Далу, мужественно преодолевая многочисленные трудности и лишения. Из своих экспедиций он привозит богатые материалы, пишет многочисленные статьи, читает лекции. Прекрасные ораторские способности, предельная ясность его мыслей

в сочетании с оригинальностью изложения всегда захватывают внимание его слушателей. На его лекции приходили многочисленные студенты с других факультетов. Он был очень общителен, образован, знал французский, английский и немецкий языки, свободно говорил на узбекском и казахском языках. Он горячо радел о том, как освоить пустыни для блага челове-

ка, был приглашен сделать доклад на заседании правительства Казахстана как специалист, обладавший большими знаниями о Бетпак-Дале. В 1936 году Виктор Алексеевич Селевин Ученым советом ташкентского университета был без защиты диссертации единогласно утвержден в ученой степени кандидата биологических наук и в звании доцента. К тому време-

ни им было уже опубликовано более ста печатных работ.

Летом 1938 года он организует крупную экспедицию в Бетпак-Дала. Тогда же он и нашел необыкновенного зверька, которого сразу не мог отнести ни к одному из существующих не только родов, но даже семейств млекопитающих. Полный радужных надежд и творческих планов, он возвращается из экспедиции, собираясь заняться обработкой привезенного материала, но вскоре заболевает и 4 ноября 1938 года неожиданно умирает в возрасте 33 лет. Недуг уже давно подтачивал его здоровье, но, как бывает с самоотверженными людьми, он никогда не заботился о себе. Такова, к сожалению, ирония человеческой натуры: чем ценнее для общества человек, тем он менее всего дорожит своей жизнью. Правительство Казахстана, отмечая заслуги В.А. Селевина и его самоотверженный труд, постановлением от 28 февраля 1939 года выносит решение поставить отважному исследователю памятник у ворот пустыни Бетпак-Дала. Выполнение этого постановления было задержано Великой Отечественной войной, а потом и вовсе забыто. Коллекции неизвестного зверька попали в Ин-

ститут зоологии Академии наук Казахской республики. Здесь долгое время ученые не могли расшифровать его положение в мире животных. Единственное было ясно, что он относится к отряду грызунов.

В это время крупнейший зоолог нашей страны профессор С.И. Огнев, работавший в Москве, случайно обнаружил череп этого зверька в погадке хищной птицы. Как известно, хищные птицы, целиком проглатывая мелкую добычу, после ее переваривания, отрыгивают неусвоенные перья, шерсть и кости в форме так называемой погадки. По черепу он сразу установил, что зверек принадлежит к представителям нового неизвестного науке семейства.

Напомним читателю, что все виды животных объединяются по степени родства в роды, роды в семейства, семейства в отряды и отряды - уже в классы. Для зоологии это открытие было настоящей сенсацией, так как если новые неизвестные виды млекопитающих еще находят кое-когда ученые, то новые роды уже представляют собой редкость, семейства же установлены и стали известны давно. О заключении С.И. Огнева узнали казахстанские зоологи и сотрудники Инсти-

тута зоологии. В.С. Бажанов вместе с участником экспедиции В.А. Селевина, в то время тяжело болевшим неизлечимым недугом Б. Белослюдовым спешно опубликовали описание нового семейства, рода и вида, названного Селевиния бетпакдалензис. По-русски же ее стали называть Боялышной соней, так как типичным местом обитания ее были каменистые полупустыни, поросшие солянкой-боялышем. Зверек оказался очень редким и ныне помещен в Красную книгу СССР и Казахстана животных редких, исчезающих и требующих всемерной охраны и опеки. Образ жизни его до сих пор плохо изучен.

И вот боялышная соня передо мной, маленькая, сверкающая большими черными глазами. Не обращая на меня внимания, торопливо передними лапками, похожими на крошечные ручки человека, перебирает добычу - большую кобылку и с очевидным удовольствием опытного гурмана пожирает ее. Что я для нее, большущий зверь, вроде лошади или верблюда, которым она не нужна.

Поспешно вытаскиваю из полевой сумки маленький са-

чок. Сейчас накрою им это тщедушное создание, поймаю, посажу в банку, увезу в город, наблюдаю за его поведением, навыками, обычаями. Сколько времени желал с ним поведаться и, наконец, встретился! Рука, запесенная пад зверьком, медленно опускается и, остановившись, повисает в воздухе... Имею ли я право лишать свободы этого редкого зверька, к тому же запесенного в Красную книгу, его привычной для жизни обстановки, выживет ли он, плененный человеком даже из самых добрых намерений?

Произошла бы эта встреча хотя бы на десяток лет раньше, я не стал бы задумываться. Но время все меняет. Мальчишкой я был отъявленным охотником, мечтал поселиться в таежной глуши своей родины - Уссурийском крае и стать звероловом, добытчиком корня жень-шеня. Но прошли годы, и безрассудство охоты погасло, бесследно кануло, оставив в памяти угрызения совести за заубренные жизни охотничьих трофеев. К тому же так сильно изменилась природа, и под натиском человека зверям и птицам стало попросту негде жить. Вспомнилась трагическая жизнь В. А. Селевина.

Повисшая в воздухе рука с сачком медленно опусти-

лась в сторону от боялышной сони. В это время зверек-крохотуля, закончив трапезу и почистив мордочку, видимо, все же обратил внимание на большое и необычное, застывшее возле себя существо, взглянул на меня, неторопливо повернулся и забавно, слегка подпрыгивая, засеменя к ближайшему кусту боялыша.

- Будь здорова, боялышная соня! - закричал я радостным голосом, ликуя от того, что сохранил ей свободу и победил в себе чувство коллекционера и ученого. - Живи, здравствуй, плоди себе подобных! Да пусть сбережет тебя жизнь от голода, ненастья и множества врагов!

- С кем вы там, в темноте разговаривали? - спросила обеспокоенная Зоя, когда я возвратился на бивак и подсел к огоньку крошечного костра, на котором булькал чайник.

- Да так! Вздумал вслух порассуждать сам с собою, - отшутился я, одновременно думая о том, что как пехорощо, что память о В. А. Селевине до сих пор не увековечена.

НОЧНОЕ НЕБО

Когда наступили сумерки,

возле бивака несколько раз пролетел козодой. Когда же совсем потемнело, птица уселась на камне рядом с нами и так громко затокала, что звуки ее охотничьей песни стали неприятно отдаваться в ушах. Потом козодой, захлопав крыльями, взлетел с каким-то странным стоном и больше не появлялся. Удовлетворил свое любопытство. Но едва он исчез, как в сухих растениях кто-то громко зашуршал, и раздалось тихое чавканье. Ну, конечно, к нам пожаловал еж и почтил вниманием миску с остатками гречневой каши.

Ночью я проснулся от громкого крика.

- Что случилось? - спросил я своих спутников.

- Да вот подошла к нашей машине лошадь что ли, затопала. Вот я и закричал, хотел прогнать. Еще чего доброго наступит копытом! - разъярил Алексей.

Я выбрался из полога. Осмотрелся. Никого не было видно в темени ночи. Над пустыней сверкало усыпанное звездами черное небо. Поговорили о мелочах. Не спалось. Засмотрелись на небо. Яркой звездочкой над нами пролетел спутник.

- Расскажите нам что-нибудь о звездах, почему вы дума-

ете о том, что некоторые курганы с грядками связаны с солнцем? - попросил Алексей. Я охотно согласился.

Прежде для казахов и киргизов ночное небо имело, пожалуй, более важное значение в представлении мира, чем солнце. Оно якобы управлялось и почтным светилом. Вот почему у тюркских народов существовало поклонение луне. Конечно, прежде всего все хорошо знали Большую и Малую медведицу и созвездие Плеяды, а также Полярную звезду. Она называлась Железным колом - Темир кассин. Вокруг нее на звездном аркане - Арканжолдуз, вечно ходят по кругу две крайних звезды Малой медведицы. Это белая и сивая лошади Ак-боз-ат и Кок-боз-ат. Незыблемость существующего мира зависит от этого звездного аркана. Если он развяжется или порвется, наступит конец мира - Киамет хаим. Семь звезд Большой медведицы - семь воров Джетты-Караки как раз и стараются развязать аркан. Они все время следят за белой и сивой лошадью, никогда не скрываются на ночном небе.

Самое важное созвездие - то, на которое мы, совсем плохие астрономы, не обращаем внимания. Это крошечное и ничем не примеча-

тельное созвездие Плеяды - Уркур. Помните, я когда-то вам его показывал.

Оно находится в созвездии Тельца. Плеяды известны народам с древнейших времен. Они считались главнейшим светилом после Луны. По ним устанавливался и древний календарь. Летом Уркур не виден. Он, как говорят, остается в земле сорок дней. В это время наступает сильная жара, и весь период сорока дней называется Шильдежар. Уркур появляется приблизительно во время летнего солнцестояния в лучах утренней зари. Это середина лета, главная отправная особенность года. Тогда и начинается период летнего зноя Сарша Тамыз (Сарша - желтый, Тамыз - зажечь). Степь в это время выгорает, становится желтой. Тогда появляется и созвездие Орион - Таразы джулдуз или Звезды-весы. Наступает перевес к прохладе, прохладными становятся утренние зори. Время, когда созвездие Ориона еще не заняло видного места на небе и появляется только перед самой утренней зарей, называется Караша - почерневший, это когда пастбища темнеют, вытоптанные скотом. Вообще говоря, в Орионе отмечают только три самых ярких звезды, называя их Три

архара - Уш-архар. Созвездие Ориона исчезает с неба на 80 дней, погружаясь под землю на 20 дней раньше Уркура. На 20 дней позже него они и появляются. Кончается Караша, когда Три архара займут на небе самое высокое положение. Тогда наступает период Кырык уйон - "стричь шерсть". В это время появляется звезда Сириус - Сумбеле. Впрочем, различают две Сумбуле, малую и большую. Та, что ближе к Млечному пути, и есть Сириус - Большая Сумбеле. Млечный путь, как и у многих народов, называется Кус-Джол - Птичья дорога.

Движение по небу Луны сложное. Дело в том, что лунная орбита пересекается с так называемой эклиптикой в двух точках. Эти точки перемещаются по эклиптике, совершая полный оборот в 19 лет. Поэтому Луна проходит через созвездие Уркур или выше, или ниже. Примерно это колебание равно десяти градусам. Поэтому в более сложной народной астрономии различают и эти периоды.

Как видите, астрономические познания прежде всего имели чисто практическое хозяйственное значение, определяя

тот или иной период годового цикла жизни скотовода-кочевника. Ну, конечно, не обошлось и без легенд. О солнце говорили, что оно ездит по небу верхом: до полудня оно едет на голубом быке, после полудня - на черном иноходце.

Солнце - Кун, Луна-Ай, Уркур-Плеяды. Они три сестры. Из них Уркур - самая младшая и самая прекрасная. Однажды из зависти старшие сестры Кун и Ай расцарапали лицо младшей сестры-красавицы Уркур. С тех пор она стала рябой. Еще существовала другая триада. Это Луна-Ай, Уркур-Плеяды и Венера-Чолпан. Уркур - сын Луны, Чолпан - дочь. Помните, я как-то рассказывал вам о том, что с глубокой древности проверяли зрение по самой маленькой звезде, которая расположена возле второй звезды хвоста Большой медведицы. Так вот, эту звездочку Семь воров - Джетты Карак и украли у Уркура. Поэтому Уркур все время преследует Семь воров.

Сейчас жизнь изменилась, изменилось и отношение к небу, теперь народ не следит, как прежде, за звездами. Часы, радиоприемники да и календари есть у каждого чабана. Время технического прогресса внесло свои изменения и в психологию человека. Конечно,

но, это неизбежно, но немного жаль, когда исчезают красивые легенды, если не исчезли вовсе. Все, что я рассказывал вам, теперь вряд ли кто понимает и знает даже из стариков, а о молодежи и говорить не приходится. Я же познакомился со старинными представлениями казахского народа о звездах по записям, сделанным в давнее время этнографами. Меня они интересовали, поскольку в этих старинных представлениях мог скрываться и секрет ориентации курганов с ридками. Часть этих курганов, как я уже рассказывал, ориентирована строго на Солнце. Другие же, по-видимому, на созвездия Луну, Плеяды, Сириус и еще на что-то. Но дело осложняется тем, что в течение длительного времени происходит перемещение звезд на небосклоне. Например, когда-то очень давно Большая медведица выглядела совсем по-другому, нежели сейчас. По старинным китайским летописям, около пяти тысяч лет назад положение Плеяд совпадало с точкой весеннего равноденствия, сейчас же полного совпадения уже нет. Эти перемещения, или, как их называют астрономы, "прецессии", можно вычислить, но для этого требуется участие квалифицированного астронома и электронно-вычислительной машины.

- Все это понятно, - бормочет сонным голосом Алексей. - Только я совсем не понимаю, что такое эклиптика и почему луна по-разному с нею сочетается.

- Да, что-то нам говорили об этой самой эклиптике в девятом классе. Но я забыла, - добавляет Зоя.

Я соглашаюсь, что понять эклиптику непросто и обещал пояснить о ней днем на бумиге.

Пока я рассказывал своим спутникам про звезды, на востоке стало светлеть небо, и одна за другой начали гаснуть звезды. Далеко в стороне тоскливо прокричал пустынный кулик-авдотка. Яркой полосой прочертил небо падающий метеорит. Слегка похолодало, и я плотнее закутался в одеяло. Засыпая, думал о том, что в древние времена, когда не было ни книг, ни радио, ни телевидения, человек был неизмеримо ближе к природе и, всецело от нее зависящий, был неплохим зоологом, ботаником и астрономом. Постепенно все эти качества исчезли безвозвратно, исчезли и многие знания. Конечно, современная наука обладает неизмеримо большими представлениями о природе, чем древние народы. Но будет ли возрождено все то, что знали наши пред-

ки, вряд ли. Многое ушло в полное небытие хотя бы потому, что и природа и жизнь сильно изменились.

ПОСЛЕДНИЙ КУРГАН

Обратный путь однообразен и монотонен. Промелькнул город Балхаш, за ним поселения Сары-Шаган, Чиганак с поблескивающим синевой озером. За ними - небольшой и очень чистенький городок Аксуек, потом пошли хорошо знакомые просторы Джусандаа. Возвращаться по знакомому пути не интересно и поэтому, доехав до небольшого селения Колчингиль, я свернул в сторону по асфальту, идущему через станцию Копя на трассу Алма-Ата - Фрунзе. Свернул еще потому, что захотелось взглянуть на большое поселение пустынных мокриц, очень интересных и мною хорошо изученных сухопутных рачков, ведущих сложный семейный образ жизни.

Вечер застал нас в пустынных каменистых горках вблизи известного богатыми многочисленными и содержательными наскальными рисунками ущелья Тамгагытас. Знал это ущелье я давно и посещал его не раз. Не доезжая до самого ущелья, вблизи его входа остановил

машину. И надо было произойти такой случайности, наткнулся еще на один курган, теперь уже восьмой по счету. Отсюда до города не так уж и далеко, всего каких-нибудь сто пятьдесят километров. Руководствуясь археологической картой Казахстана, я не раз искал этот курган, тщательно объездил урочище Ащису, для которого он и был указан. В действительности это урочище с небольшим пересыхающим ручейком с соленой водой располагалось от этого кургана с грядами километров в пяти, и простиралось оно на километров двадцать. Здесь я основательно поколесил на машине в поисках кургана. Не могли мне помочь и археологи, ссылаясь на давность находки. И вот сейчас неожиданно - он предо мной. Как было бы его просто найти, если в археологической карте было бы указано, как следует.

Над курганом поработали археологи: он был тщательно раскопан и практически уничтожен. Рано утром с удовольствием нанюхавшись на план нашу неожиданную и счастливую находку. Курган направлен своими ветвями строго на восток. Но тщательные поиски ориентирного камня или холмика безрезультатны. Там, где они

могли находиться, прошла проселочная автомобильная дорога. Впереди кургана расстился далекий и ровный горизонт.

НЕУДАЧНЫЕ ПОИСКИ

Закончилась наша поездка в Центральный Казахстан. Она не оставила полного удовлетворения, которое приносит успешно законченное дело. Впрочем, такова черта человеческого характера - никогда не удовлетворяться достигнутым. Меня продолжали беспокоить, если не сказать мучить, неудачные поиски совершенно особенного каменного кургана "Тридцати семи воинов", обнаруженного, обследованного и названного так казахстанскими археологами более тридцати лет назад. Очень хотелось найти этот курган. Может быть, он представлял собой совершенно особенное астрономическое сооружение, подобное знаменитому Стоунхенджу, и воплощал в себе по тому времени высшее достижение той древней науки, которая впоследствии исчезла, оставив после себя немые камни. Может быть, удастся заставить их заговорить и рассказать о многом. Но все мои попытки найти этот курган терпели неудачу.

В превосходно изданном археологическом атласе Казахстана, опубликованном в 1960 году, про Курган тридцати семи воинов было сказано следующее: "Могила 37 воинов из каменных курганов в верховьях р. Карасай в 5 км к юго-востоку от колхоза имени Калинина. С трех сторон у центрального каменного кургана с усами расположен полукруг из 37 курганов с выкладками. В 1952 г. ЦКАЭ раскопало четыре кургана. Найдены глиняные сосуды". Тут же на вклейке был воспроизведен акварельный рисунок этого кургана на фоне желтой и ровной степи, горизонт которой венчали невысокие горы.

Вспоминаю первую попытку найти этот курган. Ее я предпринял вскоре после находки первого кургана на реке Или. Тогда я почти случайно попал в Центральный Казахстан, путешествуя на своей машине. Казалось, просто разыскать в верховьях реки Карасай колхоз имени М. Калинина и просмотреть вблизи него местность в указанном направлении. Курган, окруженный грядами из больших камней-менгиров, среди ровной степи должен был хорошо заметен даже издали. Но, оказалось, что речки

Карасай не существует, есть только протянувшийся на много километров обширный и сухой лог - сай, о чем и свидетельствовало само название. В верховьях этого сая было совершенно безлюдно, а колхоз имени Калинина располагался в другом месте. В этом колхозе, его я пошел не без труда, никто не знал о существовании такого кургана.

Указание археологического атласа было явно неверным, или его нарочно зашифровали, ревниво скрывая его от меня.

- Зачем вам нужен этот курган? - недоброжелательно спросил меня один из старейших археологов, более тридцати лет пашедший этот курган и произведший его раскопки. Когда же я объяснил, что меня интересует исключительно его астрономическое значение, мне не без иронии ответил:

- Были те времена варварскими и никакой астрономии, тем более сложной, не существовало.

Другой археолог, видевший этот курган и участвовавший в его раскопках, посочувствовал мне. Но сообщить точное положение кургана на карте не смог.

- За тридцать лет, знаете ли, улетучились из памяти все

детали его нахождения. Помню, что он находился где-то у горы Сулушоки. Да вряд ли он вам пригодится. Мы его основательно разрушили раскопками.

- Как бы курган ни был раскопан, положение его составных частей осталось на месте. А мне только это и надо, - возразил я.

Судя по акварельному рисунку в археологическом атласе, это было грандиозное сооружение. От большого главного кургана к востоку простирались две длинные каменистые гряды. Главный курган был обнесен большим кругом из камней и, кроме того, с северной стороны окружен большими каменными плитами-менгирами. С северной стороны к сооружению примыкала длинная и полукруглая гряда, состоящая из 37 небольших курганов, каждый из которых с одной стороны был также огорожен такими же большими менгирами. Предполагалось, что в каждом из таких 37 курганов было захоронено по одному мужчине, распростившемуся с жизнью и, возможно, отпраздновавшему в потусторонний мир вместе со своим повелителем.

Судя по карте, гора Сулушоки была небольшая, и обнаружить ее на местности не

представляло труда, тем более что такое громадное сооружение было обнесено частоколом из менгиров. Окрыленный надеждой и выкроив время, я вновь помчался на розыски теперь уже горы Сулушоки. Была та гора от Алма-Аты немного более тысячи километров. Гора - не иголка в сене, и местные жители мне точно указали, где она находится. Эту гору я облазил со всех сторон и с самой вершины осмотрел в бинокль всю окружающую ее местность. И опять ничего не нашел, что-либо напоминающее курган 37 воинов.

- Не пошел я у горы Сулушоки кургана! - сказал я археологу, когда возвратился из поездки. - Нет там ничего похожего.

- Странно, странно! - немного смутившись, ответил археолог. - Впрочем, я, кажется, ошибся. Он находится возле горы Нуртай...

Прошло несколько лет, когда я вновь поехал в Цептральный Казахстан. Поисками кургана возле этой горы и закончил свое путешествие.

- Не знаем мы такого кургана 37 воинов! - всюду отвечали нам местные жители небольшого поселения Чапаево, расположенного вблизи горы.

- А я хорошо помню этот курган, - сказал мне третий археолог, принимавший участие также в его обследовании, - хотя это было и давно. Он находится в трех-пяти километрах к юго-востоку от горы Курпетай, в верховьях реки Каратаал.

- Почему же мне сразу никто этого не сказал? - с досадой я сказал археологу, впрочем, уже не особенно веря в то, что и на этот раз получил точные сведения. - Ведь возле этой горы наш путь проходил не раз.

Гору Курпетай я уже хорошо знал и был теперь более уверен в том, что найду загадочный курган в свою последнюю поездку, более основательную, чем прежние.

Вспоминаю, как в селе Актогай после посещения горы Бегазы и Кыздырай на бензозаправочной станции я стал, как всегда, расспрашивать дорогу на гору Курпетай, зная, что к ней можно подъехать разными путями. Мотоциклист, к которому я обратился, оказался словоохотливым. Он хорошо знал окрестности своего села и, когда я, отвечая на его вопросы о цели нашей поездки, сказал о кургане 37 воинов, предложил поехать к себе домой.

- Мой отец был проводником у археологов, когда они в

нашем районе раскапывали курганы. Он хотя и стар, но хорошо помнит об этом времени, и нам многое рассказывал о работе вместе с археологами.

Случайная встреча была очень кстати. "Ну, теперь-то, наконец, нам удастся найти курган", - думал я, рассчитывая, что эта поездка закончится обязательно удачей. Старичок с небольшой белой бородкой клинышком, настоящий аксакал, сидел перед домом на лавочке. Он обрадовался неожиданным собеседникам.

- Да, много курганов мы раскопали с археологами, - оживился аксакал. - И много золота нашли у горы Бегазы, возле Курпетай и в Кызлае.

- А курган 37 воинов вы знаете? - почтительно и осторожно подходя к главной цели разговора, с надеждой спросил я.

- Нет такого кургана в наших краях! Не знаю я такого кургана... - тоном, не терпящим возражения, сказал старик.

Так, потеряв всякую надежду, мы и поехали к горе Курпетай. Поездка эта не прошла попусту. Вблизи села Жамши мы нашли один курган с грядками, но кургана 37 воинов вблизи горы Курпетай не оказалось. Искали мы его не особенно тщательно, и на-

дежды на его находку не было.

Из местных жителей опять никто не знал ничего о существовании такого кургана. Теперь он мне казался особенно таинственным, но в существовании его в этом районе я полностью разуверился. Мы объехали со всех сторон гору Курпетай. Она располагалась на самом водоразделе верховьев с востока обширного и пологого Карасай, тянущегося далеко на юг, с запада - верховьев речушки Каратай. Итак, Карасай, упоминавшийся в археологическом атласе, не говоря о том, что был без речки, находился с запада от горы.

- Нет в этом районе кургана 37 воинов, никто не знает о нем из местных жителей, ничего о нем нам не мог сказать и старик, работавший проводником в археологической экспедиции 1952 года, когда был найден и обследован курган! - сказал я археологам, возвратившись из поездки в Алма-Ату.

- Пойдите, пойдите! - воскликнул один из археологов.

- А как вы спрашивали, называя курган? 37 воинов?

- Как же иначе! Под этим названием он фигурирует и в нашем археологическом атласе. И вы все его так называете...

- Да что вы! Это название мы сами выдумали для этого кургана.

Огорченный неожиданно открывшейся несурзностью, я уходил из археологического музея. Так глупо понасть впрямую после столь долгих и многочисленных поисков! И кто бы мог подумать, что только одно вымышленное название повредило моим поискам и испортило все дело. Недалеко от выхода из здания музея, будто в насмешку над собою, я увидел висевший на стене небольшой акварельный рисунок. По нему я сразу узнал гору Курпетай. Почти у самого ее подножия красовался курган с двумя длинными ветвями и полукругом мелких курганов, ошетилившихся большими, вкопанными вертикально менгирами.

Судьбе было угодно еще раз надо мною посмеяться. Заглянув в библиотеку, я случайно посмотрел сборник "Архитектура Казахстана". Там скупо упоминался курган 37 воинов, но зато место его нахождения было указано точно. Он находился возле горы Курпетай, в

нескольких от нее километрах к юго-востоку, а ранее указанные мне горы Нуртай и Солушоки находились совсем в другой стороне. И тогда я вспомнил, что после поисков, потеряв надежду после категорического отрицания местных жителей и проводника археологов о существовании кургана, я миновал стороной одну ничем не примечательную равнину между горками как раз вблизи горы Курпетай. Но эта равнина была хорошо видна в бинокль, и никаких следов каменной ограды на ней не существовало.

Неужели там и находился курган 37 воинов, на поиски которого было потрачено столько времени. Ведь он был так близок. А если он и был там, то почему я не увидел его в бинокль: торчащие вертикально большие менгиры заметны издали. Удастся ли совершить еще одну поездку к горе Курпетай? Если не удастся, я верю, это сделает рано или поздно кто-либо другой и, быть может, таинственный курган пополнит знания о курганах с грядками.

*****

И СНОВА В ПУТИ

СТРЕМЛЕНИЕ К СТРАНСТВОВАНИЮ

Незаметно промелькнули осень и зима, и когда наступила весна, знакомое чувство тоски по природе и путешествиям снова нарушило покой и мирное течение жизни. Где оно таится в психике человека, это стремление к странствованиям?

Сколько людей, подвергаясь властному зову этого чувства, бросало родные очаги и семьи, отправляясь в неведомые страны, и сколько среди них оказывалось тех, кто прежде времени сложил свои головы на далекой и нередко враждебной чужбине! В какой-то мере страсть к путешествиям дремлет древним инстинктом почти у каждого человека, так же, как страсть к охоте, стремление посидеть у костра, в любви к животным и в очень многом другом.

У некоторых она вовсе не проявляется, у других, едва пробудившись, утасует, у третьих завладевает всем существом и

становится главной целью жизни. Конечно, в проявлении этого чувства и его развитии имеет большое значение обстановка жизни, характер воспитания, пример окружающих и просто случайное сочетание перипетий судьбы. Что касается меня, то я всегда находился в плену стремлений к путешествиям, и образы таких исследователей, как В.К. Арсеньев, Н.М. Пржевальский, Г.С. Каремин, Г.Н. Потанин, Н.Н. Миклухо-Маклай и многих других сподвижников, были для меня священными и дорогими.

Прошлогоднее путешествие в Центральный Казахстан дало мне неплохой материал и для написания популярной книги и научных статей о путешествиях по Центральному Казахстану. Казалось бы, на нем можно было бы и закончить рискованные странствования на своей старенькой машине по столь далеким маршрутам. К тому же сильно подорожал бензин, я ушел на пенсию, и мои средства стали ограниченными.

- Ну, подумайте! - говорили почти все мои старые знакомые. - Зачем вам так далеко сейчас ездить? Сидели бы дома да обрабатывали старые материалы. Наверное, у вас их накопилось много.

Но я еще мог всюду податься, куда заблагорассудится, и отложить поиски был не в силах. На этот раз я, наверное, уж найду курган 37 воинов, встречу, быть может, и другие курганы с грядками.

- Я вам обязательно помогу! - пообещал мне археолог Мир Касымович Кадырбаев. - Приезжайте в Агадырский район в мой отряд, там мы за четыре года работы попутно со своими делами нашли восемь курганов с грядками на площади буквально десяти квадратных километров. Приезжайте и увидите.

Мир Касымович вначале так же, как и все археологи, отнесся к моему открытию астрономических курганов очень отрицательно. Но вскоре передумал. И вот, наконец, дал верный совет.

"Что это за площадь такая? - недоумевал я. - С большим трудом давалась мне находка каждого кургана, а тут сразу восемь курганов". Я поблагодарил благожелательного археолога и стал собираться в дорогу.

Агадырский район был соседним с Актогайским районом, куда я направлялся. Со мною поехали добровольными помощниками - знакомые журналист и художник с дочерью. И вновь перед глазами черная лента асфальтового шоссе, ровный гул мотора машины и радостное настроение. Мимо проплывают знакомые пустыни и горы. Сейчас весна, пустыня позеленела, украсилась цветами, стоит веселая, нарядная, совсем не такая, как летом, когда выпорхает от жаркого солнца и сухости.

Хорошо бы остановиться, поглядеть на пустыню там, где виден саксауловый лесок в пустыне Джусандала, или в логу с розовыми тамарисками вблизи поселка Аксуек, или вон в той солончаковой низине. Сейчас так много интересного, когда все живое торопится изо всех сил завершить свои дела к наступлению засухи. Но у меня мало времени. Хотя я теперь как пенсионер волен распоряжаться временем по своему усмотрению, но у моих добровольных спутников, не без труда вырвавшихся из служебной обстановки, его нет. Надо спешить. Десяток дней ничтожно малы для маршрута около трех тысяч кило-

метров. Прежде всего предстоит разыскать неудовимый курган 37 воинов в Актогайском районе, затем побывать в лагере археологов в Агадырском районе. Оба они относятся к Джезказганской области. И приходится мне гнать машину без остановки. Только в конце дня я ступаю на землю и не без труда расправляю онемевшее тело после долгого сидения за рулем.

ПРИДОРОЖНАЯ АЛЛЕЯ

Мы остановились в бугристых песках. Когда-то, может быть тысячелетие назад, они были толыми и передвигались по ветру. Но изменился климат, земля заросла растениями, тонкий дерн скрепил подвижный песок пустыни, и холмы застыли в извечном покое до той поры, когда вновь наступят изнурительные и многолетние засухи, а животные, голодая, разрушат тонкую оболочку дерна и освободят пески из его плена. С холма хорошо видна обширная впадина. Кос-где по ней тянутся цепочкой свежие холмики выброса почвы неутомимого копателя слепушонки да поблескивают панцири черепах. С края впадины вижу ярко-зеленое пятно с желтой отметин-

кой посредине и с двумя, будто щупальца, отростками. Спешу к нему. Очень оно необычно и такое яркое среди недавно начавшей подниматься и еще коротенькой травки.

Пятно, действительно, необычное. Желтая отметинка посредине его - голая площадка в центре гнезда муравьев-жнецов, место, неприкосновенное для растений. Под ней находятся прогревочные камеры для яиц, личинок и маток муравьев. На этой площадке, если и показываются росточки растений, немедленно уничтожаются хозяевами жилища. Она окружена густыми зарослями трехлисточковой песчаной люцерны, еще невысокой и только что начинающей отрастать. В стороне от пятна протянулись две длинные ленты с темной полоской посредине у каждой. Это дорожка, протоптанная трудолюбивыми сборщиками семян.

Теперь все становится одновременно и понятным и непонятным. Понятным, потому что весь зеленый крут, ограничивающий со всех сторон голую площадку, - своеобразная плантация, дающая урожай. Собирая зерна бобик-люцерны, жнецы частично роняли на землю свою ношу, не достав-

ляя ее до места. А затем, возможно, ветры заносили песком потерянный урожай. Многие носильщики роняли семена и, не доходя до гнезда, у самой тропинки. Поэтому и получилось что-то вроде придорожной аллеи или, как говорят, "дорожно-защитной лесополосы", очень густой и широкой. Непонятно - потому что, для чего было муравьям бросать свою драгоценную ношу, за которой приходилось ходить далеко, за двести-триста метров в близлежащую низинку.

Может быть, эти потери были не случайны, а ради того, чтобы вот так возле своей обители росла собственная плантация. Тогда что руководило муравьями?

Случайность, бездумный инстинкт, твердый расчет или, не осмеливаюсь сказать, то, в чем мы отказываем насекомым, - какие-то зачатки разума?

Сажусь на корточки и вглядываюсь в находку. С десятков муравьев работают на голом пятне, выносят наружу комочки земли, павают порядок в подземных прогревочных камерах. Все остальные - многочисленное общество пахотятся глубоко в земле, в прохладе, бездействуют. Зачем бодрствовать, тратить энергию и силу, когда

еще так рано и так далеко до сбора урожая трав пустыни, в том числе и на собственной плантации! Еще среди больших песчаных бугров, поросших дзужгуном, вижу узкую и длинную светлую тропинку с бегущими по ней муравьями-жнецами. Сейчас весной урожай семян еще нет, но трудолюбивые сборщики что-то несут в свои закрома, какие-то узенькие, около восьми миллиметров, коричневые, заостренные с обоих концов и продольной ложбинкой посредине семена.

Следую за муравьями-носильщиками, нахожу их обитель и усаживаюсь рядом с нею. Приведу в порядок записи и одновременно буду подглядывать за муравьями. Из двух ходов муравейника степенно выходят крупные солдаты: каждый с маленьким, собранным в тучок комочком песка. Они заняты строительством, наверное, или расширяют камеры, или копают галереи, идущие глубоко до грунтовых вод. Она могла сейчас уйти глубже. Еще вокруг бродят муравьи, как будто так себе, просто без дела. Кое-кто иногда тащит палочку, кусочек зелени. И еще часть муравьев занята тем, что вытаскивает наружу те же коричневые, узенькой формы семена,

относит их подальше, в место, куда бросают и своих, отслуживших жизненные дела собратьев. Там на площади около квадратного метра, скопилось уже немало таких брошенных семян. Что же здесь происходит? Одни, бедняжки-сборщики, трудятся, разыскивают крохотные семена, волокут их в свое жилище, другие - мусорщики тоже трудятся, спокойно и деловито выбрасывают добычу наружу. Может быть, все же на семенах есть какой-нибудь хотя бы крохотный придаток, ради которого происходит заготовка этих странных семян, пролежавших, наверное, всю зиму и почему-то только теперь привлекавших внимание своих сборщиков?

В мире существует немало растений "мирмекофилов", как их назвали ученые, на их семенах располагаются маленькие наросты, содержащие вещества, привлекающие муравьев и очень ими почитаемые. Ради этих наростов и заготавливают муравьи эти семена и, обработав, относят их подальше от жилища, тем самым совершая главное для растений - расселяют их по земной поверхности. Мало того, в Сибири я нашел, что вещества, содержащи-

еся в этих придатках семян, привлекают к себе муравьев, совершенно равнодушных к растительной пище, муравьев-хищников, таких, как рыжий лесной. И, как оказалось, эти вещества обладают особыми лекарственными свойствами. Уж не такая ли история происходит сейчас здесь, в мире растительоядных муравьев-жнецов. Надо доставать из полевой сумки лупу с сильным увеличением и дознаваться, в чем дело.

В муравейник все же несут семена целые, но какие-то странные, с черными кончиками, будто пораженные грибами. Выбрасывают же слетка обесцвеченные, без черных кончиков.

Долго брожу по бутрам, ищу растение - обладателя семян и, наконец, понимаю, в чем дело. Семена принадлежат небольшому злаку овсюгу. Сейчас на нем уже почти созрели семена. Те же, что упали на землю в прошлом году, частично проросли, частично же погибли: их поразила грибок, угнездившийся главным образом в самом основании семени и реже - на его вершинке. Ради этого грибка и заготавливают муравьи-жнецы добычу. Чем-то их прельщают продукты, обработанные грибами. Сложная кулинария у муравьев-жнецов!

ПОИСКИ КУРГАНА ТРИДЦАТИ СЕМИ ВОИНОВ

Теперь - не то, что прежде: все дороги знакомы, и можно ехать, ни кого не спрашивая, не мучиться сомнениями и правильно выбирать путь. Вот и хорошо знакомая трехглавая гора Курпетай. Наш "Арабат", как сказал в прошлом году один аксакал-чабан, которого я безуспешно спрашивал о кургане. Теперь объеду вокруг гору и взгляну на тот маленький кусочек равнины, упущенный прежде. Может быть, там и находится курган, волею судеб несколько лет укрывавшийся от меня, сильно желающего его увидеть, исследовать и нанести на план.

Сегодня погода не балует, и небо в темных тучах. Переезжаем одну за другой небольшие межгорные равнины прямо по целине, лавируя между камнями, забираемся на машине на вершинки холмов. С них в бинокль осматриваю темные пятна зарослей караганы и таволги. Но пока ничего обещающего не видно, и сомнение в успехе поездки начинается опять раздвигать мою, появившуюся было уверенность. Вдали показываются бе-

ленькие домики отделения совхоза имени Чапаева.

- Почему бы нам не поехать туда да не поспрашивать? - предлагает друг Евгений, неискушенный в неудачах поисков. Его, журналиста, явно тянет к людям.

- Спрашивал я в этом поселке не раз о кургане! - отмахиваюсь с досадой от его предложения. - Спрашивал маститых аксакалов, и все зря!

- Но все же попытка не пытка, до аула не более пяти километров, - настаивает он.

Через десяток минут мы в поселке, и оживившийся от монотонного пути Евгений заскакивает в первый дом, потом через некоторое время переходит в другой домик, широко нам улыбаясь издали, сопровождаемый кучкой ребятишек.

Проходит томительных полчаса, и, наконец, наш разведчик появляется вместе со стариком, белобородым и почтенного вида. Соблюдая достоинство, он неторопливо и молча здоровается за руку с нами. Да, он знает такой курган и сейчас нам его покажет. Евгений ликует, а мне все происходящее кажется нереальным: так долго я искал этот курган и так долго он от меня скрывался. Не верится, неуже-

ли вот так просто закончатся мои многолетние поиски. Старик усаживается на переднее сидение, куча разновозрастных ребятишек, плотным кольцом окруживших машину, расступается, мы выезжаем из поселка, и я веду машину по едва заметной проселочной дороге, а потом и по целине, повинувшись указанию нашего неожиданного проводника.

Вскоре вижу впереди группу стоящих торчком больших камней и подруливаю к ней. Курган тридцати семи воинов перед моими глазами... Но он совсем не такой, каким изображен на рисунке в археологическом атласе Казахстана и на акварельном рисунке, красующимся в музее Археологии. Оказывается, курган изображался в таком виде, в котором он когда-то, по мнению художника, существовал, окруженный многочисленными, стоящими торчком камнями. Теперь же их совсем не видно. От них осталась только вот эта маленькая группа всего лишь из пяти менширов, остальные повалены, лежат на земле. А я, осматривая местность в бинокль, представлял совсем другую картину! И, расспрашивая местных жителей, рисовал на бумаге то, что было изображено художни-

ками. Вот как все сошлось против моих поисков! И изображения кургана, и само название были не теми.

Сейчас на месте главного кургана расположена глубокая яма - следы работы археологов. На земле всюду лежит множество каменных столбов, каждый длиной около полутора метров. Они упали давным-давно и сильно погрузились в почву. Сколько же лет прошло с тех пор, прежде чем эти массивные монолиты, каждый весом не менее тонны, почти полностью занесло землей. И кто повалил эти камни? Недруг, неожиданно нагрянувший на эту землю? Но тогда зачем он оставил только одну крошечную их группу. Может быть, виною всему землетрясение или какие-либо другие силы, действовавшие постепенно на все сооружение? Скорее всего, все же в этом повинно землетрясение. Оно было очень давно, и камни, поваленные им, единственное свидетельство когда-то прошедшей здесь подземной бури. Но камни повалены в разные стороны, что не совсем типично для последствий подземного удара. Впрочем, если удар шел не с одной из сторон, а прямо снизу, то такая карти-

на вполне могла получиться от поколебавшейся земли.

Бегло осматриваю курган. Он необычен своей сильно выраженной асимметрией. Его левая ветвь прямая, длинная, правая же вогнутая и короткая. Чем вызвано столь явное несоответствие и, наверно, не случайное пренебрежение к симметрии? Не заложен ли в этой асимметрии строения какой-то умышленный расчет, отгадать смысл которого, я чувствую, так трудно и быть может даже невозможно. Неряшливостью, примитивизмом и отсутствием чувства порядка и красоты его строителей? Вряд ли! В давние времена бронзового века уже, по крайней мере, ювелирное искусство достигло большого совершенства, поражая изяществом изделий и правильностью геометрических рисунков орнамента.

Главный курган расположен в центре большого круга из камней. На северной стороне этого круга стояло много монолитов, образующих полукруг. С северной же стороны кургана в отдалении от него протянулась цепочка курганов длиной около четырехсот метров. Она также образовывала полукруг, как бы окаймляя главное сооружение. Мно-

гие, но не все из этих курганов с северной стороны тоже были окружены теперь лежащими на земле монолитами. Все длинные и массивные камни стояли также с северной стороны каждого кургана, тогда как на рисунках археологов они неверно изображены с южной стороны и возле всех курганов.

Главный курган сложен из одинаковых красноватых камней. Подобрать их всех равными по размеру и одинакового цвета было непросто.

На кургане поселилась большая стая розовых скворцов. Может быть, они те же, что были в прошлом году на других курганах? До них по прямой не более двадцати-тридцати километров. Птицы забеспокоились при нашем появлении, все время в движении, взлетают и садятся, с тревогой поглядывая на нас, громко верещат. Мы им явно не нравимся. Из-под камней раздаются крики прожорливых, требующих пищу птенцов. Многие скворцы, по-видимому, еще сидят на яйцах, так как на поверхности главным образом самцы, самочек среди них очень мало.

День на исходе. Красное солнце выглянуло из-за туч и медленно опускается возле горы

Курпетай. Стихает ветер, и поле, покрытое серебристыми ковылями, успокаивается. Черные тучи редуют и медленно уходят за горизонт. Замолкают суетливые и шумные скворцы, запоздалый жаворонок заканчивает свою жизнерадостную песню и, трепеща крыльями, почти отвесно опускается на землю вблизи нашей стоянки.

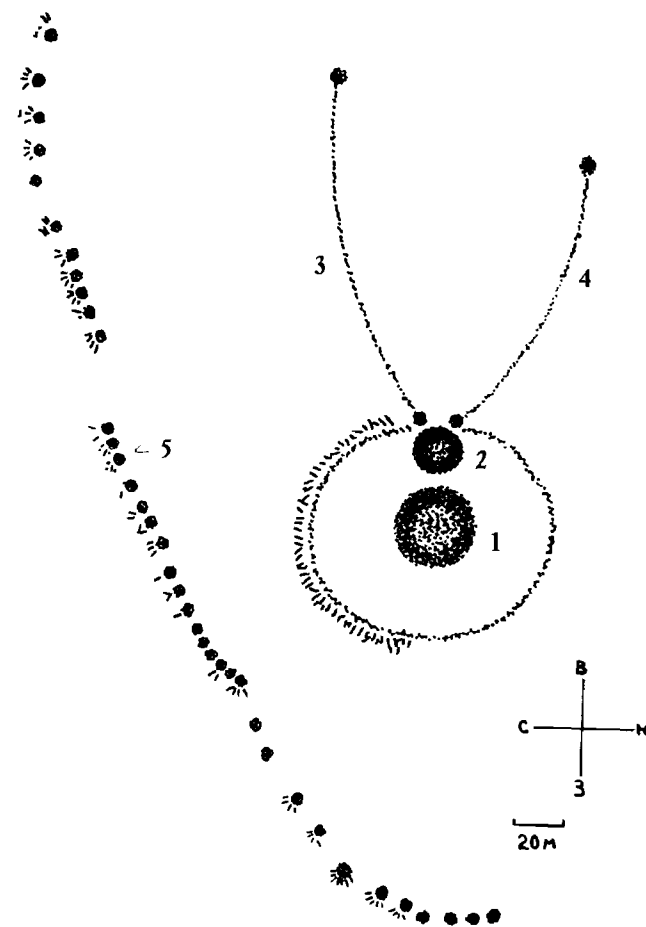
Поздно вечером, когда все уже спали, я пытаюсь определить, на сколько градусов стрелка компаса, указывающая на север, отклоняется в одну из сторон, чтобы узнать, каково здесь магнитное склонение, и навожу трубу на полярную звезду. Но моя попытка неудачна. Теодолит, оказывается, для этой цели непригоден, так как окулярный конец зрительной трубы упирается в корпус прибора.

Ночью тучи исчезают, и темное небо расцвечивается яркими звездами.

Рано утром, едва только светлеет зорька, пробуждается ветер и пробегает волнами по ковылям. Потом он разыгрывается не на шутку, и я весь день, стоя на кургане с теодолитом, страдаю от его свирепых порывов, мешающих работать, и, раскачиваясь из стороны в сторону, кручу винты

прибора, вращаю его зрительную трубу.

Скворцы не желают успокаиваться, очень недовольны моим вторжением в их владения, кричат пуще прежнего, очень пугаются, когда я рассматриваю их, отлично улавливая взгляд человека. Но когда я обращаю внимание на теодолит, они смелеют, подбираются ко мне близко, не спуская с меня взгляда своих настороженных глаз. В двух метрах от меня из куста таволги выбирается ядовитая змея щитомордник и устраивается погреться на камнях. Ее туловище раздуто в одном месте. Наверняка она здесь кормится птенчиками скворцов и сейчас после удачной охоты ради успеха пищеварения нуждается в тепле солнечных лучей. Приближаюсь на два шага к своей невольной соседке, пытаюсь ее лучше разглядеть, но она поспешно скрывается в кустик таволги, но едва возвращаюсь к теодолиту, как выползает обратно. И так несколько раз. Страшный враг поселился в колонии скворцов. Полностью пользуясь безнаказанностью, он свободно хозяйничает в многочисленном поселении птиц. Да и только ли один здесь щитомордник поселился в этом кургане?

Фигура 51. Курган 37 воинов

- 1 - главный курган с захоронением;
- 2 - дополнительный малый курган;
- 3, 4 - левая и правая каменные грядки;
- 5 - курганы тридцати семи воинов.

По направлению ветвей курган относится к группе солнечной ориентации. Что же означает это в общем грандиозное и необычное сооружение, стоившее немалого труда, чтобы его создать? Сколько сил и времени было потрачено на изготовление только одних каменных столбов? Кстати, интересно было бы разгадать, как выкалывались камни из породы. В то время железа еще не было. Камни же, в общем, выглядят неплохо, прямые, ровные. Древние египтяне, а также древние ацтеки при сооружении пирамид вначале в камне долбили ямки, в которые вгоняли деревянные клинья. Затем смоченное водою сухое дерево клиньев разбухало и давлением разрывало камень. После того как камень был отколен, его поверхность обрабатывалась. Сейчас камни раскалываются при помощи вбиваемых в ряд стальных зубил. Техника обработки камня не ушла далеко.

На поверхности больших камней не видно никаких следов обработки. Наверное, применялся какой-то особенный, существовавший в этих местах в древности способ откалывания породы, впоследствии навсегда утерянный. На обширной равнине, чистой от камней

и щебня и покрытой каштановыми почвами, казалось бы, проще было построить курганы из земли. На строительство же кургана были доставлены камни с гор, хотя они и не так далеки. По меньшей мере, используя современные масштабы измерения массы и веса материала, этими камнями можно было бы загрузить не один железнодорожный состав. И все это делалось ради веры в загробную жизнь. Как не сказать о том, что высшее проявление материи, вершина эволюции органического мира - разум человека явился не только орудием познания окружающего мира, но и заблуждения. Ум и безумие шествуют рядом, оказывая влияние на судьбы человечества.

Строилось ли все сооружение сразу или в течение многих лет и кто те, захороненные в тридцати семи курганах рядом с главным курганом? Рабы, отправившиеся вместе со своим господином в потусторонний мир, или воины, погибшие одновременно в каком-либо решающем и кровопролитном сражении? Утвердительно об этом археологи сказать не могут. Курганы обследованы очень поверхностно, раскопано всего лишь четыре из всей гряды. В

них якобы были обнаружены мужские скелеты без каких-либо предметов, не считая глиняных горшков. Главный и второстепенный курганы археологи раскапывать не стали. Их кто-то давно и основательно вскрыл.

Впоследствии я узнал, что в подобных каменных плитах ничего нет. Они были пусты и имели только ритуальное значение. И само название "Курган 37 воинов", наверное, условное. Почему же каменные плиты-менгиры, так похожие на магические ограды, поставлены только с одной северной стороны? Возможно, оттуда совершали свои набеги заклятые враги или в том направлении, по существовавшему представлению, находилось враждебное человеку царство тьмы и холода. Наверное, в те далекие времена человек уже имел представление о климате крайнего севера, находилось и тогда немало смельчаков, путешествовавших далеко к северу ради жажды познания и удовлетворения любознательности, столь свойственной человеческой натуре. Кстати сказать, в сборнике "Архитектура Казахстана" план кургана заметно искажен, его ветви другой конфигурации и направления, размеры преуве-

личены. Неверен и акварельный рисунок, на нем менгиры у 37 курганов, как уже было сказано, не с той стороны. Подобная неряшливость не делает чести первым исследователям, тем более при описании столь величественного сооружения.

Рано утром солнце взошло над далекими горами и окрасило в розовые тона гору Курпетай. Прощаемся с таинственным курганом, и розовые скворцы, повернув к нам свои черные головки, будто громким хором кричат нам свою радостную прощальную песню. Теперь путь лежит через городки Аксуаюлы и Акчетав в районный центр Агадырь. Где-то там от него, в ста пятидесяти километрах к западу, в верховьях реки Атасу расположился лагерь археолога Кадырбаева.

КРАСНЫЕ КУСТЫ

Кажется, нет конца степи, такая она большая. Холмы и горки, иногда большие горы, кое-где розовые гранитные хребты и раздольные равнины следуют друг за другом. Всюду в логах по межсочным понижениям тянутся темно-коричневые ленты кустарников. Они будто обгорели и посохли от сильной жары и засухи про-

шлого года и до сих пор не могут оправиться. Кое-где эти полосы погибших растений прерываются небольшими пятнами зеленых кустарничков-счастливчиков, над которыми сжалась природа.

Сегодня наш ночлег у самого лога с коричневыми кустарниками, и я спешу их проведать. Прежде чем до них добраться, приходится выбирать сухие места между луговыми травами, от прошедших дождей местами еще стоит вода. Передо мною открывается совершенно неожиданная картина бедствия, постигшая растения. Кустарники карликовой ивы Саликс каспика терпят бедствие вовсе не от засухи. На них нет ни одного листочка, вместо них лишь жалкие черенки, и то не везде. Все зеленое давно уничтожено гусеницами. Приглядываясь к ним. Они ярки и красивы. На спинке расположены коричневые пятна, отороченные каждое светло-желтой каемкой. Голова украшена красными точками, и во все стороны от тела торчат пучками тонкие и длинные волоски. Гусениц масса. Большинство их уже окуклилось, повисли на кустах. Еще бродят или сидят на ветвях гусеницы-карлики. Им ничего не осталось есть, они голодают, пе-

движимы, почти мертвы. Их, неудачников, видимо, будет немало, да и сейчас большая часть погибла, упала на землю.

Каждое животное и растение занимают в мире живых существ свое определенное место и живут в определенной численности. Сложнейшие взаимные отношения между организмами поддерживают извечно установившийся порядок. Благодаря ему в природе царит гармония. Но сейчас что-то произошло, какие-то невидимые нити, связывающие эту гусеницу с окружающим миром, порвались, исчезло то, что сдерживало ее численность, и вот вспыхнула невзгода, наступило, как говорят ученые, массовое размножение, за которым, как правило, следует катастрофа, массовая гибель. В гусеницах я узнаю ивовую волнянку, известного вредителя этого растения.

Интересно, что происходит на кустах, сохранившихся зелеными. Недалеко виден такой куст-счастливчик. Долго обхожу место, где среди травы поблескивает вода, добираюсь до растения. Не такой уж он счастливый, этот куст. На нем тоже гусеницы, только их очень много, и съели они лишь половину листьев. Зато все гу-

сеницы выглядят отлично, большие, упитанные. И почему-то здесь нет куколок. Становится понятным, почему. Там, где гусениц было много, их развитие закончилось быстрее, хотя это объяснение и кажется парадоксальным. Дело в том, что лучше закончить развитие прежде времени, оставшись недокормленным, и превратиться в куколку, чем вовсе погибнуть в поисках корма от голода. Такое среди насекомых происходит нередко.

Есть ли у гусениц какие-либо враги? Вокруг на холмах распевают жаворонки, в кустах караганы заводят однообразные напевы желчные овсянки, среди луговых трав мелькают желтые трясогузки. Никто из птиц не обращает внимания на гусениц. Они несъедобны или ядовиты, и не зря окрашены так ярко и заметно выделяются среди растений. Впрочем, иногда в красные кусты залетают кукушки. Вот они, наверное, и лакомятся врагами ив. Волосатые гусеницы их главная еда. Но кукушек мало.

Карликовая ива здесь - несчастливое растение. У нее есть еще один лютый враг - стеблевая галлица. Концевые веточки растения обезображены узловатыми опухолями-галлами. Мно-

гие ветки настолько сильно поражены, что погибли. Но зато сейчас свежих галлов нет, на растениях без листьев галл расти не может, а, едва начав развиваться, погибнет вместе с их строителями - личинками галлового комарика. Растение большое, находится в ужасном состоянии, и на нем не могут вырасти галлы. Таким образом, ивовая волнянка простерилизовала заросли кустарников от крошечных возбудителей галлов. Один враг убил другого. Ну что же, клин клином вышибается!

Раздумываю о причинах массового размножения ивовой волнянки. Предшествовавшие годы были сильно засушливыми, не росли травы, не цвели цветы. Видимо, тяжело пришлось пастбищникам - врагам волнянок. Они поддерживали свои силы нектаром цветов. Освобожденные от своих недругов бабочки и проявили столь безудержную способность к размножению. Что же теперь следует ожидать? Как бы в ответ на этот вопрос, заданный самому себе, натываюсь на больную гусеницу. Она повисла на вершинке кустарничка и почернела. В ней завелся заразный грибок так называемой вершинной болезни, поражающей гусениц многих бабочек. Эта бо-

лезнь - неизбежный спутник массовых размножений, поможет карликовой иве. А там, возможно, уцелевшие кое-где паздники, подкрепившись нектаром цветов, начнут проявлять свои способности, и в этом маленьком мирке восстановится гармония жизни.

Вечереет. Стихает ветер. Вокруг воцаряется глубокая тишина. Солнце заходит за холм, и лог синее от тени. Одинокий жаворонок трепещет в воздухе, озаренный погасающими лучами солнца. И тогда вижу, как над темными кустами одна за другой поднимаются в воздух снежно-белые бабочки. У них черные усики, черные глаза и тоненькие, тоже черные, колечки на белых ногах. У самок усики как ниточки, у самцов они роскошные и перистые. Бабочки тоже ядовиты, и белый наряд им дан природой для того, чтобы быть заметными в сумерках и в ночной темноте. Но какие они все маленькие! Неужели из-за педоедания? И очень вялые. Потом я с удивлением замечаю, что ивы других видов, крупные деревья, растущие по берегам таких степных рек, как Нура, не знают напасти ивовой волнянки. По всей вероятности, эта бабочка относится к другому виду,

близкому к ивовой волнянке, и приспособилась жить только на карликовой иве. Теперь начинаю понимать еще и другое. Почему некоторые лог или речки называются Караталом, то есть черной ивой.

Название кажется очень страшным, но родилось оно в такой засушливый год, когда растения страдали, как сейчас, от ивовой волнянки, теряли листья и в одеянии голых веточек, покрытых темной корой, казались черными.

ЛАГЕРЬ АРХЕОЛОГОВ

В разные стороны бегут желтые проселочные дороги, и как в этом безмерном пространстве раздольных степей найти маленький лагерь археологов? К тому же здесь так мало ориентиров. Но, к счастью, о палатках, стоящих в верховьях реки Атасу, знает и подробно объясняет водитель первой же встреченной грузовой машины.

Реку Атасу в верховьях трудно назвать рекою. Это цепь небольших продолговатых озерков, не связанных друг с другом, тихих, застывших в покое, обрамленных зарослями роскошных густых ив. Кое-где на поверхности воды плавают вечно занятые своими будничны-

ми делами ондатры, в глубине же неторопливо плавают рыбы. Вероятно, весной, а также в годы, богатые осадками, во время паводков все эти изолированные друг от друга озера ненадолго соединяются вместе, чтобы вскоре вновь разойтись на долгое лето, осень и зиму.

Наступил вечер. Лагерь археологов все еще не видно, хотя, по нашим расчетам, он должен быть давно. И вокруг ни одной живой души: ни стоянки скотоводов, ни автомашины. Может быть, мы выбрали не ту дорогу? И состояние нашей машины вызывает тревогу. В одном цилиндре, видимо, заглохло маслостъемное кольцо и гонит масло через один вкладыш на коленчатом валу. Все мои запасы масла давно израсходованы. В карттере же его осталось непозволительно мало. Ехать дальше нельзя. Стали на дороге, раздумываем. Моим спутникам непонятно мое беспокойство. Недалеко от дороги видны заросли ив, озерко, прохлада, вода, роскошные травы - чудесное место для бивака. Можно и рыбу половить. Требуется остановиться на ночлег. Но что за отдых, когда ехать дальше попросту опасно, можно заporоть двигатель. Лучше постоять на дороге, подож-

дать конца дня, вдруг кто-либо проедет мимо!

Журналист начинает нервничать, хмурится художник. Мое решение вызывает недовольство, назревает конфликт. Мне хорошо знакомо такое состояние маленького коллектива, и возникает оно, как правило, когда экспедиция попадает в трудную обстановку, к тому же все устало и голодно. Потом, когда обстановка меняется, все возвращается на мирный лад, и те, кто выходил из себя, чувствуют урызжения совести. Правда, не всегда. Усталость завладела мною больше, чем кем-либо, сказала работа за рулем и возраст. Но я, пытаясь сдержаться, объясняю необходимость ждать на дороге. И вдруг на горизонте показывается светлое облачко пыли. За ним второе, третье. Идут сразу три больших грузовика с прицепами, везут бетонные столбы электропередачи. Как я им обрадовался!

В мире не без добрых людей. Вскоре в нашем моторе масло долито до полного уровня, и мы сворачиваем в густые заросли ив на почлег. Водители машины, снабдившие маслом, сообщили, что совсем недалеко отсюда вблизи дороги виден лагерь из многих палаток. Там,

видимо, и находятся археологи. Переночуем и будем у них завтра.

Рано утром тороплю своих спутников. Надо успеть застать археологов до того, как они разойдутся на раскопки. Наш путь недалек. Вскоре я вижу белеющие палатки и сворачиваю к ним по слабо наторенной дороге. Да, здесь большой лагерь, несколько палаток больших, десяток маленьких, стоит автобус и грузовая машина. Под большим тендом, растянутым на кольях, за длинным столом сидят люди, много молодежи, видимо, практиканты, студенты. Завидев нашу машину, несколько человек поднимаются из-за стола и идут навстречу. Приветствую археологов, узнаем друг друга.

- Где же Мир Касымович?
- спрашиваю я.

- Вы что, разве не знаете? Неделю назад он умер и похоронен. Перед самым выездом в экспедицию почувствовал себя плохо, и мы поехали без него. Потом к нам пришла телеграмма о его кончине. Инфаркт!

Смерть Мира Касымовича, еще совсем молодого, казавшегося полным жизнедеятельности, поражает. На душе тяжкий осадок. После того, как он сперва отнесся с недоверием к мое-

му открытию астрономического значения курганов с грядками, а потом, осознав ошибку, пытался ее исправить, я почувствовал к нему большую симпатию. И вот, Смерть! Психика человека так устроена, что он мало думает о смерти.

Мы все разумом сознаем, что рано или поздно умрем, но чувством в это как-то не верим по-настоящему. Нет у человека опыта умирания, не возник он в процессе эволюции. Когда же от нас неожиданно уходит близкий человек, какое-то время трудно осознать, что его не стало, нет с нами, осталась только тело, подлежащее исчезновению.

Перед тем как отправить экспедицию, поставив своего заместителя, он сказал и о том, что должен приехать я, для того чтобы снять планы нескольких курганов.

В тот же день мы колесим на газике по межгорной равнине среди зарослей караганы, минуя небольшие распадки и предгорные холмы. Археологи здесь работают каждое лето четвертый год. За это время они раскопали поселение металлургов бронзового века, познакомились с производственным комплексом по выплавке бронзы, вскрыли несколько курганов.

Кропотливая и трудоемкая работа требовала участия многих рабочих рук, и каждый год в отряде участвовали студенты. Нашли археологи попутно и курганы с грядками, расположенные на сравнительно небольшой территории. Чем-то территория была особенной, так много на ней оказалось таких курганов. Быть может, тем, что здесь издавна был один из центров металлургии и своеобразной культуры. Здесь следы поселений всюду разбросаны в долине реки Атасу.

Вешая на кусты кусочки ваты, отмечаем места расположения курганов с грядками и потом уже сами принимаемся наносить их на план. Ватные заметки видны на далеком расстоянии. Все курганы немного отличаются друг от друга, у каждого свои особенности строения. Шесть курганов сходны по ориентации, а три, очень похожие друг на друга, при беглом взгляде - другой ориентации.

Если с правой и левой ветви провести линии на точки восхода солнца в дни зимнего и летнего солнцестояния, то на точке их пересечения, где должен быть ориентирный камень, и проходит линия от главного кургана точно на восток на дни

весеннего и осеннего равноденствий. Компас показывает не 90 градусов, а 96. Лишние шесть градусов падают на магнитное склонение этой местности.

Один курган Атасу оказался над захоронением раннебронзового века из вкопанных вертикально гранитных плоских плит, то есть в какой-то мере двухэтажным.

У некоторых курганов ветви очень асимметричны, в чем я вижу одну из особенностей этого оригинального погребального сооружения. Ветви всех курганов, да и сами курганы обросли караганой. Другой курган Атасу совершенно закрыт караганой и не виден. Его не обнаружить даже с вертолета. Нашли его археологи, случайно на него натолкнувшись.

В том, что курган оказался в дремучих зарослях кустарника, я вижу многозначительное обстоятельство. Климат территории Центрального Казахстана, как и многих других мест земного шара, претерпевает сильные колебания, и периоды увлажнения чередуются с периодами губительных засух. Смена периодов протекает очень медленно, столетиями, не считая одновременно происходящих мелких колебаний в сторону засушливости и увлажне-

ния. Поросший караганой курган, без сомнения, был построен во время сильных засушливых лет, когда здесь на его месте была почти голая земля. Если бы этот курган можно было бы точно датировать, метеорология получила бы интересные сведения о колебаниях климата земли. С помощью радиоуглеродного метода, а также по предметам в погребении это сделать не так уж и трудно. Так, соприкасясь вместе, казалось бы, совершенно разнородные и отстоящие далеко друг от друга науки могут сделать интересные открытия.

Стыковка метеорологии с археологией и астрономией проглядывает явная, и я надеюсь, что она когда-нибудь будет осуществлена. Впрочем, мне могут возразить: заросли караганы могли систематически уничтожать, освобождая от них землю для пастбищ. Но подобное вряд ли могло происходить в далекой древности при столь незначительной плотности населения. Могут сказать, что карагана развилась после того, как были сооружены курганы, ее процветанию способствовало изменение структуры почвы, появление ее скважистости и т. п., о чем уже было сказано. Но заросли караганы здесь идут

сплошные и не связаны с курганами. Еще, быть может, для выплавки металла вся древесная и кустарниковая растительность уничтожалась.

Курган Атасу, третий возле горы Каратюбе, - особенный. В его основании расположен не один курган, как полагается, а четыре, ориентир же на дни равноденствий идет только с одного из них. Похож на него курган Атасу 4. Здесь, в его основании, три кургана, ориентир же на дни равноденствия идет с кургана, расположенного дальше их и крупнее размерами. Очень правилен и симметричен небольшой курган Атасу-1. Из всех курганов, найденных здесь, самый необычный небольшой курган Атасу-5, направленный на юго-восток. Ориентация его не зависит от солнца и, без сомнения, связана с каким-то другим небесным телом.

Работа над курганами отнимает массу сил и внимания. Нелегко среди шатких камней установить теодолит, проверить правильность показаний прибора, измерить точно азимуты, несколько раз их проконтролировать, чтобы избежать ошибки, измерить расстояние до различных мест строения. Мне помогает Евгений, в то время как

художник занят этюдами. Евгений рассказывает с рейкой, устанавливает ее на определенных местах погребального сооружения.

Над нами же светит солнце, плывут по синему небу белые кучевые облака, под ветром покачиваются высокие зеленые травы, и стоит нам, закончив работу над одним курганом, усесться на машину и тронуться на поиски другого, как по степи всюду выскакивают сайгаки и, согнув книзу головы, несутся вскачь, поднимая ударами копытца легкие облачка пыли.

Сайгаки красят природу, и светлая степь в темных пятнах зарослей караганы с небольшими горками на горизонте кажется очень древней и дикой, такую же, какой она была много тысячелетий назад. Почему с нее исчезли древние народы, и сейчас она безлюдная, не бродят по ней стада животных, не видно юрт кочевников и скотоводов, и остались только одни каменные курганы да следы поселений и древних рудников?

ВОЗРОЖДЕНИЕ САЙГАКОВ

За несколько дней до нашего приезда, как нам сообщили археологи, здесь прошли боль-

шие табунки сайгаков. Это животное стало кочевать к северу, подгоняемое жарким зноем, высушившим степные травы.

В Казахстане тогда стало много сайгаков. Большие их стада летом кочуют по степным просторам страны, а зимою, голимые глубокими снегами, прикрывающими растительность, продвигаются к югу. Летом из опаленной зноем пустыни они идут в северные степи, богатые травами. Кое-где стада сайгаков, проходя по степям, запаханным под зерновые культуры, приносят немало хлопот хлеборобам, вытаптывая посевы. Сейчас, несмотря на то что сайгу регулярно отстреливают промысловые охотники, объединенные в специальные совхозы, несмотря и на то что на нее охотятся всюду, а кое-где ее истребляют волки, численность этого животного не падает.

Возрождение сайгака, считавшегося когда-то вымирающим видом, является казахстанским чудом, а зоологи и охотоведы относят это необычное для нашего времени явление к своим заслугам. В действительности же неожиданное возрождение сайгаков произошло, как я убедился, совершенно по другим причинам. Сайгак стал усиленно размножаться из-за ис-

чезновения одного насекомого. Да, пусть не удивляется читатель столь кажущемуся неожиданным сообщением.

Прежде чем рассказать об этом, пачку издалека. Обычно у человека существует неприязненное отношение к насекомым как к существам, безусловно, вредным или даже опасным. Комары, слепни, мошки, блохи, вши досаждают ему и домашним животным тем, что сосут кровь и переносят заразные заболевания. Немало жуков, бабочек, тлей, кобылок вредят посевам, обкрадывая часть урожая, с трудом получаемого человеком. Между тем среди великого разнообразия насекомых только ничтожно малое число видов приносят человеку урон. Многие из них полезны, и природа без них существовать не может. Во-первых, потому, что насекомые паразитоиды, и хищники истребляют множество других насекомых, благодаря чему между ними испокон веков в природе существует более или менее устойчивое равновесие.

Массовое размножение опасных вредителей сельского хозяйства чаще всего возникает из-за ослабления деятельности этих своеобразных контролеров порядка. Это ослабление

деятельности в наше время происходит из-за преобразования природы, неизбежно происходящей из-за хозяйственной деятельности человека.

Еще без насекомых немислимо существование множества цветковых растений, в том числе и возделываемых человеком. Все величайшее разнообразие и красота цветов, восхищающих нас, фактически предназначены для насекомых, ради того, чтобы их приманить и заставить перенести с растения на растение пыльцу. Насекомыми питаются многие птицы, звери и пресмыкающиеся. Насекомые – самая богатая группа животных по обилию видов и форм, служат моделью для построения различных сложных технических аппаратов. Ну и, наконец, немало насекомых, особенно жуков и бабочек, украшают природу великолепием своих форм и расцветок.

Преобразование природы, вносимое человеком, сильно сказалось на ее исконных обитателях. С лица земли исчезли многие звери и птицы, другие же находятся на грани вымирания или стали очень редкими. Казалось, одни только насекомые не исчезают и не вымирают. Но это не так. Насекомые тоже исчезают, только

незаметно для нашего внимания из-за слабой изученности и малых размеров. В этом отношении их не сравнить, допустим, с туром, лошадей Пржевальского, Стеллеровой коровой, птицей Дроптом и многими многими другими, печальная судьба которых прослежена во всех подробностях.

Стало меньше полевых цветков, и исчезли многие одиочные пчелы, опыляющие их, а также бабочки. Из-за перевыпасов не стало слышно перезвона и стрекота в траве многочисленных кобылок, а попутно уменьшилось и число птиц, которые ими питались. В ряде тропических стран исчезли или находятся на грани исчезновения красивые крупные бабочки из-за усиленной охоты на них коллекционеров, а также профессиональных ловцов, поставляющих свою добычу на мировой рынок. На Украине из-за распашки когда-то роскошных степей исчез один крупный кузнечик. Он и прежде был не особенно многочисленным. В наших краях от засухи, перевыпаса и подъема целины стали очень редкими замечательные хищные насекомые – богомолы, причудливые палочники. В предгорных степях теперь уже редко

встречается удивительный кузнечик Сага педо. Самцы у этого вида неизвестны, и размножается он без оплодотворения. Стали редкими бабочки – красавцы аполлоны, махаоны, в пустынях теперь трудно увидеть удивительного по строению музыкального аппарата большого кузнечика зичию, большую кобылку саксауловую горбатку. Наверное, многие редкие насекомые вообще исчезли, но мы этого не знаем. Может быть, где-либо остались считанные особи, способные перенести катастрофу. Как бы то ни было, об исчезновении одного насекомого, к счастью, явно вредного, я могу говорить уверенно.

Это овод, специфический паразит сайгака. Напомним, что овод и слепень не одно и то же, хотя в народе нередко путают эти два названия. Даже известнейшее произведение писательницы Э.Войнич "Овод" названо неверно, и его следовало бы переименовать на более прозаическое "Слепень". Личинки слепней развиваются в почве болотистых мест, взрослые же мухи нападают на самых различных млекопитающих и пьют их кровь. Личинки оводов развиваются только в теле позвоночных животных под

кожей или в кишечнике, причиняя своим хозяевам тяжелые страдания, а вышедшие из них мухи крови не пьют, ничем не питаются, их ротовые органы совершенно не развиты. Назначение мух-оводов – разыскать свою добычу и отложить на нее яички.

Оводов известно много видов, но личинки каждого вида могут развиваться только на строго определенном хозяине. На другом животном их развитие невозможно.

Раньше сайгаковый овод был очень многочисленен, и от него сильно страдало это степное животное. Известный путешественник и натуралист П.Паллас, исследовавший более ста лет назад Азию, сообщал, что сайгаки очень сильно страдали от личинок оводов, во множестве паразитировавших под кожей. Животные были так угнетены и истощены, что не обращали внимания на опасность: мясо их не годилось в пищу и было, как образно выразился тот натуралист, "весьма гнусно". Никуда не годилась и шкура, она вся была изрешечена дырками из-за личинок овода. После Палласа о том же писали и другие исследователи. К двадцатым годам нашего столетия из-за обилия волков, неумерен-

ной охоты, многоснежных зим и голода, а также и без участия оводов сайгак стал необыкновенно редким и оказался на грани вымирания. Полагали, что он доживает считанные годы и вскоре исчезнет с лица земли. Тогда и была запрещена охота на это животное.

Одновременно произошло удивительнейшее явление: овод не выдержал исчезновения своего хозяина, ему было не под силу разыскивать отдельные разрозненные и редкие его группы, и он вымер. Навсегда и совсем! Благодаря исчезновению своего лютого врага, той постоянной нагрузке, которую нес организм этого животного, сайгак возродился, стал многочисленным. С ним произошло то, что случается с любым организмом, тяжело болевшим и избавившимся от этого заболевания. Жизненные силы этого организма, освобожденные от угнетающего недуга, развернулись с новой энергией, произошло то, что ученые называют гетерозисом. Об этом я как-то высказал свое суждение на одном из заседаний ученых. Оно очень не понравилось маммологам (то есть, специалистам по млекопитающим животным), но ответом на него последовало дружное молчание.

БЕКТАУАТА

Наконец, наша работа над курганами закончена. Но прежде чем направиться домой, я предлагаю моим спутникам посетить одно замечательное место Центрального Казахстана, именуемое Бектауата, и, заинтеригованные моими рассказами о нем, все с радостью соглашались.

С северного берега озера Балхаш, далеко над ровным горизонтом среди опаленных зноем просторов Сары-арки едва виднеется голубой конус. Это – гранитная гора Бектауата высотой около 1200 метров над уровнем моря. О ней я слышал много раз как об интересном месте, но смог побывать там очень короткое время. И вот, наконец, машина мчит нас по обширной всхолмленной пустыне. Она покрыта розовым гравием, поросла карликовым кустарничком бояльником да низкорослым, засохшим от жаркого солнца, ковылем. От города Балхаш гора всего лишь в семидесяти километрах, и мимо нее идет на Караганду асфальтовое шоссе.

Голубая гора хорошо видна. Она быстро приближается, за нею появляются другие горы

поменьше. Постепенно голубизна гор исчезает, они розовеют, четче проступают контуры и очертания громадного гранитного массива. Время избородило его глубокими морщинами и трещинами, округлило ветрами. Наконец, и она, главная гора Бектауата, перед нами, большая, розовая, величественная, с зелеными пятнами крохотных лесков из осины и можжевельника.

Останавливаю машину, чтобы сделать фотографию, отхожу от шоссе в сторону и вижу небольшие квадраты гранитных плит, едва выглядывающих над поверхностью земли, погруженных ребром. Оказывается, это едва заметный могильник, настоящий некрополь народов, живших в этих краях с незапамятных времен. Кто-то, возможно, археологи, вскрыли одну могилу и обнажили погребальный каменный ящик, сложенный из плоских гранитных плит. Жили, значит, здесь люди в далекой древности, и чем-то привлекала их большая гранитная гора среди ровной и бесплодной пустыни. Захоронениям более двух тысячелетий, и принадлежат они бронзовому веку, племени азиатских европеоидов, потомкам ариев – андроновцам.

В очень далекие времена, исчисляемые, быть может, миллиардами лет, расплавленная магма под давлением внедрилась в толщу земной коры и постепенно остыла, образовав так называемый лакколит. Потом вода, ветер и солнце, неумные труженики, преобразующие лик нашей планеты, обнажили землю над засыпавшим гранитом, и он, более стойкий к разрушению, постепенно открылся и по-

степенно возвысился над окружающей местностью, пронизанный многочисленными горизонтальными и вертикальными трещинами. Получилось то, что геологи называют матрацовидными гранитами. Здесь нетрудно найти камни, которые и послужили материалом для захоронения. Так особенности строения горы породили ритуальный порядок отправления усопшего в потусторонний мир.

Вот мы и рядом с горой, похожей на величественный и колоссальный монумент. Она будто гигантский памятник древнейшего прошлого земли в обрамлении зеленых лугов с кустиками таволги, шиповника и караганы. Кое-где среди зелени, такой радостной и веселой после обожженных солнцем и безрадостных пустынь, проглядывают голые и чистые площадки гранитов и по ним текут крохотные тихие ручейки. Весной здесь царило буйство цветов, сейчас же многое отцвело. Желтыми столбиками торчат высокие ферулы, над зеленью трав покачиваются светлые шарики невысокого чеснока и желтые колоски маленьких злаков, да позвякивают коробочки тюльпанов с семенами. Среди этой роскоши растений из-под ног во все стороны прыгают и разлетаются кобылки. Им здесь привольно.

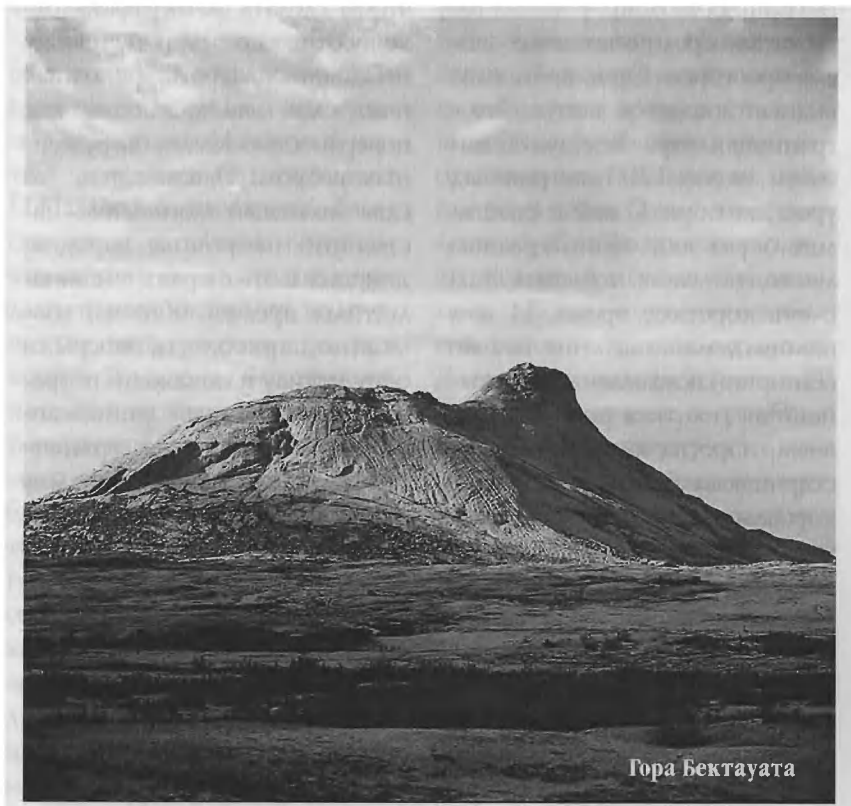
В логах между гранитными массивами возле ручьев и небольших озерков приютились три пионерских лагеря, и бодряя музыка нарушает тишину древних гранитных гор, насупившихся в торжественном молчании.

Пробираемся по одному из зеленых распадков с мелкими

прозрачными ручейками, проезжаем как можно ближе к подножью главной горы Бектаута. На ее северном склоне находится пещера, и мне прежде всего хочется в ней побывать. У ручейка, на большой и ровной, как стол, гранитной площадке, найдем превосходное место для бивака и быстро устраиваемся. Не терпится скорее отправиться в поход к пещере, ее вход виден издали и зияет темным пятнышком на светлом фоне гранитов.

Путь к пещере нетруден. По плоским каменным плитам нога ступает, как по паркету. Иногда отдельно лежащие тонкие плиты громко и звучно звенят под ногами. Камни удивительно чистые. Весной, когда тают снега, воды смывают с них всю грязь. Каждую весну умываются гранитные горы. Всюду заросли можжевельника. Под знойным солнцем они источают настолько сильный и густой запах древесной смолы, что чудится, будто находишься в дремучем бору. На пути все время встречаются мелкие синие озерки, отражающие безоблачное небо.

У одного озерка на кустике таволги вижу необыкновенно яркую карминно-красную стрекозу коромысло. Другая - голубая погна-

Гора Бектаута

лась за нею и прогнала. Никогда не видал я такой ярко-красной стрекозы. На другом озере красная стрекоза-самец, схватив за шею серенькую самочку, пляшет с нею над водой, ритмично падая сверху вниз, одновременно помогая своей подруге и заставляя ее погружать кончик брюшка в воду и бросать в нее яички. Подобным, несколько необычным способом мужская половина этих насекомых проявляет заботу о будущем потомстве.

В озерах кипит жизнь. По дну плавают мелкие рачки, семеня многочисленными ножками. У некоторых из них в основании хвостовой части туловища сверкает изящным украшением буторок. На его основании располагается красное пятно. Оно окружено сперва белой, а затем голубой каемками. Пятно и каемки очень яркие, отчетливо проглядывают даже сквозь толщу воды. Для чего такая нарядная внешность? Никогда не видал таких ярко раскрашенных рачков и думаю, не занесли ли их яичками на лапках наплавлявшиеся с южных зимовок на северную родину перелетные водоплавающие птицы.

ОБЩЕСТВА РАЧКОВ-ЩИТНЕЙ

Но самые замечательные рачки-щитни. Для Средней Азии они неизвестны. Я вижу их впервые в жизни, но узнал сразу. Они немного похожи на вымерших трилобитов, обитавших в морях несколько миллионов лет назад. Щитни - удивительные представители класса ракообразных. Внешность их своеобразна. Они крупные, длиной в три-четыре сантиметра, с шаровидной головогрудью и длинным хвостовым придатком. Большая часть их тела покрыта щитком, из-за которого они и получили такое название. Тело их несет множество ножек. Передние из ног большие, казды сильно уменьшаются, и на хвостовом придатке их уже нет. Каждая нога несет лопасть для передачи пищи от задних ног к передним и от них к ротовому отверстию, и еще лопасть - жабру, служащую для дыхания в воде. Число ног велико и достигает семидесяти. На щитке красуются два сложных глаза, состоящих из фасеток. Кроме того, впереди от них расположен один непарный глаз, значение которого до сих пор не выяснено.

Питаются щитни самыми разнообразными мелкими жи-

вотными и водорослями, истребают, по-видимому, личинок комаров. Может быть, поэтому на горе, где так много мелких, к тому же хорошо прогреваемых озерков, комаров нет. Щитни находят пищу по обонянию, улавливая в воде ничтожные концентрации веществ.

Все многочисленное общество рачков, как я убедился, женское, самцы у щитней необыкновенно редки, а иногда их вовсе не удастся найти. Подсчитано, что один самец приходится примерно на тысячу самок. Размножаются они поэтому без оплодотворения. При этом так называемое партеногенетическое поколение ничем не отличается от поколения, развившегося в результате обычного, при участии самцов.

Яйца щитни откладывают в воду. Они очень стойки к высушиванию и переживают его несколько лет, при этом для них не губительна и высокая температура, нагревание до 80 градусов переносят без вреда. Благодаря такой особенности щитни появляются неожиданно в воде там, где их никогда не было. Поэтому среди населения существует убеждение, что рачки выпадают с дождем. Из яиц, когда они попадают в воду,

очень быстро в течение двух недель развиваются рачки. При этом они очень часто и быстро линяют. У некоторых насчитывают до сорока линек.

Природа не пожаловала щитням разнообразие форм. В мире всего насчитывается девять видов, относящихся к двум родам. Самое интересное в том, что щитни существуют много миллионов лет, не изменяясь. Таковы хорошо сохранившиеся окаменевшие остатки одного из самых распространенных видов щитней Триопс канциформис, найденных палеонтологами в Триасе, то есть в пластах земли, где жизнь существовала около двухсот миллионов лет назад! При этом древний прародитель этого рачка по форме и строению тела ничем не отличается от вида современного и живущего сейчас! Такое явление необыкновенного постоянства и застывшей эволюции неизвестно ни для одного другого животного, обитающего на нашей планете. Поэтому щитней не без основания считают самыми древними животными, дожившими до наших дней.

Думаю, что бектаутавский щитень, возможно, новый вид, и живет он испокон веков возле горы среди громадных просто-

ров пустыши. Вообще, для территории Казахстана моя находка этого ракообразного - первая. Интересно было бы проверить его способность уничтожать личинок комаров, и если она подтвердится, то расселить его по другим водоемам, помочь расширить свой ареал. Это совершенно безобидное безвредное животное. Тем более сделать это совсем не трудно при столь значительной стойкости лиц к внешним условиям.

Очень мне нравятся щитки, и я не могу оторваться от них. Они деятельны, оживлены, ни на секунду не находятся в покое. В одном озерке с ними что-то произошло, рачки затеяли подобие очень оживленной игры, вертятся с необычайным проворством, совершая в воде вычурные пируэты и исполняя фигуры высшего водного пилотажа, часто поворачиваясь вниз спинкой и показывая многочисленные попки, размахивающие с необыкновенной быстротой. Они живут не во всех водоемчиках, в некоторых их почему-то нет, сюда они не пропикли. Удивительно энергичны и подвижны эти древние создания, видимо, тем самым компенсируя свою кратковременность жизни. За их уморительными

кувырканиями, игрою и погонями друг за другом интересно наблюдать.

Наловил с десяток рачков и поместил в белую эмалированную миску с тем, чтобы в ней их сфотографировать. Но неуемные создания все время в беспрестанных движениях, ни на секунду не желают позировать. Откуда такая энергия, чем они ее восстанавливают, что едят?

В одном небольшом озерке плавает только рачок-одиночка. Он - не как все, очень крупный, настоящий великан. Вылавливаю его и подсаживаю в эмалированную миску с рачками. И тогда происходит неожиданное: все рачки замирают на мгновение, будто заколованные. Рачок-великан обследует миску, пятакнется на своих собратьев и каждому отвечает по солидному тумаку. Нет, он не собирается никого обижать, бить или убивать. Просто так, знакомится, представляется. Видимо, в его обществе подобным путем выясняют отношения, устанавливают иерархию. Постепенно все рачки пробуждаются от оцепенения, начинают, как и прежде, резвиться и к великану относятся по-свойски.

В банке с водой они рез-

вятся, как ни в чем не бывало. Часто лежат кверху ножками, выглядывая большим черными глазами, и машут-машут ножками, без конца прогоняя воду мимо рта, чтобы выловить микроскопические водоросли или инфузории. Глаз у них две пары, одни снизу под щитком, предназначенные для обозрения дна, другие - сверху. Нередко, резвясь, стучаются головками. Иногда, встрепенувшись, молниеносно опускаются и, быстро промчавшись вниз, поднимаются обратно кверху. Но, если начать доливать в банку воду, все мгновенно в панике падают на дно и замирают. Очевидно, такая реакция поведения не простая, а особенная, бектаутауская: дожди, скатывающиеся с горы, переполняя озерки, просят спести их обитателей вниз, в пустыню. А там - погибель. К вечеру все рачки перестают метаться, затихают и, перевернувшись к низу ножками, засыпают.

Они быстро растут и часто линяют, и что интересно: во время линьки никто из рачков не прикасается к находящемуся в состоянии беспомощности, соблюдая этикет благожелательного поведения.

Наверное, в каждом озерке существует своя компания

рачков, где знают хорошо друг друга. Еще в одном большом озерке плавают маленькие рыбки. Некоторые из них - с поперечной полоской изумительной перламутровой расцветки. Откуда они взялись, такие красивые? Уж не принесли ли их так же, как и мелких ярких рачков, с икрой на себе пролетные утки, зимовавшие в теплых странах? Маленькие рыбки - также неукошимые враги кровососущих комаров и пожирают их личинок во множестве. Только в одном озерке поверхность воды унизана личинками и куколками этих кровососущих насекомых. Они здесь одни, никто им не мешает. Вот бы запустить сюда красавиц-рыбок и рачков и посмотреть, как они станут уничтожать это ненавистное племя насекомых, омрачающее общение человека с природой.

На Бектаута зимой царят морозы, выпадают снега, а ручейки и озерки промерзают до дна. Кроме того, в засушливые годы вода исчезает. Как переживают это тяжелое время милостивые рачки и маленькие рыбки, внешность которых невольно пробуждает к ним симпатию? Как было бы интерес-

но попробовать их содержать в аквариумах!

ОЗЕРКО В ПЕЩЕРЕ

На берегу крупного озера бегает, семена ножками, одинокий кулик-перевозчик. Он - случайный посетитель этого царства розового гранита, тревожно попискивает, очевидно, рассчитывая услышать ответные сигналы сородичей. Высоко над скалами с тонким визгом проносятся быстрокрылые стрижи. Еще вижу несколько деловито снующих в траве сорок, видимо, промышляющих кобылками. Где-то вдали напевает лаконичную и однообразную песенку желчная овсянка. И все! Мир пернатых беден.

В гранитных горах царит тишина, подчеркивая вечность этого мира вычурных скал. Лишь изредка ветер доносит с ближайшего пионерского лагеря обрывки сумбурных эстрадных песенок, которыми без конца администрация этих очагов отдыха потчует и воспитывает детей, загрязняя эфир и нарушая то драгоценное спокойствие, царящее в природе, с которым человек давно растался, поселившись в городах. Приходится сожалеть, что набор этих песенок продиктован

сомнительным вкусом хозяина радиоузла, и жаль детей, невольно вынужденных приобщаться к чужому и дурному влиянию. Я сочувствую женщине-метеорологу, у которой распахивал путь к пещере.

- Как заведут эту проклятую музыку с утра, так и крутят до самого вечера! - с сокрушением жаловалась она.

Еще вспоминаются слова писателя Солоухина, не без обиды сказавшего, что мы "обожрались" этой музыкой.

Светлый розовый гранит, густо синее небо и яркое солнце слепят глаза. Впрочем, гранитные плиты во многих местах разрисованы пятнами лишайников. Они удивительно красивы и разнообразны, светло-пепельно-голубые, ярко-желто-зеленые, оранжевые, кирпично-красные, коричнево-черные. Иногда они, образуют густую и разноцветную мозаику, почти сплошь покрывают граниты. Даже в них, этих примитивных существах со скрытой от нашего взора и загадочной жизнью, природа проявила красоту. Хотя разве есть что-либо в природе для возвращенного ею человека безобразное!

Продолжаем подъем, и черны́й вход в пещеру становится все ближе и ближе. Причудли-

во изрезанные ветрами границы, высокая гора Бектауата, тихие озера и ручейки, лишайники и травы, можжевельники, источающие запах смолы, покой и безлюдье - все это создает ощущение особенного и неповторимого своеобразия его мирка, чего-то необыкновенного и извечно спокойного в своей непоколебимой древности. И прежде всего глубокое и сильное чувство общения с незыблемой и торжественной красотой природы. И вдруг на пути - черные пятна пепла, обугленных стволов на месте можжевельника, кучи заржавевших консервных банок и сверкающие на солнце осколки стекла. Здесь вблизи пещеры оставили свои следы осквернители природы. Зачем трудиться собирать топливо для костра, когда густая шапка можжевельника легко и быстро вспыхивает от горячей спички? Зачем уносить с собою или прятать в глубокую расщелину консервные банки, когда сюда, побывав здесь только раз, уже не собираются более возвращаться неумные производители мусора?

К пещере ведет небольшой, но крутой подъем. Вот перед нами ее вход, и я вижу то, что никогда не встречал в жизни, быть может потому, что всегда

избегал мест людных и искоженных. Все камни вокруг пещеры, весь вход ее испещрены величайшим множеством автографов, написанных разными красками. Кто-то приволок сюда трехлитровую банку с зеленой краской, израсходовав ее до дна и, видимо, изрядно потрудились, измазывая камни. Надписями не оставлено свободных мест. Многие наклеены друг на друга. Не жалея сил и не обладая чувством красоты природы, посетители этого места запечатлели свое пребывание в местах труднодоступных, тем самым показав способность к скалолазанию.

В самой пещере ощущаю сильный парфюмерный запах, а на полу вижу пустые тюбики из-под зубной пасты и не сразу догадываюсь, во что эти предметы гигиены были использованы изобретательными автографоманами. Удивительно, как сильно распространен этот порок столь ничемным и мелочным способом пытаться увековечить на долгие времена факт своего брэнного существования. Впрочем, в гранитных горах ожидать большего и не следовало. Шириной около четырех метров с коническим сводом пещера шла слегка наклонно вниз и вглубь горы. Метрах в

тридцати от входа ее путь преграждала холодная и прозрачная вода. Судя по следам, оставленным на стенках пещеры, когда-то были годы, изобиловавшие осадками, и вода почти полностью заполняла пещеру. Идти дальше невозможно. Уж очень холодна вода. Метрах в шестидесяти от входа пещера полностью закрыта ею.

В этих горах вряд ли можно ожидать большую и длинную пещеру, подземное царство со сталактитами и сталагмитами. Тем не менее спелеологам, снабженным аквалангами, следовало бы попытаться обследовать это столь редкое для Центрального Казахстана явление.

Сидим в пещере, отдыхаем в прохладе и полумраке, и мир, проглядывающий за ее входом, кажется ослепительно блестящим и знойным. Пытаюсь найти какие-либо следы исконных обитателей пещеры и вижу лишь несколько мушек, спрятавшихся сюда от горячего солнца. Но вскоре чувствительные покалывания на коже лица и рук свидетельствуют о том, что здесь нашли приют москиты, и они пытаются полакомиться нашей кровью. Крохотные, белесоватые, покрытые длинными во-

лосками, с очень тощим брюшком, они кажутся слабенькими созданиями. Два черных глаза выделяются на их голове, вооруженной острым хоботком.

Рассказывают, что вода в пещере ранее считалась священной и целебной, ее пили от различных болезней. Прежде чем войти в пещеру, полагалось хорошо вымыться и одеть на себя чистую и парадную одежду. Сюда съезжалось много народа. Кололи баранов, справляли тризну. Вокруг пещеры, по казахскому обычаю отмечать священные места, все было обвешано лоскутками материи. Когда-то возле горы жил старик-прорицатель, почитавшийся у местного населения святым. Он знал разные молитвы, и верили, что он, якобы, наложил запрет на водящихся в Бектауата змей, чтобы они не кусали человека. Старик построил из местного камня небольшую мечеть. Сейчас от нее не осталось следов, время стерло ее с лица земли.

Местами видны следы землетрясений, и громадные камни, до пяти-десяти метров в диаметре, причудливых форм, скатившиеся вниз, застыли в хаотическом беспорядке, обточенные ветрами и водою.

ВОКРУГ БЕКТАУАТА

На следующий день мы объезжаем Бектауата с севера, попадаем в узкую, но длинную полосу осинового леса с несколькими озерками, расположенными в долинке между гранитными горами. Здесь все, как на севере: и высокие травы, и густой таинственный лес с небольшими редкими полянками, покрытыми цветами. Но обидно видеть голые скелеты деревьев, высохшие и почерневшие от огня там, где по преступной халатности прогулялся пожар.

Затем дорога выводит на обширный степной простор, типичный для Центрального Казахстана с куртинками караганы и редкими лесками в ложбинках. С северо-западной стороны Бектауата обрамляет роскошный луг, обильно поросший цветущим чесноком, луком, подмаренником, пижмой, изящным нежно-голубым морковником, геранью и множеством других растений. Кое-где виднеются скромные гвоздики. Они не изменили черте, присущей роду, и такие маленькие излучают сильный и благородный аромат. Дальше от горы тянутся сине-зеленые поля полыней, мелкой эфедры и других трав пустыни.

Все зеленое раздолье, такое необычное для знойного юга, своим существованием обязано гранитной горе. Вода, излившаяся с неба, не погружается в земные недра, а, задерживаясь в многочисленных расщелинах горы, постепенно питает влагой обширное свое подножие. Тенистые лески, голубые озерки, роскошные луга, зеленеющие степи - все обязано этой большой гранитной горе, красующейся своей острой вершиной далеко вокруг над обширной голубой и безжизненной равниной.

К северу от Бектауата, примыкая к ней, тянется гранитный массив, вычурно изрезанный и очень живописный. Подъехать к нему близко не легко, и мы с трудом нашли узкую ложбинку. Здесь, между гор у ручейка, вижу сложенную из камней охотничью засидку. Ее бойница обращена в сторону гор, откуда, спускаясь, приходили горные бараны - архары напиться воды. Архаров здесь уже почти не стало, а засидка цела как немой упрек черствости духа и недомыслия браконьеров.

Маленький ручей струится по гранитному ложу. Встречая на своем пути небольшой порожек, переваливая через него

и падая, он проточил в камне глубокую и круглую ямку диаметром около метра. Очень стар этот маленький ручеек и яму сработал, наверное, за много тысячелетий. В ручейке плавают маленькие жабята с хорошо развитыми ножками и хвостиком. Они очень осторожны, эти малыши, и завидев меня, тотчас же в панике прячутся в подводные щели. Кое-кто из них, лишившись хвостика, уже вышел из воды на сушу, но далеко от ручейка не отходит, в случае опасности сразу бросаясь в свою родную стихию. Для них суша еще враждебна.

Мелькнул в воде изящный молоденький с двумя оранжевыми пятнами на голове уж. Он очень меня напугался и спешно заскользил к воде в поисках укрытия. Кое-где в воде резвятся мушки-береговушки. Они - настоящие амфибии, садятся на воду, широко расставив в стороны ноги, плывут по течению и, лихо взлетая, вновь устремляются к ней. Чиста, тиха и прозрачна вода ручейка.

Из похода по горам возвратился мой спутник. Устал, набродился, рассказывает:

- Удивительных жандармов я видел. Всех перефотографировал!

"Жандармами", оказывается, альпинисты называют фантастические фигуры из камней, напоминающие необычных существ, человека и зверей.

- А еще, - продолжает он, - видел, наверное, снежного человека. В том-то и дело, что действительно видел. До сих пор думаю, вспоминаю и не могу понять, кто это был такой. Стоит на краю скалы ко мне спиной метрах в ста пятидесяти. Весь в коричневой шерсти, согнулся, сутулый. Повернул ко мне голову - лицо светлое. Потом тихо подвинулся к краю и исчез.

- Что же ты не подбежал к тому месту, где он сидел, не посмотрел, быть может, и сфотографировать удалось бы! - с досадой упрекнул я незадачливого фотолюбителя.

- Да, знаете, как-то немного страшно стало. (Мой спутник, он не биолог, недавно прочел о снежном человеке мою опубликованную в Алма-Ате книгу "Трагедия дикого человека". Алма-Ата: Паритет, 1992).

Кто же сейчас ему встретился? Быть может, на скале сидела большая хищная птица. Все остальное дорисовало воображение. К тому же в горах повстречалось так много "жандармов". Потом, умышленно

выждав несколько дней, я неожиданно напомнил своему спутнику о необычной встрече.

- Я думаю, - сказал он, - это все же была большая обезьяна! Что касается снежного человека, то я с большим неодобрением отношусь к скептикам, вообще отвергающим возможность его существования.

К сожалению, в поисках этого ставшего мифом существа мы опоздали, так как сейчас лишь кое-где остались доживающие свой век отдельные старики. Изменения природы, внесенные человеком, сказались даже на высокогорных и труднодоступных районах.

Выкроив пару часов, брожу по гранитным горкам, люблюсь их необычной формой: то ровными чистыми большими плитами, то глубокими расщелинами, то причудливыми фигурами выветривания, ощущая себя среди них, будто в музее необычных скульптур.

Во время своего краткого похода дважды увидел на больших камнях остатки трапезы какого-то животного. Судя по всему, добычей послужила узкочереная полевка - производительница мумие. Она была удивительно тщательно препарирована, и от нее остался только кишечник. Такую операцию

мог сделать только, пожалуй, Дикий человек, используя к тому же в качестве обеденного стола верхушку большого камня. Хищная птица или зверек вряд ли способны на это.

ЗАГАДОЧНЫЕ ЧЕРНОТЕЛКИ

На величественной горе Бектауата растения ютятся между камнями в ложбинках, занесенных песком и гравием и по трещинам в каменных плитах. Иногда и в ложбинках, если слой гравия и песка толчок, растения устраиваются строго по линии, обозначая собою скрытые трещины, в которых можно укрепиться корнями. Куртинки ярко-зеленого стелющегося можжевельника и таволги украшают горы.

Сегодня жарко, солнце греет щедро и среди царства светло-розовых гранитов свет слепит глаза. На густо-синем небе с северо-западной стороны протянулись нежные перистые облака, расходящиеся в стороны пучками.

Из-за жары приходится натягивать тент, под ним все же тень и в ней можно передохнуть от горячих лучей солнца.

С утра меня занимает одна загадка. Я часто встречаю средних размеров жуков-черноте-

док. Все они принадлежат одному виду, пожалуй, почти единственному здесь в этих горах. Жуки все торжественно спешат в одном направлении вверх с низин. Быстрый бег их необычен. Насекомыми явно руководит какое-то чувство, быть может стремление к массовому переселению. Обычно подобные вояжи совершаются, когда возникает перепаселение, становится слишком тесно и зарождается стремление уйти в другие, более свободные места, расселиться. Но чернотелок немного, они даже редки и все же каждая мчится с поспешностью вверх. Странные чернотелки!

К вечеру запасмурило, и солнце ушло за облака. Похолодало.

Рано утром засвистел ветер, и наши полога, высвободив края, подвернутые под постели, затрепетали, подобно флагам. Горизонт затянуло белой мглой. Ветер усилился. Началась пыльная буря пустыни. Она продолжалась два дня.

Неужели жуки, в преддверии непогоды, заспешили в горы. Наверное, во время дождей быстро сбегавшая с голых скал вода затапливает низинки и губит чернотелок. Плавать они не умеют. Вот и вошло в обы-

чай инстинкта при приближении непогоды переселяться повыше, в горы. Там, хотя и меньше растений, меньше и еды, зато безопаснее.

Но дождя все же не было, и жуки оказались явными перестраховщиками. Зато, как говорится, "береженого бог бережет".

Несколько дней, проведенных на Бектаута, промелькнули незаметно и быстро, и было жаль прощаться с этим удивительным, если не сказать уникальным местом. Мы рады этому памятнику природы, хочется, чтобы он, опекаемый заботливым отношением тех, от кого зависит его судьба, продолжал существовать для блага общества облагораживая своей неповторимой красотой душу человека.

Подъезжая к городу Балхашу, я оглянулся назад и посмотрел на далекий голубой конус, высящийся над безбрежной и ровной пустыней. Удастся ли еще побывать на тебе, прекрасный Бектаута!

РАЗДУМЬЯ НАД ПЛАНАМИ КУРГАНОВ

Возвратившись в город, с нетерпением принимаюсь вычерчивать планы астрономичес-

ких курганов, сопоставляю их друг с другом, раздумываю над ними. Вот они все передо мною, отчетливо распадаются на группы, связанные с солнцем и с какими-то другими светилами.

Они были обнаружены мною несколько раз в разных местах Казахстана. Их можно назвать предтечами курганов с грядками.

Возможно, они существовали и среди тех, кто не был связан со жрецами (Фигура 50).

Равноденствия и солнцестояния были хорошо известны с глубочайшей древности очень многим народам. Их знали в Китае, Древнем Египте и Греции, в Месопотамии и других странах. О том, что славяне до нашей эры уже отмечали солнцестояния и равноденствия, было сказано. Знакомы с глубокой древности и многие другие, более детальные особенности астрономии. К примеру, даки, народ, живший на территории современной Румынии в районе Гредишья-Мунчелуй более 2050 лет назад, при помощи квадратов и кругов, найденных и расшифрованных астрономами, определяли продолжительность года в 365, 248, 197 суток. Календарь другой народности Нового Света - майя был, пожалуй, самым

точным из всех древних календарей и устанавливал продолжительность года в 365, 242, 139 суток. Разница между обоими календарями расходилась лишь в пятом и шестом знаке после запятой! Был, наверное, календарь и у древних народов, обитавших на территории современного Центрального Казахстана.

Большое, существовавшее долгое время скифское государство до сих пор представляет жгучую загадку для историков. Сложна и плохо прослежена история народов, заселявших территорию современного Центрального Казахстана. Там жили голубоглазые русые или рыжеволосые европеоиды-кочевники Юежди. Их же называли Дин-ли. Еще в древней истории они известны под названием Кушан. Древние персы считали их племенами, родственными скифам, а древние греки - скифами-массагетами. Они якобы оставили курганы с грядками. Впоследствии им родственные народы канюи и усунь были вытеснены в пятом веке н. э. в западные отроги Тянь-Шаня. Жрецы, которым все же, по видимому, принадлежали курганы с грядками, были связаны с этими этнически близкими народами.

Скифы не оставили письменных источников. Чем объяснить, что столь большое государство, сложное и, судя по всему, хорошо организованное, не пользовалось письменностью, тогда как в те времена она уже существовала у многих народов? Почему предпочитали устную передачу от поколения к поколению достояния человеческого разума. Известно, что самое древнее религиозное учение Заратуштры не разрешало письменное изложение своей веры, полагая, что его запечатление оскорбительно для Бога. Быть может, так делалось умышленно, чтобы сохранить жреческую паутину для своего узкого круга. Может быть, письменность имела, но была утеряна.

То, что курганы с грядками связаны с солнцестояниями и равноденствиями, - только часть открытого мною глубокого содержания, таящегося в этих сооружениях, для возведения которых не требовалось слишком больших усилий, нежели, допустим, таких, как египетские пирамиды. Сейчас они продолжают оставаться загадочными из-за различной ориентации, асимметрии грядок, заключающих какой-то глубокий и определенный смысл. Некоторые из курганов с грядками

сопровождаются ориентирными камнями и, наоборот, связаны с какими-то особенностями рельефа горизонта. О многом свидетельствует и то, что основная концентрация курганов с грядками находится на небольшой территории Центрального Казахстана, а также одиночные курганы есть в Узбекистане и Калмыкии. Все же, очевидно, что курганы принадлежали узкой династии жрецов, унипоженной при великом переселении народов с востока на запад.

Представляет загадку и хронология происхождения курганов. Курганы, впервые встреченный мною близ реки Или, в западной оконечности Джунгарского Атау, по моему мнению, - самый древний, его камни сильнее погружены в почву. К тому же он заметно отличается по строению от всех других курганов с грядками. Таким же древним представляется один курган уже в южной окраине Центрального Казахстана.

РАЗЛИЧНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КУРГАНОВ С ГРЯДКАМИ

В одном месте Центрального Казахстана в урочище Атасу, где располагался древний

центр металлургической промышленности, оказалось скопление курганов с грядками. И, что особенно интересно, при должествующем одинаковом магнитном склонении их ориентация различна. Детальным изучением этих курганов отчасти, быть может, удастся определить разницу в датах их зарождения и, кроме того, открыть ориентацию на различные небесные тела. Как известно, магнитные отклонения зависят от движения раскаленных жидких масс центра Земли и непостоянны. Среди этих курганов представляет особый интерес курган Атасу 7 с пятью, возможно ориентирными курганчиками.

Курганы тридцати семи воинов упомянут мною на странице 235 (Фигура 51). Находка этого кургана далась с большим трудом и несколькими поездками в Центральный Казахстан, несмотря на то, что он был разведан археологами и описан более десяти лет до моих поисков. Впрочем, особенного в нем оказалось немного. Его ориентация - на солнце. По-видимому, он был посвящен выдающейся особе или жрецу. С северной стороны он как бы огражден линией из 37 ритуальных групп: больших

камней, поставленных длинной линией, как бы образующей ограду. Эта ограда аналогична точно такому, но более грандиозному сооружению, находящемуся на территории Национального парка Алтын-Эмель вблизи Алма-Аты. Она впервые была открыта мною еще в 1961 году, но описание ее опубликовано в 1995 году и почти неизвестно до сего времени. Такие же ограды опоясывали несколько Царских курганов урочища Бещатыр в том же национальном парке. Это было ритуальное, поминальное и одновременно стратегическое сооружение. Каждая группа камней была сложена из четырех плоских и больших камней до полутора метров в длину, поставленных вертикально, и позади них - четырех круглых больших валунов. В Семиречье несколько таких групп было раскопано, и они оказались пустыми. В Кургане 37 воинов как будто в двух таких группах оказалось по одному скелету мужчин, что и дало повод археологам дать название всему сооружению "Курган 37 воинов". По всей вероятности, это ошибка. Я внимательно осмотрел всю ограду и нигде не нашел следов раскопок ни в одной ячейке.

После поездок в Центральный Казахстан, обследовав более полутора десятков курганов с грядками, я опубликовал в Вестнике Академии Наук Казахстана две статьи о результатах своих исследований, а также две статьи в литературном журнале Казахстана "Простор". Не столь просто новое внедряется в сознание и занимает место старого. Как-то захожу в Общество охраны памятников культуры и археологии Казахстана и вижу: молодые археологи, глядя на меня, как-то странно ухмыляются.

- Что с вами? - спрашиваю.

- Мы измеряли курганы с грядками, и азимуты не совпадают с вашими расчетами. Главная ось с кургана на смотровой камень, к примеру, отклоняется на восемь градусов от стрелки компаса на восток. Так что Ваша теория не верна.

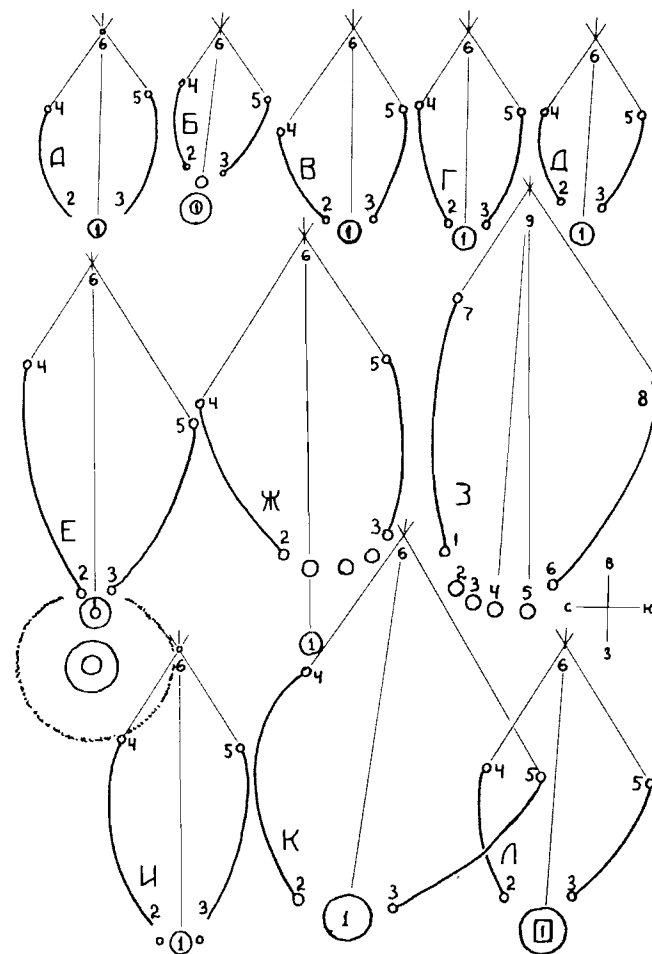
- Во-первых, - отвечаю я, - это уже не теория, а окончательно доказанный факт. Отклонение же стрелки компаса объясняется так называемым магнитным склонением. В каждой местности стрелка компаса может отклоняться в ту или иную сторону, в зависимости от магнитных линий. Во-вторых, многие курганы направлены в разные стороны и на различные небесные светила. И в этом они при-

обретают еще большую значимость.

Молодые археологи замолчали. Что такое магнитное склонение, они не знали.

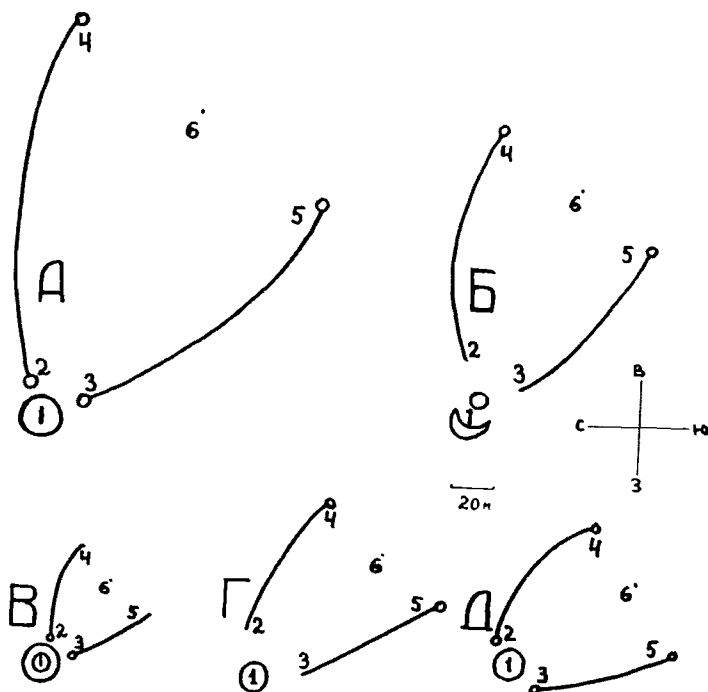
БУДУЩЕЕ КУРГАНОВ С ГРЯДКАМИ

Будут ли полностью расшифрованы курганы с грядками? Прошло около четырех десятилетий со времени моей первой публикации в Вестнике Академии Наук КазССР об астрономическом значении курганов с грядками. Но еще никто не удосужился обратить на них пристального внимания. Полное умолчание об этом открытии было хуже, чем долженствующий, пусть критический его обзор. Впрочем, иногда до меня доходили недоброжелательные отклики в устной форме вроде того, что "мы и так знали, что курганы с грядками направлены на солнце", или обвинения в неточности определения азимутов. Я не имел возможности, да и смелости, на скрупулезное изучение этих курганов. Оно было совершенно негласно для начальства того учреждения, в котором работал, попутно, поспешно, с немалыми трудностями

Фигура 52. Курганы солнечной ориентации.

Некоторые из них в зависимости от горизонта, закрытого с востока или с запада горами, рассчитаны на определение только восхода солнца или только захода солнца. Реже - универсальные курганы, они ориентированы и на заходы, и на восходы.

Фигура 53. Курганы с грядками различной ориентации.

Эти курганы интересны из-за различной ориентации. Они обнаружены в разных местах страны.

дальних путешествий на собственном транспорте и главное без достаточной экипировки. Я не имел возможности раздобыть такой теодолит, по которому можно было бы одновременно определять поправку к компасу в соответствии с магнитными склонениями местности. И первое время, зная о том, что курганы с грядками привлекали внимание своей архитектурой, а также богатством находившегося в них инвентаря, и их более шестидесяти лет изучали археологи, был не уверен в оригинальности своих расшифровок.

И все же, преодолевая трудности в расследовании курганов с грядками, рассчитывал, что моя разведка привлечет внимание ученых. Убедил себя, что тщательное, множественное и скрупулезное изучение еще сохранившихся курганов с грядками при совместном содружестве археологов, астрономов, антропологов и историков помогут окончательно раскрыть значение курганов с грядками. И тогда изумленному взору современности откроется картина сложнейших познаний тайнства звездного неба, приковывающего внимание человека с первыми проблесками его разума.

И, кто знает, быть может, так случится, что ставшее знаменитым на весь мир археологическое сооружение Стоунхендж в Англии, ныне посещаемое толпами туристов со всего мира, кстати сказать, впервые открытого дилетантами (один - торговец мясом, другой - полковник в отставке), тоже привлечет к себе достойное внимание.

*****

ОТ АВТОРА

Территорию, названную в книге "Страной каменных курганов", я посещал в течение пятидесяти лет, как минимум, пять раз, путешествуя, главным образом, на собственной машине. Став пенсионером и без собственного транспорта, я оказался в тяжелом положении: материальные затруднения не позволяли опубликовать свои материалы по Центральному Казахстану. Но неожиданно благодаря помощи Тойоты-центр "Жетысу" мне удалось последняя, шестая, поездка и публикация книги, за что безмерно благодарен этой организации. Последняя поездка в Центральный Казахстан подтвердила и дополнила все, недавно опубликован-

ное в книге "Наскальные рисунки центральных и южных районов Казахстана".

Путешествуя по Казахстану как натуралист и зоолог, я невольно обращал внимание и на все, встречавшееся в природе и представлявшее новизну и интерес для науки. Так сложился большой материал не только по зоологии, но и по археологии. Он и послужил для написания этой книги.

Кратко расскажу о главном ее содержании для лучшего усвоения прочтением читателем. Оно сводится к следующему.

- Найдены ранее никому не известные крупные скопления наскальных рисунков, превосходящие, пожалуй, рисунки урочища Тамгалытас вблизи Алматы, которые известны всему миру. Они свидетельствуют о том, что более четырех тысяч лет тому назад в пустыне Сарыарка, ныне совершенно безлюдной и забытой, существовал другой климат, обеспечивавший оживленную жизнь евроазиатам: андроповцам, а затем скифам - давним предкам казахов.

- Изучение наскальных рисунков подтвердило мое убеждение, что они представляли своеобразную сложную монолитную летопись истории и, в какой-то мере, быта.

- В те времена господствовала не отмеченная в исторических источниках для этой территории религия Заратустры, представителями которой были жрецы. Их уровень совершенства у разных племен был различен. Большой интерес представляла также находка заратустровского кладбища.

- На наскальных рисунках найдены изображения лошади, отличавшиеся от всех известных пород большой головой и крупной челкой. Видимо, эта лошадь была приспособлена к многоснежным зимам и умела выживать, добывая растительность из-под снега. Она нигде не отмечена под всадниками, и, по-видимому, одомашнить ее было невозможно из-за особенностей поведения.

- В обоих крупных скоплениях рисунков обнаружены изображения динозавров. Судя по рисунку, они принадлежат к роду Диплодока. Два вида рода диплодока, описанных палеонтологами, обитали только в Северной Америке. Самое раннее их изображение на скалах может быть датировано вторым тысячелетием до новой эры. Находка свидетельствует о том, что вымирание динозавров, по расхожему мнению, произошло не от внезапной гибели. Эти живот-

ные, как известно, вымирали в течение тридцати миллионов лет. Но с тем, что отдельные особи могли дожить до недавнего времени, вряд ли согласятся ученые-палеонтологи.

- Большой интерес представляют дополнительные данные о так называемых курганах с гробами. Давно я доказал, что это астрономические сооружения скифских жрецов. Их прекратили возводить в начале прошлого тысячелетия, когда на территорию Казахстана внедрились гунны. Сейчас эти сооружения постепенно исчезают, разрушаются человеком и даже археологами.

- В каменных курганах Центрального Казахстана, как оказалось, гнездятся розовые скворцы - активнейшие истребители кобылок и азиатской саранчи. Благополучие и численность этой интересной колониальной птицы всецело зависят от мест, пригодных для совместного гнездования. Искусственными скважинами каменными насыпями, устроенными вблизи выплода саранчи, легко заменить периодические химические обработки против этого несчастья, приносящего громадный вред природе.

- Вблизи северного берега Балхаша были найдены отчетли-

вые следы когда-то происходившего там Потопа. Воспоминания о нем сохранились у многих народов. Подробно исследовать эти следы, а также определить высоту поверхности его воды не удалось в последнюю поездку.

- Последняя поездка в Центральный Казахстан позволила определить состояние Балхаша, многократно посещавшегося мною ранее. Неожиданное повышение уровня озера в два последние года после обмеления и гибели из-за образования Капчагайского водохранилища и забора воды реки Или на орошение Китая произошло из-за небывалой прибыли воды двух рек

- Аягуза и Лепсы, впадающих в восточную оконечность озера. Обе реки стекают со склонов Джунгарского Алатау. Прекращение орошения сельхозземель в бассейнах этих рек, а также обильнейшее таяние ледников вызвало большой приток в озеро. Его восточная половина, как всегда бывшая соленой, даже изменила цвет воды.

- Предсказать будущее Балхаша трудно. На деятельность человека постепенно наложилась надвигающаяся засуха и глобальное потепление.

- Попутно в поездках происходили и наблюдения над миром животных.

Подписано в печать 7.09 2005.
Формат 60х84/16. Бум.тип. 1.
Офсетная печать. Уч.-изд.л. 17. Тираж 1 000.